
Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

ВЫПУСК 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2021

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

МАКСИМЦЕВ И.А. – доктор экономических наук профессор ректор СПбГЭУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БАЕВ В.Г. – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Тамбовского государственного технического университета, почетный работник высшего профессионального образования

БЕРНАЦКИЙ Г.Г. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права СПбГЭУ

ИДРЫШЕВА С.К. – доктор юридических наук, профессор Департамента частного права ВШП АО «Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева».

КАМЕНКОВ В.С. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, Белорусский государственный университет

НОВИКОВ А.Б. – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права СПбГЭУ

РОГАЧЕВСКИЙ А.Л. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права СПбГЭУ

РОМАНОВА Л.И., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета

РЫБКИНА М.В. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права

ТЮНИН В.И. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса СПбГЭУ

ФОМИН А.А. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права СПбГЭУ

ХЛЕБУШКИН А.Г. – доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса

ШЕСТАКОВ Д.А. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба.

ШТАЙНИНГЕР АНДРЕАС – доктор, профессор, Восточный Институт Висмар-Байтен Бурхардт Рехтсанвельте, Германия.

АРИОЛЛИ ДЖОВАННИ – судья Второй уголовной секции, президент налоговой комиссии, профессор Высшей школы судебной власти во Флоренции, профессор Специализированной школы юридических профессий, университет Сапиенца в Риме, Италия.

АНТИНУЧЧИ МАРИО – профессор, школа юридических профессий, профессор Специализированной школы юридических профессий, университет Сапиенца в Риме, Италия

SAMUEL D. BERNAL – PhD, MD, MBA, JD, LL.M professor of Adjunct Faculty of Asian institute of management

JÖRG E. WILHELM – Senator h.c. Prof. Dr. iur., Lawyer and President of Supervisory Board.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

КРАЙНОВА Н.А. – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета СПбГЭУ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

НАЗАРОВ А.П. – ассистент кафедры конституционного и административного права, заместитель декана по учебной работе

Первый выпуск журнала «Ученые записки» Института права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов вышел в 1999 г. до 2004 г. было опубликовано 10 выпусков журнала. В июне 2004 г. журнал зарегистрирован как средство массовой информации под названием «Ученые записки юридического факультета». В журнале печатаются работы, посвященные теоретическим исследованиям в различных отраслях права и анализу юридической практики.

Подписной индекс по каталогу агентства «Роспечать» — **46705.**

Учредитель издания — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет».

Свидетельство о регистрации средства массовой информации — **ПИ № ФС77-57278.**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Крайнова Н.А.</i>	5
----------------------------	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Бернацкий Г.Г., Гордин М.А.</i> НОРМА КАК ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ФОРМА ПРАВА: ЮРИДИКО–МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД	6
<i>Иванюженко А.Б.</i> «РЕКОМЕНДАЦИЯ» И «ПООЩРЕНИЕ» КАК МЕТОДЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И МЕСТО В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ	12
<i>Надточий Ю.В.</i> ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ	21
<i>Максимов В.А., Сварчевский К.Г.</i> КАТЕГОРИЯ «КРЕДИТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»: ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ И СУЩНОСТИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ	27

РАЗДЕЛ 2. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

<i>Винокуров В.А.</i> ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ЧЕЛОВЕКА, ЕГО ЛИЧНАЯ И ВРАЧЕБНАЯ ТАЙНА: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ..	35
<i>Петров В.В.</i> КВАЛИФИКАЦИЯ И ДОКАЗЫВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА. КОНТРАБАНДА КАК ЯВЛЕНИЕ	42
<i>Рагозина Н.А., Ключевская О.А.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА	50
<i>Назаров А.П.</i> О СОВРЕМЕННЫХ ТРЕНДАХ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕХОДА К «ЗЕЛЕННОЙ» ЭКОНОМИКЕ	55
<i>Агеева Е.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОСТАВА ВЕРХНЕГО СУДА США И РОЛЬ ЛИЧНОСТНОГО ФАКТОРА В ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИИ	60
<i>Максина С.В.</i> ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ РАБОТНИКОВ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ИХ К ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	63
<i>Смелов С.А.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИХ ЧИСЛЕННОСТИ	67

Белоусова В.Р. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НЕЗАВИСИМОСТИ АРБИТРАЖНЫХ УПРАВЛЯЮЩИХ	71
---	----

Субачев А.К. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО И ЕГО ПОДКУП: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О КРИМИНАЛИЗАЦИИ	75
--	----

РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Крайнова Н.А., Радюшнова Н.В. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ СУДЬБЫ Н.С. ГУМИЛЕВА И «ДЕЛА ТАГАНЦЕВА»	81
--	----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	87
------------------------------	----

Уважаемые коллеги!

Завершился 2021 год и наступила пора подводить итоги. Каким он был для нас в плане развития юридической науки и правоприменительной деятельности?

Безусловно, он был непростым, по-прежнему обусловленным пандемическими ограничениями, заботами о здоровье и необходимостью организовывать деятельность с учетом текущих обстоятельств. Мы были озабочены проблемами международной безопасности, и вопросы юридических гарантий включены в актуальную мировую повестку. Цифровизация общественных отношений по-прежнему остается мировым трендом и требует новых подходов к правовой регламентации. Однако экспоненциальное развитие цифровых технологий повлекло за собой и увеличение угроз. В этом году мы отмечали тенденции повышенного внимания к проблемам роста киберпреступности и необходимости противодействия киберугрозам. Нет ни капли сомнений в том, что и в 2022 году эти вопросы также будут обсуждаться, а это означает, что научные исследования в различных сферах юриспруденции будут, как всегда, востребованы.

На страницах журнала «Ученые записки юридического факультета» мы рассуждаем на различные темы в сфере права и экономики, и в этот раз мы подготовили для нашего читателя только самые интересные авторские публикации от лидеров мнений – видных ученых, практикующих юристов, сотрудников государственных органов. Из содержания данного выпуска Вы узнаете что-то новое о нормах права, методах правового регулирования, экологической безопасности, получите представление об актуальных практических проблемах, с которыми сталкиваются юристы в арбитраже, гражданских и трудовых спорах. Вы сможете прочитать о новых трендах правового регулирования при переходе к «зеленой экономике» и актуальных вопросах реализации молодежной политики. В нашем журнале Вы также найдете интересную и полезную информацию об исторических аспектах реализации уголовной политики в России.

Мы надеемся, что материалы наших публикаций помогут читателям глубже понять происходящие в обществе процессы, сориентироваться в палитре правовых оценок и суждений, использовать предложения наших авторов в своей научной деятельности и юридической практике.

До новых встреч на страницах нашего журнала!

Кандидат юридических наук, доцент,
декан Юридического факультета Н.А. КРАЙНОВА

Раздел 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 340.128

Георгий Генрихович Бернацкий

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Михаил Александрович Гордин

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

НОРМА КАК ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ФОРМА ПРАВА: ЮРИДИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. В статье представлен анализ правовой нормы как элементарной формы права, осуществленный при помощи методологии материалистического правопонимания, разрабатываемого автором. Делается вывод о том, что категория «правовой нормы» необходимо включает в себя все стороны правовой действительности (т. е. правовых индивидов, их деятельность и условия ее осуществления) и служит «ключом» ее осмысления. Внимание уделяется категориям опредмечивания и распрямечивания правовой нормы, а также термину К. Маркса «Verkehr». В статье приводится критика некоторых утверждений современных правоведов-материалистов о субъективном и объективном праве.

Ключевые слова: правовая норма, материалистическое правопонимание, правовая действительность, теория права, Карл Маркс.

Georgy G. Bernatsky

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

Mikhail A. Gordin

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

NORM AS AN ELEMENTARY FORM OF LAW: A LEGAL-MATERIALISTIC VIEW

Abstract. Annotation. The article presents the consideration of the legal norm as an elementary form of law, carried out using the methodology of the materialistic legal understanding developed by the Author. It is concluded that the category of «legal norm» necessarily includes all aspects of legal reality (i.e. legal individuals, their activities and conditions for its implementation) and serves as a «key» to its understanding. Attention is paid to the categories of the objectification and deobjectivation of the legal norm, as well as to the term of K. Marx “Verkehr”. The article also criticizes some of the statements of modern materialist jurists about subjective and objective law.

Keywords: legal norm, materialistic legal understanding, legal reality, theory of law, Karl Marx.

Диалектико-материалистическая методология предусматривает, что исследование какого бы то ни было феномена, процесса или явления необходимо начинать с рассмотрения самой простой, элементарной формы таковых, чтобы на этой основе выделить общие закономерности, присущие

феномену (процессу, явлению) и, таким образом, раскрыть их глубинное, богатое содержание. Важно заметить, что начало, с которого истекает исследование любого феномена, а тем более феномена общественного, должно отвечать не только критерию логической элементарности, но и об-

ладать свойством понятности, массовидности для лиц, ради которых исследование и осуществляется. В свое время данную максиму диалектического построения исследования вывел В.И. Ленин: «начало – самое простое, обычное, массовидное, непосредственное «бытие»» [2, с. 301]. Специалист по наследию основоположника диалектической логики – Г. Гегеля, С.Н. Труфанов отмечает, что одним из главных принципов диалектического мышления следует считать «продвижение от абстрактных содержательно бедных категорий к конкретным, содержательно богатым категориям» [9, с. 21]. Сам же Г. Гегель начинал свою «Науку логики» с рассмотрения категории, представляющей нам в «простой непосредственности»: «В своем истинном выражении простая непосредственность есть (...) чистое бытие» [1, с. 20]. При всей знаменитой сложности и заумности гегелевской манеры изложения, как минимум данное положение можно считать не только логически выверенным и обоснованным, но и подлежащим к уяснению в любой, даже не самой сведущей голове. Действительно, категория чистого бытия настолько проста и непосредственна для любого: всё, о чем можно только подумать, что только не представить, уже обладает тем свойством, что оно *есть* (даже если мы подумали, например, о кентавре, он тоже есть, только не в природе, а в нашем сознании).

Применивший гегелевский логический метод к исследованию капиталистического способа производства К. Маркс также начинает свой «Капитал» с рассмотрения товара, объясняя это следующим образом: «богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар – как *элементарная форма* этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара» [3, с. 43]. Попытаемся присмотреться к данному утверждению поближе. Вызывая из своего сознания образы, способные помочь нам увидеть «в красках» содержание категории «богатство капиталистического общества», перед глазами сразу возникает картинка ярких витрин, прилавков, ломящихся от разнообразных товаров, предлагающих всем видом себя к покупке. Действительно, в данном случае использование категории товара соответствует не только диа-

лектической логике и принципу восхождения от абстрактного к конкретному, но позволяет ощутить верность избранного метода на уровне эмпирическом даже не самым сведущим в политэкономии людям*.

Попробуем также, обозначив мысленно категорию «право», вызвать в нашем сознании те образы, которые с ней ассоциированы. Возможно, нам это поможет в нахождении исходной категории, того всеобщего начала, с которого следует дальше развивать нашу концепцию. Итак, при предъявлении обозначенной категории в сознании выступают образы различных кодексов законов, толстые тома старинных уложений, цифры и значки, обозначающие номера статей, параграфов и артикулов. Что же есть общего во всем вышеперечисленном? И кодексы, и законы, и древние уложения представляют из себя сформированные по различным основаниям и составленные исходя из различных целей сборники разнообразных правовых норм, собранных соответственно в параграфы, статьи, главы и т. д. Таким образом, мысленно очистив свой исследовательский взор от второстепенных различий между разновидностями нормативно-правовых актов, собранных перед нами в огромную виртуальную кучу и их иерархической структуры, можно заключить, что «богатство» права предстает перед нами как огромное количество правовых норм, причем отдельная правовая норма – как элементарная форма этого «богатства». Категория правовой нормы предстает перед нами в своей простой непосредственности, позволяющей выявить ее системообразующее, очевидное положение среди всех иных категорий юриспруденции. Без наличия нормы невозможен закон, или иной нормативный акт, ибо норма – есть его содержание. Без наличия нормы невозможно и правоотношение, т. к. оно есть живое воплощение, практическая реализация нормы. Без наличия нормы невозможен и процесс правотворчества, т. к. норма является его целью, результатом, и, также, условием. Правовая норма, следовательно, является именно непосредственной, элементарной

* Данное обстоятельство явилось, как представляется, одним из существенных преимуществ, позволивших весьма сложному экономическому учению Маркса стать широко популярным вскоре после выхода 1-го тома «Капитала» в широких массах населения.

и всеохватывающей категорией, «замковым камнем», держащим на себе «здание» системы юридических категорий, при этом на всех уровнях гигантского категориального ряда она есть некое общее место, т. к. всякая иная юридическая категория так или иначе в своем содержании имеет понятие правовой нормы.

В контексте данного рассуждения следует упомянуть, что не все исследователи, использующие в своих изысканиях марксистский диалектический метод, считают необходимым начинать материалистическое изложение теории права с правовой нормы. Например, проф. А.И. Ющик полагает, что «общественная личность права в современном обществе непосредственно выступает как пестрая совокупность гражданских, трудовых, семейных, политических и других прав множества субъектов, а отдельное право субъекта, или субъектное право – как элементарная форма этой совокупности. Субъектное право – исходная правовая категория сферы непосредственного бытия» [10, с. 41–56]. Посчитаем возможным не согласиться в данном утверждении по следующим основаниям. Прежде всего, наличие или отсутствие у субъекта того или иного субъектного права последний может узнать ни откуда-нибудь, а именно из тех норм, которые существуют в правовом пространстве к моменту, когда этот субъект получает правосубъектность и начинает ее осознавать. Всякие субъектные права, их наличие (под-условное наличие или отсутствие) у индивида существуют не априори, не сами по себе; субъектное право своей основой имеет утвердившуюся тем или иным образом правовую норму, постулирующую таковое и сообщающее ее индивиду, образовав возможность это субъектное право реализовать (или, по крайней мере, уяснить). Ставя субъектное право в исходную правовую категорию, утверждая, что субъектное право, т. е. притязание существует до правовой нормы, мы неизбежно уйдем в контекст юснатуалистических представлений о праве, постулирующих изначальное, «естественное» существование неких прав у индивидов. При всем очевидном гуманистическом пафосе подобных воззрений, едва ли можно согласиться, что они могут иметь авторитет в условиях использования диалектико-материалистической методологии в исследовании права. В этом смысле приходится заключить, что

субъектное право все же есть производная категория от нормы, и элементарной формой она считаться не может.

Другой авторитетный специалист в области материалистического правопонимания, проф. В.М. Сырых считает, что в основе действительного права лежит т. н. объективное право, сущность которого составляют такие всеобщие правовые «принципы равенства, свободы воли, взаимосвязи, эквивалентности общеобязательности» [8, с. 50]. При всем том, что труды проф. В.М. Сырых обладают некоторыми значительными достижениями в области материалистического изучения права, с названным тезисом, опять-таки, сложно согласиться. Заметим, что, утверждая наличие в объективном *праве вообще* подобных принципов, ученый ссылается на отрывок текста К. Маркса из его «Экономических рукописей 1857–1859 гг.» (на ст.ст. 188–192 т. 46.1), где немецкий мыслитель действительно пишет, что «если экономическая форма, обмен, полагает всестороннее равенство субъектов, то содержание, субстанция, (...) которая побуждает к обмену, полагает свободу» [4, с. 191]. Однако не следует забывать, что эти слова К. Маркса относятся не к описанию *экономических отношений вообще*, а посвящены рассуждению конкретно о «простом обращении товаров в системе производственных отношений *буржуазного общества*» и «буржуазному равенству и буржуазной свободе» [4, с. 185]. Распространение же названных принципов, кои К. Маркс относил к характеристикам буржуазного общества и товарного производства, не только даже на буржуазное право, но и на сущностные особенности *права вообще* как социального феномена, следует считать ошибочным суждением. Нет необходимости быть большим знатоком истории права, чтобы знать, что в эпоху феодализма правоотношения между крестьянином и помещиком, между мастером и подмастерьем в рамках цеха объективно имели мало общего со свободой воли, равенством, эквивалентностью и пр. И это не считая того положения марксизма, согласно которому в условиях обществ классовых антагонизмов вообще невозможна свобода в подлинном смысле, ибо все мы до сих пор существуем в пространстве «царства необходимости».

Для доказательства высказанного нами утверждения предпримем попытку рассмотреть

категорию правовой нормы, применив к ней диалектико-материалистический метод. Так, для начала, следует обнаружить, что правовая норма является неким общественно-произведенным продуктом человеческой деятельности (или же, следуя марксовской терминологической традиции, деятельности действительных индивидов). Любой созданный человеком продукт, материального или идеального свойства, служит одновременно предметом, результатом деятельности создавших его действительных индивидов, а также условием, при наличии которого, с помощью (или с препятствием) которого эти (и другие, в т. ч. новые поколения) индивиды будут осуществлять свою жизнедеятельность, ориентируясь тем или иным образом на его бытие. Новая правовая норма, общественно произведенная, вводится в правовую систему общества, уже одним фактом своего появления изменяет данную систему, и, соответственно, жизнь, правовое поведение, правосознание – в общем, правовое бытие действительных индивидов. Другими словами, она становится новой координатой, новым условием, возникшим на «ландшафте» правового поля, исходя из наличия которого действительные индивиды будут планировать и осуществлять свои правовые действия, изменять свое правосознание, соотнося последние с появлением этого условия. Изменение правовой нормы, равно как и ее упразднение, также изменяют конфигурацию координат правового «ландшафта», и соответственно, изменяется и правосознание, и правовое поведение действительных индивидов.

Вместе с тем правовая норма, каждая по отдельности, равно как и вся правовая система в целом, не существует сама по себе, изолированно от других сфер общественной жизнедеятельности. И сама сущность, само внутреннее содержание правовых норм, и их бытийность в социальном процессе жизни самым непосредственным образом связана со всем многообразием тех культурных, производственных, коммуникационных особенностей, присущих данному социальному организму в рассматриваемый момент. На это, на примере взаимовлияния права и хозяйствования, в частности указывает Т.Н. Родионова [6, с. 57]. И прежде всего, все эти характеристики, касающиеся правовой нормы, берут свое основание из характеристики тех индивидов, в сообществе

которых эта норма появилась и находит свое существование. Проще говоря, правовая норма является таковой, каковы действительные индивиды, т. е. каково их правосознание, уровень развития гуманитарной и технической культуры, и пр. Находящиеся на известном уровне развития индивиды производят правовые нормы, в общем и целом, соответствующие состоянию их производственных, экономических, гуманитарных отношений, те нормы, которые органично вписываются в контекст социального бытия.

Правовые нормы, регулировавшие правоотношения по торговле рабами, находящиеся в Пандектах Юстиниана, адекватны и органичны для рабовладельческого общества Древнего Рима, но выглядят совершенно неприемлемыми в глазах современного человека постиндустриальной эпохи. Также для обывателя рабовладельческого общества было бы непонятным утверждение о равенстве всех людей и неотчуждаемости их прав. Даже такой выдающейся нравственности человек, как Л.А. Сенека, критикуя унижительные для рабов общественные нравы своего времени, тем не менее считал рабов «смирненными друзьями» полноправных граждан, которые должны «уважать» и «читать» своих господ. Признавая возможным наличие у иного раба свободного духа и доброго нрава, Сенека, тем не менее, не видит в этой связи вредности рабства, не ратует за его упразднение, софистически сводя разговор к тезису о всеобщем рабстве перед фортуной (письмо XLVII, 1–19) [7, с. 139–143]. Вместе с тем, правовые нормы, наличествующие в сфере социальных связей и коммуникации, также обратно влияют и на действительных индивидов, на их правосознание, субъективное отношение к правовой реальности, воздействуют на их рефлексию и формирование планов, моделей, задач предполагаемого правового поведения. Исходя из наличия данных норм, данного правопорядка, учитывая его характеристики и существенные моменты, индивид, воспринимая последние, формирует в своем сознании соответственное суждение о том, каким образом ему следует действовать, каким же не следует и т. д. В этом обстоятельстве мы можем увидеть диалектическое взаимодействие действительных индивидов и правовых норм, их прямое и обратное влияние на сущностные аспекты друг друга.

Помимо этого, правовая норма также непосредственно связана не только с самими индивидами, с их сознанием, но и с их деятельностью, правовым поведением. Во-первых, сами по себе правовые нормы, равно как и остальные продукты (материального или идеального, духовного свойства), представляют собой общественно обусловленную опредмеченную деятельность, «продукт труда» [3, с. 46]. Правовая норма, появившаяся либо посредством многократности повторения некоторого процесса социальной жизни (обычай), либо в залах царских приказов или имперских коллегий, либо путем разрешения парламентских дискуссий в республике, отвлекаясь от всех различий названных процессов, есть результат целенаправленного поведения индивидов, «сгусток» коллективного интеллектуального действия, культурный продукт. Во-вторых, уже будучи сформированным социальным продуктом, норма в процессе деятельностного отношения к ней постоянно распредмечивается действительными индивидами, осознается, усваивается, отражается в их сознании, применяется ими; в-третьих, норма, служа средством, «общественным органом» действительных индивидов используется ими в деятельности, опосредуя их взаимосвязь между собой и объектами, то есть выступает одновременно предметом, условием, результатом и содержанием правовой деятельности. Без постоянного обращения индивидов в их деятельности в правовом пространстве к нормам права, без постоянного использования и влияния на последние невозможно себе представить никакое правовое состояние, правовое бытие как таковое.

Таким образом, мы увидели, что правовая норма представляет из себя сложный, обусловленный всеми сторонами правовой действительности феномен, который, являясь частью условий правовой жизни, одновременно является и выраженной во вне сущностью действительных правовых индивидов, и их опредмеченной деятельностью, причем норма как действительное средство, постоянно находится в процессах усво-

ения, распредмечивания, перехода в образы со стороны индивидов, действительно осуществляющих ее использование в рамках правовой действительности. Ибо если норма по тем или иным причинам прекращает быть осознаваемой, распредмечиваемой, *действительно используемой* в постоянном правовом общении, «феркере» [сложно переводимый термин *Verkehr* К. Маркс использовал для обозначения разнообразных форм социального взаимодействия во множестве своих работ – прим. Авт.] (а также в правовом производстве) – она перестает быть частью правовой действительности, становясь мертвой нормой, юридическим памятником, содержанием истории права, хотя формально она еще может находиться среди действующего права (как это было, например, с демократическими нормами Веймарской конституции, формально неотмененной при нацистском режиме, но не действовавшей в тогдашней печальной социальной практике). В этой связи весьма занимательной представляется позиция представителя коммуникативной теории права, проф. А.В. Полякова, считающего, что «правовая норма – это норма поведения, и нормой правовой коммуникации может стать только такое правило, которое реализуется в поведении субъектов как их права и обязанности (...). Текст закона, не реализуемый в поведении, позволяет конституировать лишь виртуальную норму, но не норму права» [5, с. 19]. Высокое значение реализации, постоянного воплощения нормы в поведении индивидов как критерия действительности последней позволяет концепции коммуникативного правопонимания иметь существенное преимущество в приближении к истинному пониманию диалектического характера правового феномена.

В следующих своих статьях мы планируем представить дальнейшее исследование юридических категорий в их юридико-материалистическом истолковании с целью создания общей структуры нашей концепции материалистического правопонимания.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Гегель Г. Наука логики. Ч. I. Кн. I. / пер. с нем. Н.Г. Дебольского. М.: Издание профкома слуш-ей Инста красной профессуры, 1929. – 687 с.

2. Ленин В.И. План Диалектики (Логики) Гегеля // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 29. С. 297–302.

3. Маркс К. Капитал. Кн. 1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955–1981. Т. 23. С. 43–900.
4. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 46. Ч. 1. С. 3–508.
5. Поляков А.В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 9–42.
6. Родионова Т.Н. Представители экономической мысли о влиянии права на экономическое развитие // Ученые записки юридического факультета. 2021. № 2. С. 56–61.
7. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию / пер. с лат. С. Ошерова. СПб.: Азбука, 2020. – 576 с.
8. Сырых В.М. Прощай, классика, вперед к материалистической теории права! // Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 42–55.
9. Труфанов С.Н. Грамматика разума. Самара: Гегель-фонд, 2003. – 624 с.
10. Ющик А.И. Диалектика права. К.: Ред. журн. «Право Украины»; Ін Юре, 2013. Кн. 1: Общее учение о праве (Критический анализ общеправовых понятий). Ч. 1. 2013. – 456 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕРНАЦКИЙ Георгий Генрихович – доктор юридических наук профессор заведующий кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Контакты: ул. 7-я Красноармейская, д. 6/8, Санкт-Петербург, Россия, 190005. E-mail: gberg@yandex.ru. Тел.: 8 (812) 458-97-17

ГОРДИН Михаил Александрович – магистр юриспруденции аспирант кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Контакты: ул. 7-я Красноармейская, д. 6/8, Санкт-Петербург, Россия, 190005 E-mail: gordinma@mail.ru. Тел.: 8 (812) 458-97-17

AUTHORS

BERNATSKY Georgy G. – Doctor of Law, Professor Head of the Department of Theory and History of State and Law Saint Petersburg State University of Economics. Contacts: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 6/8, Saint Petersburg, Russia, 190005

GORDIN Mikhail A. – Master of Jurisprudence Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law Saint Petersburg State University of Economics. Contacts: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 6/8, Saint Petersburg, Russia, 190005

Дата поступления статьи в редакцию: декабрь 2021 г.

УДК 340.13

Андрей Борисович Иванюженко

Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

**«РЕКОМЕНДАЦИЯ» И «ПООЩРЕНИЕ»
КАК МЕТОДЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ:
ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И МЕСТО
В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ**

Аннотация. В статье последовательно рассматриваются общетеоретические и социальные предпосылки, послужившие причинами для поиска исследователями новых правового регулирования общественных отношений. Автор демонстрирует теоретические проблемы методологии правового регулирования как «предписание», «дозволение» и «запрет». На основе исследования выводов, сделанных современными учеными в отношении алогичности окружающего мира и социума (т. н. метод «нечеткой логики») в работе делается вывод, о необходимости внедрения в регуляцию общественных отношений новых методов правового регулирования. По мнению автора, названное обстоятельство позволит органам власти сделать регуляцию общественных отношений более гибкой. В процессе анализа материалов теории и практики российского права автор приходит к выводам не только о теоретическом допущении существования в правовом регулировании общественных отношений методов «рекомендация» и «поощрение», но и месте, которое занимают эти методы в структуре регуляции общественных отношений в первой четверти XXI века.

Ключевые слова: Рекомендация, поощрение, метод правового регулирования, формальная логика, нечеткая логика, правовая экспертиза, мягкое право.

Andrei B. Ivanujenko

National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation

**«RECOMMENDATION» AND «ENCOURAGEMENT»
AS METHODS OF LEGAL REGULATION:
CAUSES AND PLACE
IN THE PUBLIC RELATIONS MANAGEMENT SYSTEM**

Abstract. The article consistently examines the general theoretical and social prerequisites that served as the reasons for the researchers' search for new legal regulation of public relations. The author demonstrates the theoretical problems of the methodology of legal regulation named as «Prescription», «Permission» and «Prohibition». Based on the study of the conclusions made by modern scientists regarding the illogicality of the surrounding world and society (the so-called «fuzzy logic» method), the paper concludes that it is necessary to introduce new methods of legal regulation into the regulation of public relations. According to the author, this circumstance will allow the authorities to make the regulation of public relations more flexible. In the process of analyzing the materials of the theory and practice of Russian law, the author comes to conclusions not only about the theoretical assumption of the existence of the methods of «Recommendation» and «Encouragement» in the legal regulation of public relations, but also the place that these methods occupy in the structure of regulation of public relations in the first quarter of the XXI century.

Keywords: Recommendation, Encouragement, method of legal regulation, formal logic, fuzzy logic, legal expertise, soft law.

Особенности современного общества первой четверти XXI века неоднократно привлекали к себе внимание исследователей. Подавляющее

большинство философов, экономистов и политологов полагают, что изменения условия жизни социума в информационном обществе являются

существенными. На наших глазах меняются не только методы познания мира, но и сами подходы к его содержанию, свойствам и оценка возможностей познания. Традиционные взгляды на познаваемость материального мира подменяются взглядами на мир, как нечто неопределенное и вероятностное, о чем еще в первой трети XX века писал В. Гейзенберг в «Физике и философии» [21, с. 113]. Главным поставщиком информации для ее оценки становится междисциплинарность предполагающая заимствование явлений из одной области знаний – в другую и в том числе – в юриспруденцию, что позволяло не только понять более предметно место человека в социуме, но и по-новому изложить регуляцию общественных отношений, что отмечал И.Л. Честнов [39, с. 12–13].

В этих условиях нормотворчество обладает некоторым дуализмом.

С одной стороны, при подготовке нормативно-правовых документов государство учитывает правила формальной логики, работает в рациональном ключе, больше полагаясь на опыт и рассудок, чем на интуицию и эмоции. Как справедливо отмечает Т.В. Кашанина, «отказ от этого правила быстро лишит общество гарантий, а право – авторитета» [25, с. 31]. К общим логическим правилам создания нормативных документов относится не только единообразное применение терминов, отсутствие противоречий между частями нормативных актов и системой актов как таковой, но и их убедительность. Данный вывод подтверждается правовой позицией КС РФ, изложенной в Постановлении от 23.04.2004 № 9-П, согласно которой законодатель обязан соблюдать принцип «**поддержания доверия граждан к закону и действиям государства**» (выделено нами – *А.И.*), предполагающее в свою очередь «правовую определенность, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм и предсказуемость законодательной политики», дабы «участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, ответственности их государственной защиты» [10].

С другой стороны, Мойзес Найм, являющийся в прошлом исполнительным директором Всемирного банка и Главным редактором журнала *Foreign Policy*, опираясь на колоссальное количество исследований со всей убедительностью показал, что с возникновением предпосылок для глобализации в 60-х годах XX века современное общество, стало демонстрировать снижение уровня поддержки общественным институтам, результатом чего возник постепенный повсеместный рост недоверия людей к традиционным социальным ценностям [32, с. 86–98]. Семья, наемный труд, денежная единица (т. н. «фиатная валюта»), религия, моральный долг и публичное управление, стали поэтапно подменяться отказом от традиционной гендерной семьи, фрилансом, майнингом цифровой валюты, действиями, не соответствующими традиционной морали и отказом от признания за государством властных начал. Позднее, в 2016 году, по версии *Oxford Dictionaries* «словом года» стал термин «постправда» (*post-truth – англ.*), обозначающее состояние общества, в котором происходит утрата доверия к институтам, ранее обладавшим монополией на производство достоверной общественно значимой информации, в связи с чем существо «публичного правового акта», как регулятора социальных отношений было поставлено под сомнение [15].

Одновременно с началом описываемых изменений общества, еще в 60-е годы XX века американский математик Лютфи Заде в созданной им теории «нечеткой логики» убедительно показал, что человек чувствует и воспринимает мир отнюдь не как «белое и черное», исторически ставшее оценкой общественного нормирования поведения человека в виде публичных запретов и дозволений. В отличие от «традиционной алгебры», основанной на правилах формальной (булевой) логики, в математике Л. Заде была допущена необходимость отказа от кажущихся очевидными и непротиворечивыми законов формальной логики, как «закона исключения третьего» (любое высказывание или истинно, или ложно) и «закона непротиворечия» (два противоречащих суждения не могут быть одновременно истинными), т. к. функция множества может воспринимать в интервале [мат. 0, 1] не только значения 0 или 1, но и любое иное промежуточное

значение. Развивая эту теорию, исследователями была доказана возможность прогнозирования достоверного результата при невозможности применения точных математических методов для описания поведения очень сложных и нечетких систем (в т. ч. в сфере управления), благодаря чему органы власти получили теоретическое обоснования для применения новых методов социальной регуляции [26, с. 403].

В современной России создание норм права как регуляторов социального поведения сталкивается с проблемой отсутствия правовой экспертизы, как специального процессуального действия, необходимого при их подготовке. В частности, в ст. 7 Закона Новосибирской области от 25.12.2006 № 80-ОЗ «О нормативных правовых актах Новосибирской области» предполагает проведение правовой экспертизы подготавливаемых актов [2], однако содержание этого термина не раскрывается, а в Постановлении Правительства РФ от 02.04.2002 № 207 «Об утверждении Типового положения о юридической службе федерального органа исполнительной власти» в п. 6 указывается, что «Служба проводит правовую экспертизу проектов приказов, инструкций, постановлений, распоряжений и других нормативных правовых актов федерального органа исполнительной власти» [3] не разъясняя как условий ее проведения, так и последующего значения для нормотворчества. Названное обстоятельство создает предпосылки сомнения в общеобязательности создаваемых регуляторов, поддерживая в российском обществе афоризм о том, что «В России свирепость законов умеряется их повсеместным неисполнением».

В качестве примера непродуманности создания нормативного акта влекущего за собой изложенный афоризм можно привести Постановление правительства Санкт-Петербурга от 18.10.2021 № 766, вводящего с 1 ноября 2021 г. для жителей города, как потребителей деловых, спортивных, культурно-массовых и досуговых мероприятий в качестве меры профилактики от COVID-19 ряд ограничений при отсутствии у них т. н. «QR-кодов», содержащих информацию о вакцинации владельца, либо – справки, «выданной врачебной комиссией медицинской организации, где наблюдается пациент по заболеванию, являющемуся медицинским отводом» [8]. Поскольку

требования к комиссионному «отводу» от вакцинации устанавливается в последней редакции «Порядка проведения вакцинации взрослого населения против COVID-19» введенной в действие Письмом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24.08.2021 № 30–4/И/2–13481 (П. 8.8) не соответствуют П. 2.7 того же документа, о том что «Ответственность за обоснованность допуска пациента к проведению вакцинации несет врач» [12], а само Письмо, будучи ненормативным актом, отчасти не соответствует требованиям ст. 48 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ [1] и п. 4.7 Порядка создания и деятельности врачебной комиссии медицинской организации, утв. Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 5.05.2012 № 502н [9] в части порядка создания и деятельности названных Комиссий по назначению (не применению) лекарственных средств, и вдобавок – представители торгово-развлекательных организаций не наделены правом требования документов, удостоверяющих личность «вакцинированного», ответная реакция общества выразилась в многочисленных обсуждениях в социальных сетях возможных путей «обхода» названных ограничений, самым простым из которых участникам дискуссий показалось даже не коррупционные схемы приобретения «QR-кода», о которых рассуждал Президент РФ на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021г. [40], а заимствование потребителем «QR-кода» (аналогично – справки) у привитого (переболевшего) знакомого и его предъявление услугодателю с открытым вопросом о материально-правовых и процессуально-правовых последствиях подобного злоупотребления [19].

Обозначенная И.Л. Честновым проблема (усложнение объективных представлений о свойствах систем и в том числе – системы социальной) и приведенные выше примеры, а также, отказ от применения в нормотворчестве принципа «научности» [14, с.85] не могут не найти отражения в поиске новых способов юридической техники, выражаемых в виде методов правового регулирования.

Н.В. Разуваев, описывая особенности правопорядка традиционного общества и государства указывал на ярко выраженное разделение частного и публичного начал, влекущие за собой диф-

ференциацию методов правовой регуляции ним [35, с.176]. Мы же со своей стороны, останавливаясь на методе правового регулирования как способе воздействия права на общественные отношения (группы общественных отношений, классифицируемые как отрасли права), должны констатировать, что в науке Теории права «традиционным» считается наличие и исследование двух методов правового регулирования – диспозитивного (децентрализованного, основанного на координации общественных отношений) и императивного (централизованного, представляющего собой субординацию общественных отношений) [37, с.99]. По этому поводу В.Д. Сорокин отмечает, что подобные взгляды возникли в СССР примерно в 30-е годы XX века в результате принятия по сути концептуального, основанного на диалитическом материализме решения в области правовой науки о том, что каждая отрасль советского права должна быть обособлена от иных отраслей самостоятельным предметом и методом правового регулирования, что позволяло проводить не только теоретические исследования, но и подтверждать их эмпирической базой [36, с. 226–227]. В тоже время, по справедливой мысли этого автора, методология регуляции классифицируется на «запрет», «дозволение» и «предписание», непосредственно содержащихся не в отраслях, а в нормах права [36, с. 253], в связи с чем, возникает определение, изложенное как «виды методов правового регулирования суть виды норм права» [38, с. 99]. Примером, подтверждающим этот тезис, является утверждение, сделанное Т.А. Коломеецовой и Л.Ю. Свистуновой о том, что «Глава 2 Конституции РФ изобилует нормами, дефиниции которых устанавливают запрет на совершение действий, ограничивающих тем или иным образом конкретное право» [27, с. 20].

Однако, кроме традиционных норм права, содержащих запреты и предписания, наличие «дозволения» в современную эпоху правовых исследований некоторыми авторами ставится под сомнение. Причиной тому является тезис, согласно которого в сфере частных интересов независимо от того – публичную или частноправовую сферу регулирует нормативный акт «разрешено все что не запрещено», и посему эта сфера не требует нормативного воздействия. Так, по мыс-

ли В.Л. Вольфсона, Законодатель, регулируя частную сферу только «информирует» субъектов права о рациональных моделях в виде т. н. «бесформенной части области дозволенного». Диспозитивность же регуляции подобных отношений состоит в предоставлении лицам права выбора: вступать в эти отношения или нет [20, с. 16–17], а предписания и запреты содержат только «условия» и «пределы» при соблюдении которых возможно осуществление субъектом выбранной рациональной модели поведения.

Новые подходы к оценке объективной реальности, и соответственно – регуляции общественных отношений, как и к выбору участником отношения рационального или нерационального места в общественных отношениях порой не описываемого правилами формальной логики (примером чего является недавнее проведенное нами исследование поведения лица – субъекта общественных отношений обусловленного опытом героев фольклорных сюжетов [23]), заставляют исследователей рассматривать новые способы воздействия властного субъекта – органа управления на общественные отношения и в первую очередь при помощи т. н. методов «поощрения» и «рекомендации» [30 с.19–20]. Названные методы, скорее характерные для управленческой деятельности, содержатся в отличие от традиционных описанных нами методов не в отдельной норме права, а являясь целью, на достижение которого направлено создание правового акта, могут содержаться в преамбуле или наименовании акта (например, «Методические рекомендации»).

По мнению С.В. Бошно, при использовании в качестве метода правового регулирования т. н. «поощрения», государство, обладая интересом стимулировать определенную правовую активность участников правоотношений за счет мотивации, в результате которой за необходимый (желаемый) вариант поведения устанавливается награда в виде льготы, вознаграждения, или отказа от применения взыскания, что подтверждает внедрение в юридические споры публично-правового характера, т. е. споры о невыполнении предписаний – института медиации. Подобный механизм создает предпосылку для выбора участником публичного правоотношения необходимого поведения, направленного на достижение заранее определенной цели [18, с. 57]. В качестве

примера метода поощрений можно рассмотреть Постановление Правительства г. Москвы от 06.07.2021 № 964-ПП «О поощрении предпринимателей, обеспечивших первыми показатели вакцинации работников....» [7], содержащее в себе ранее изложенное мэром г. Москва С. Собяниным на своем сайте в сети Интернет предложение первым ста организациям и предпринимателям г. Москвы выполнившим требования о добровольной, т. е. не регулируемой законодательно 60%-й вакцинации персонала против COVID-19 получить «гранты» в размере части уплаченного в бюджет г. Москва НДФЛ, а предприятиям московского общепита «четко соблюдающим требования по использованию QR-кодов» [34] – «гранты на полную оплату коммунальных услуг по итогам 3-го квартала 2021 года».

Напротив, в отличие от поощрения, «рекомендация», как метод правового регулирования представляет собой адресованное субъекту правоотношения предложение, совершить определенную деятельность, без какого-либо поощрения. В правовых документах, содержащих этот метод, могут содержаться такие термины, как «желательно», «предложить» и т. п. По мнению С.В. Бошно, «субъект выполнит рекомендацию из намерения быть послушным, лояльным», а властный субъект формулируя рекомендацию оказывает на лицо правовое воздействие и фактически ждет исполнения, что соответствует обязыванию. Способ подобного правового воздействия тождественен поговорке – «предложение, от которого нельзя отказаться», а правовая сила подобного воздействия зависит от авторитета его источника [18, с. 58–59], и в такой же мере – от сферы общественных отношений, в которых возникает подобный способ воздействия.

Например, как мы считаем, актом рекомендательного характера, является т. н. Ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ, определяющего политику в стране на предстоящий календарный год. Необязательность данного документа, как считает М.Ю. Погорелко, сводится к тому, что согласно ст. 90 Основного закона РФ Президент обладает конституционным правом издавать только такие нормативные акты, как Указы и Распоряжения [34, с. 36], а Послание не относится к их числу. В тоже время

в п. 2.1 «Типового регламента внутренней организации федеральных органов исполнительной власти», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 28.07.2005 № 452 отмечается, что «планирование работы федерального органа исполнительной власти по основным направлениям деятельности осуществляется на основе Послания Президента РФ» [4], что по нашему представлению с учетом места должности Президента РФ в конституционном устройстве государства является фактически обязательным для текущей деятельности органа исполнительной власти и в том числе в области законотворческой работы.

Рекомендации, как регуляторы общественных отношений, в отличие от поощрений могут быть частью правового статуса субъекта. Данное утверждение подтверждается существованием в международном праве т. н. актов «мягкого права» (*soft law* – *англ.*), которое по словам С.В. Черниченко именуется «предправом» [37, с. 325], а его содержание может включать в себя неправовые нормы (отраженные в резолюциях международных органов и организаций, в совместных заявлениях, коммюнике), обладающие не правовым, а «морально-политическим» значением [29, с. 138–139] в виде рекомендаций международных организаций не наделенных нормотворческой функцией, но по сути создающих правила, требования которых признаются в силу их рациональности.

Высказанная нами гипотеза об использовании метода рекомендаций лицами, обладающими специальной правосубъектностью, концептуально подтверждается выявленной нами в свое время практикой Конституционного суда РФ, подтверждающий договорную природу создания российского государства [22, с. 381–383], ставшего самостоятельным участником публичных правоотношений, а также взглядом Пленума Верховного суда РФ на проблему толкования договора который в п. 45 Постановления от 25.12.2018 № 49 признал, что в договорных отношениях лицо «профессионально осуществляющее деятельность в соответствующей сфере, либо в сфере требующей специальных познаний» при толковании договора уступает в правах лицу-контрагенту согласно принципа *contra proferentem* [11].

Понимая под «профессионально осуществляемой деятельностью» непосредственно государственное (муниципальное) управление, а под «специальными познаниями» – области профессиональной деятельности лица в различных сферах объективной реальности, знания о которых на момент правоотношения являются более углубленными и систематизированными нежели у общества, мы считаем, что защищая интересы общества органы власти используют в качестве регуляторов не только традиционные методы (нормативные запреты, дозволения или предписания) но и рекомендации, примером чего является материал цитированного нами выше Письма № 30–4/И/1–13048 содержащего «Временные методические рекомендации: «Порядок проведения вакцинации...»» в котором непосредственно указывается на то, что «до сих пор не известно до конца, в какой степени она (вакцина) предохраняет от заражения вирусом и предотвращает его передачу другим людям...» (п.2.16) [12].

Соответственно, подмена лицом, профессионально осуществляющим деятельность в областях знаний, именуемых «специальными познаниями» рекомендаций или поощрений, стимулирующих лицо к действию – традиционными методами в виде тех же предписаний, влечет за собой злоупотребление правом по отношению к участнику общественного договора (человека) что не является допустимым.

В тоже время, исследуя систему общественных отношений, как объект правового воздействия, мы должны учитывать основанную на вышеозначенной теории «Нечеткой логики» Л. Заде концепцию т. н. «многокритериальной оптимизации в динамических системах», взятую за основу в различных сегментах государственного и корпоративного управления (политика, экономика, социология) [16]. Как пишет А. Масалович, «данная теория признала невозможность создания идеальной системы» и как нам представляется – системы социальной), т. к. согласно законам физики, улучшение одной из частей некоей системы не может проходить без изменения качественных характеристик иной части системы, что требует от лиц, занимающихся администрированием системы некоего компромисса [31]. Распространение данной теории на регуляцию общественных отношений предполагает отход от традиционных

регуляторов (норм – предписаний, дозволений и запретов), содержащихся в нормативно-правовых актах и соответствующих традиционному принципу законности – к нормам – содержащимся в ненормативных документах рекомендательного характера (или напротив – направленных на поощрение лиц), обязательных для исполнения и создающихся для достижения текущего либо удаленного результата за счет подмены принципа законности принципом целесообразности. В частности, это отмечает Ю.Г. Арзамасов, рассуждая о феномене «циркулярных писем» т. е. документов, рекомендации которых содержатся в ненормативных актах, но признаются в качестве предписаний как управомоченной так и обязанной сторонами, как например рекомендации ФНС для специалистов в области бухгалтерского учета отдающих приоритет этим документам по сравнению с федеральным законодательством и письма ЦБ РФ для кредитных организаций [14, с. 292, 80].

Поддерживая со своей стороны данный тезис мы должны обратить внимание на неоднократно упоминающееся представителями юриспруденции, бухгалтерского учета и аудита Письмо Федеральной налоговой службы РФ от 10.03.2021 № БВ-4–7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 НК РФ» в котором отмечается, что все его содержание содержит **«рекомендации при доказывании и юридической квалификации обстоятельств, выявленных при проведении мероприятий налогового контроля»** (выделено нами – *А.И.*) [13]. В тоже время текст данного документа фактически стал иметь предписывающее значение как для подведомственных этому органу властных структур (инспекций), так и налогоплательщиков, в связи с чем его содержание повлекло за собой очередной случай подмены принципа законности – принципом экономической целесообразности, что было нами в свое время выявлено при исследовании регулирования финансовых потоков через бюджет Пенсионного фонда РФ. [24].

Подводя итог исследованию мы должны отметить, что новые взгляды на окружающий мир все больше проникают в социальные науки, примером чего является исследование Б.И. Беспалова, в которых он подтвердил возможность использования правил «нечеткой» логики при описании онтологии деятельностной психологии [17, с. 125,

132], а также – использование модели «Нечеткие когнитивные схемы» (*Fuzzy Cognitive Maps – англ.*) для нормативного определения затрат на вероятностно-возникающие (не очевидные) социальные нужды в Великобритании [30]. Вследствие этого, нормативные акты, содержащие методы правового регулирования – «поощрения» (как например, Постановление Правительства РФ от 10.08.2021 № 1324 «Об эксперименте по проведению стимулирующего мероприятия для граждан, принявших участие в вакцинации от новой коронавирусной инфекции» [5]), и в большей степени – «рекомендации» прочно занимают нишу в правовом регулировании деятельности российского социума. Несмотря на всю теоретико-правовую неоднозначность рассматриваемых нами видов методов правового регулирования и неоднозначность правовых документов, содержащих эти методы по отношению к принципу законности, мы можем только надеяться на то,

что в будущем нормативное закрепление названных методов в правотворческой деятельности будут более обоснованным. Этому будет способствовать то, что при принятии нормативных актов, органы власти при выборе метода регулирования общественных отношений будут ориентироваться на функции созданного Управления экспертизы и планирования Правительства РФ в структуре Аппарата правительства РФ (образованного в соответствии с одноименным Распоряжением Правительства РФ от 19.03.2021 № 677-р [6], деятельность которого по задумке разработчиков должна повысить качество управленческих решений, открыть новые возможности для предметного обсуждения социально значимых вопросов в т. ч. за счет экспертного сопровождения инициатив, и сделать систему «обратной связи» – связи между обществом и государством – более эффективной и структурированной [28].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» // Российская газета – 2011. 23 ноября;
2. Закон Новосибирской области от 25.12.2006 № 80-ОЗ «О нормативных правовых актах Новосибирской области» // Ведомости Новосибирского областного Совета депутатов. 2007. № 1;
3. Постановление Правительства РФ от 02.04.2002 № 207 «Об утверждении Типового положения о юридической службе федерального органа исполнительной власти» // Российская газета – 2002. 10 апреля;
4. Постановление Правительства РФ от 28.07.2005 № 452 «Об утверждении Типового регламента внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» // Российская газета – 2005. 5 августа;
5. Постановление Правительства РФ от 10.08.2021 № 1324 «Об эксперименте по проведению стимулирующего мероприятия для граждан, принявших участие в вакцинации от новой коронавирусной инфекции» [Электронный ресурс] // Сайт Правительства РФ. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/43024/> (10 августа 2021 г.);
6. Распоряжение Правительства РФ от 19.03.2021 № 677-р «Об образовании Управления экспертизы и планирования Правительства РФ в структуре Аппарата Правительства РФ» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400371149/> (19 марта 2021 г.);
7. Постановление Правительства г. Москвы от 06.07.2021 № 964-ПП «О поощрении предпринимателей, обеспечивших первыми показатели вакцинации работников, и финансовой поддержке по оплате коммунальных платежей предпринимателей, осуществляющих деятельность в сфере общественного питания с соблюдением ограничений в связи с новой коронавирусной инфекцией» [Электронный ресурс] // Официальный портал мэра и Правительства г. Москвы. – Режим доступа: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/46740220/> (6 июля 2021 г.);
8. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 18.10.2021 № 766 «О внесении изменений в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 № 121» // Российская газета – 2021. 18 октября;
9. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 05.05.2012 № 502н «Об утверждении порядка создания и деятельности врачебной комиссии медицинской организации» // Российская газета – 2012. 22 июня;
10. Постановление Конституционного суда РФ от 23.04.2004 № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А.В. Жмаковского» [Электронный ресурс] //

Информационно-правовой ресурс «Законы, Кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации». – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-23042004-n/> (23 апреля 2004 г.);

11. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Российская газета – 2019. 11 января;

12. Письмо Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24.08.2021 № 30–4/И/2–13481 «О новой редакции Порядка проведения вакцинации взрослого населения против COVID-19» [Электронный ресурс] // Сайт «Законы, кодексы и нормативные акты РФ». – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minzdrava-rossii-ot-24082021-n-30-4i2-13481-o-novoi/> (24 августа 2021 г.);

13. Письмо Федеральной налоговой службы РФ от 10.03.2021 № БВ–4–7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 НК РФ» [Электронный ресурс] // Сайт Информационно-правовой системы «Гарант». – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400330244/> (24 апреля 2021 г.);

14. Арзамасов Ю.Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России М.: Юрлитинформ, 2013. – 480 с.;

15. Архипов В.В. «Возможно ли право в эпоху постправды?» // Закон. 2019 № 12 с. 56–70;

16. Бекмуратов Т.Ф., Мухамедиева Д.Т. Решение задачи многокритериальной оптимизации на основе Z-чисел // Проблемы оптимизации сложных систем: Труды XV Международной Азиатской школы-семинара. Изд.: Институт вычислительной математики и математической геофизики Сибирского отделения РАН (Новосибирск) 2019. с. 10–14;

17. Беспалов Б.И. «Нечетко-множественная модель недизъюнктивности и субъектности психических процессов» // Субъектный подход в психологии: сборник статей. М.: Изд-во ИП РАН, 2009. с. 121–136;

18. Бошно С.В. Способы и методы правового регулирования // Право и современные государства. 2014 № 3 с. 57–59;

19. Бояркова Г. Профанация или сегрегация. Почему коронавирусные QR-коды в Петербурге могут не сработать [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «Фонтанка». – Режим доступа: https://www.fontanka.ru/2021/10/19/70203299/?from=yaneews&utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (19 октября 2021 г.);

20. Вольфсон В.Л. Недобросовестность как диагноз злоупотребления субъективным гражданским правом: монография. – М.: Проспект, 2019. – 80 с.;

21. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое М: Наука, 1989–400 с.;

22. Иванюженко А.Б. Государственный и муниципальный финансовый контроль. (Книга для подконтрольных и контролеров). – СПб.: Нестор-История, 2010. – 398 с.;

23. Иванюженко А.Б. Антропоморфизм в русском фольклоре и произведениях А.С. Пушкина как фактор, формирующий позицию россиян в пенсионных правоотношениях // Журнал юридических исследований. – 2020. – Т. 5. – № 3. с. 52–64;

24. Иванюженко А.Б. О конкретизации применения принципов плановости и законности в российском финансовом праве (на примере правового регулирования деятельности Пенсионного фонда России) // «Развитие научных идей профессора Н.И. Химичевой в современной доктрине финансового права»: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции в рамках III Саратовских финансово-правовых чтений научной школы Н.И. Химичевой, посвященных 90-летию со дня рождения Нины Ивановны. Под редакцией Е.В. Покачаловой. Саратов, Изд.: СГЮА, 2020. с. 86–91;

25. Кашанина Т.В. «Логика права как элемент юридической техники» // Журнал российского права 2008 № 2. с. 25–35;

26. Киселева Э.А., Краева А.А., Савинова Ю.С. Обзор нечеткой логики в управлении // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral» 2019 № 3 с. 401–405;

27. Коломейцева Т.А., Свистунова Л.Ю. «Функции и гарантии конституционных запретов и ограничений» // Ученые записки Юридического факультета СПб ГЭУ, 2021 Вып.3 С. 19–22;

28. Кузьмин В. Правительство перезапустит работу с экспертами и общественностью // Российская газета – 2021. 19 марта;

29. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.;

30. Луковская Д.И., Капустина М.А. Системный подход в теории права // Наука теории и истории государства и права в поиске новых методологических решений: сборник статей / Отв. ред. А.А. Дорская. – СПб.: Астерион, 2012. с. 9–35;

31. Масалович А. «Нечеткие когнитивные схемы – новый инструмент для моделирования экономических, политических, социальных ситуаций» [Электронный ресурс] / А.Масалович // Сайт «супермаркет аналитического программного обеспечения Тора-центр». – Режим доступа: <http://www.tora-centre.ru/library/fuzzy/kognit.htm> (20 сентября 2021 г.);

32. Найм М. Конец традиционной власти. Армия и церковь, корпорация и государство: что изменилось в управлении ими. – М.: АСТ, 2018. (Библиотека Сбербанка Т.82) – 383 с.;

33. Погорелко М.Ю. Нормативно-политические и нормативно-правовые источники и основания государственных политик // Научный эксперт – научный электронный журнал. 2008. Вып. 5. с. 29–49;
34. Разуваев Н.В. Эволюция государства: социально-антропологический и юридический аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. [Электронный ресурс] // Сайт Санкт-Петербургский государственный университет. – Режим доступа: <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/98LFY09jQk.pdf> (20 октября 2021 г.);
35. Собянин С. Вакцинация от COVID-19. Рассылка QR-кодов и гранты для бизнеса». [Электронный ресурс] // Сайт Сергея Собянина. – Режим доступа: <https://www.sobyanin.ru/vaktsinatsiya-ot-covid-19-rassylka-qv-kodov-i-granty-dlya-biznesa> (3 июля 2021);
36. Сорокин В.Д. Административный процесс и административно-процессуальное право. СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург). 2002. – 474 с.;
37. Черниченко С.В. Теория международного права: В 2 т. Т. 2: Старые и новые теоретические проблемы. М., 1999. – 525 с.;
38. Честнов И.Л. Критерии выделения запретительной общности права // Криминалисть. – 2010. – № 1. (6). – С. 97–100;
39. Честнов И.Л. «Имеет ли право на существование постклассическая юриспруденция?» // Известия высших учебных заведений. Юриспруденция. 2012. № 5 (304). С. 9–27;
40. Путин объяснил, почему не поддерживает обязательную вакцинацию от COVID [Электронный ресурс] / Редакционная статья // Сайт информационного агентства «Интерфакс». – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/798690> (21 октября 2021 г.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ИВАНЮЖЕНКО Андрей Борисович – кандидат юридических наук доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС. Контакты: Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., д. 57/43. Россия, 199178, E-mail: iuta2007@yandex.ru, Тел.: +7(921) 918-65-44.

AUTHOR

IVANUJENKO Andrei B. – Associate Professor of the Department of Law The North-West Institute of management – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration PhD in Law. Contacts: 199178 Russia, Saint-Petersburg, Sredny prospect VO, 57/43.

Дата поступления статьи в редакцию: декабрь 2021 г.

УДК 343.851.3

Юлия Викторовна Надточий,Юридическая школа Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток, Российская Федерация**ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В представленной работе подчеркивается трансграничный характер экологических преступлений и их влияние на мировую политику. В статье анализируется как само понятие экологической безопасности, так и международно-правовые средства ее обеспечения, которыми выступают международные договоры и соглашения. В итоге отмечается, что в комплексном виде основы ее международно-правового регулирования не сформулированы, основные принципы и методы защиты окружающей среды разбросаны по многочисленным природоохранным нормам, в связи с чем подчеркивается необходимость их систематизации.

Ключевые слова: экологическая безопасность, охрана окружающей среды, международно-правовое регулирование, международная экологическая безопасность, экологические преступления.

Yulia V. NadtochiyLaw School of the Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation**THE CONCEPT AND CONTENT OF ENVIRONMENTAL SAFETY:
INTERNATIONAL ASPECT**

Abstract. The presented work emphasizes the cross-border nature of environmental crimes and their impact on world politics. The article analyzes both the very concept of environmental security and the international legal means of ensuring it, which are international treaties and agreements. As a result, it is noted that the foundations of its international legal regulation have not been formulated in a comprehensive form, the basic principles and methods of environmental protection are scattered across numerous environmental standards, and therefore the need for their systematization is emphasized.

Keywords: environmental safety, environmental protection, international legal regulation, international environmental safety, environmental crimes.

Такие опасные явления современности, как загрязнение и уничтожение среды обитания, истощение природных ресурсов, утрата биологического разнообразия, разрушение озонового слоя и климатические изменения не ограничиваются пределами и территориальными границами конкретно взятой страны, они, безусловно, носят трансграничный характер и, соответственно, влияют на мировую политику. В этой связи становится очевидным, что усилиями отдельно взятых стран невозможно обеспечить эффективную охрану природы. Мы можем констатировать, что преступления в сфере экологической безопасности на сегодняшний день являются весьма се-

рьезной угрозой всему международному сообществу, в условиях происходящей глобализации общественной жизни экологические проблемы стали межнациональными и для достижения положительного результата, бороться с ними необходимо усилиями всех государств.

Выживание человечества и сохранение цивилизации зависит от осознания необходимости замены бездумной и безудержной эксплуатации природы на достижение гармонии отношений с нею, обеспечивающих экологические интересы и устойчивое экономическое развитие общества. В результате этого понимания в научный оборот широко вошел термин «экологическая

безопасность» и сегодня мы уже говорим о целой развивающейся концепции международной экологической безопасности. Все сказанное и подкрепляет необходимость исследования обозначенного феномена не только в рамках национального права, но и международного.

Что же вкладывается в содержание рассматриваемого термина? Чтобы уяснить его значение обратимся к родовому понятию «безопасность». Оно получило широкое распространение как в России, так и во всем мире в конце XX века.

Трактовку этому понятию можно найти в различных словарях. Так, в толковом словаре С.И. Ожегова под безопасностью понимается состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности [15]. Похожее определение содержится и в толковом словаре Д.Н. Ушакова, где сказано, что безопасность, это «отсутствие опасности, находиться в полной безопасности» [16].

Большой юридический словарь более широко и предметно раскрывает это понятие, определяя ее как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера, предполагающее установление политической, экономической и социальной стабильности в государстве, безусловное исполнение законов и поддержание правопорядка, развитие международного сотрудничества на основе партнерства» [4].

Что касается безопасности международной, являющейся частью общей безопасности, то, согласно российской энциклопедии, она определяется, как состояние международных отношений, при котором обеспечиваются нормальная жизнедеятельность мирового сообщества, стабильное развитие и сотрудничество народов, государств, межгосударственных объединений, надёжная защищённость жизненно важных интересов каждого из них от возникающих угроз [2]. Немного иную формулировку предлагает большой энциклопедический словарь, где международная безопасность раскрывается как система международных отношений, основанная на соблюдении всеми государствами общепризнанных принципов и норм международного права, исключаящая

решение спорных вопросов и разногласий между ними с помощью силы или угрозы [3].

Таким образом, мы видим, что в целом безопасность понимается как «защищенность», а именно отсутствие опасности, т. е. когда для кого-нибудь или чего-нибудь не существуют угрозы со стороны кого-то или чего-то.

Тут нужно понимать, что само рассматриваемое понятие многозначное и многогранное и раскрывается в различных ситуациях в зависимости от контекста, т. е. от объектов безопасности, угроз безопасности и отражается в соответствующем законодательстве. В силу обозначенного предмета исследования нас интересует безопасность экологическая, под которой в российском законодательстве понимается состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий [12].

Отметим, что, несмотря на имеющееся легальное определение, в научной литературе можно встретить различные точки зрения относительно содержания исследуемого понятия. Приведем некоторые из них. Так, например, А.А. Тер-Акопов предложил весьма лаконичный вариант данного понятия. Он писал, что «экологическая безопасность представляет собой состояние защищенности человека от воздействия негативных факторов природной среды» [14, с. 181]. В предложенном определении, как мы видим, автор по сути говорит о защите человека от природы, что на наш взгляд не вполне верно, ведь само понятие «экологический», согласно уже упомянутому нами толковому словарю С.И. Ожегова, означает «природный, относящийся к природной среде», соответственно речь, по нашему мнению, должна идти о защищенности всей природной среды и уже человека как ее части.

Более развернутое определение предложено В.Д. Курченко, хотя акценты, на наш взгляд, и здесь расставлены не совсем правильно по причинам, обозначенным выше. Так, по мнению автора, экологическая безопасность – это «основанное на законе состояние защищенности граждан от общественно опасных посягательств на их жизненно важные права и интересы в процессе

их взаимодействия с окружающей средой по поводу осуществления производственно-хозяйственной или иной общественно-полезной деятельности в сфере экологии» [9, с. 98].

Е.А. Нестеренко считает, что «экологическая безопасность – это безопасность всех жизненно важных для человечества экологических компонентов нашей планеты, и поддержание надлежащего природного равновесия между ними» [11, с. 252]. Данная трактовка представляется, более приемлемой, хотя здесь автор не раскрывает термин «безопасность».

В международно-правовых документах мы можем встретить следующие определения экологической безопасности: «система политических, правовых, экономических, технологических и иных мер, направленных на обеспечение гарантий защищенности окружающей среды и жизненно важных интересов человека и гражданина от возможного негативного воздействия, хозяйственной и иной деятельности и угроз возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в настоящем и будущем времени» [10]; «состояние защищенности личности, общества и государства от последствий антропогенного воздействия на окружающую среду, а также стихийных бедствий и катастроф» [13].

Специалисты изучающие вопросы экологической безопасности в международном праве также раскрывают ее по-разному. Так, например, А.С. Шишко отмечает, что «экологическая безопасность представляет собой комплекс правовых, организационных и материальных гарантий защиты окружающей среды каждого государства от вредоносного воздействия, источники которого расположены за пределами данного государства» [17, с. 4]. А.В. Кукушкина определяет ее как «сложную взаимосвязанную и взаимозависимую систему международных экологических норм, направленных на обеспечение безопасности всех жизненно важных для человечества экологических компонентов планеты, а также на сохранение и поддержание существующего естественного природного баланса между ними» [8, с. 219–220].

А.В. Агафонов в своей работе по международно-правовой охране окружающей среды говорит о международной экологической безопасности, при этом подчеркивает, что она предполагает такое состояние международных отношений, при

котором обеспечивается сохранение, рациональное использование, воспроизводство и повышение качества окружающей среды [1, с. 23].

Как мы видим все предложенные определения не противоречат друг другу, раскрывают экологическую безопасность с разных аспектов, с разной степенью конкретизации и расстановки акцентов. Мы можем констатировать, что все усилия ученых направлены на выработку наиболее оптимального определения, вмещающего в себя весь спектр общественных отношений, возникающих в сфере охраны окружающей среды.

Здесь также отметим, что на сегодняшний день рассматриваемый термин широко употребляется как во многих российских нормативно-правовых актах, в том числе в ст. 72 Конституции РФ, в федеральных законах (к примеру, ФЗ «О безопасности» от 28.12.2010 г. № 390, ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 г. № 7 и т. п.), указах Президента и постановлениях Правительства (к примеру, Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности РФ» от 02.07.2021 г. № 400, Указ Президента РФ «О Стратегии экологической безопасности РФ на период до 2025 года» от 19 апреля 2017 г. № 176 и т. п.), так и международных. Остановимся на последних чуть более подробно и отметим наиболее важные этапы в становлении и развитии международной охраны окружающей среды и концепции экологической безопасности.

Так, впервые на международном уровне о необходимости охраны природы было заявлено на Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды 1972 г. (Стокгольмская конференция), где обсуждалась новая на тот момент концепция устойчивого развития, которая в настоящее время является наиболее популярной концепцией развития человечества, а также была создана Стокгольмская декларация, установившая 26 принципов сохранения окружающей среды. В частности, в Декларации отмечалось, что все возрастающее число проблем, связанных с окружающей средой, поскольку они оказывают воздействие на общую международную сферу, потребует широкого сотрудничества между государствами и принятия мер со стороны международных организаций в общих интересах, а также, что охрана и улучшение окружающей среды стали целью, которая должна достигаться совместно

и в соответствии с целями мира и международного экономического и социального развития [5]. Значение данного документа трудно переоценить, разработанные в декларации принципы в дальнейшем послужили важнейшей предпосылкой для разработки и принятия в России основных законов, направленных на охрану природы.

В 1973 г. Россия в числе 145 государств мира подписала Конвенцию о международной торговле видами дикой флоры и фауны, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС) [7]. Перемещение через таможенную границу этих видов возможно только при наличии специального разрешения. Сразу отметим, что идеи данной Конвенции в настоящее время воплощены в ст.ст 229.1, 258.1 УК РФ, как раз касающихся контрабанды и оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов.

Еще одним крупным и важным документом в международной охране природы является Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию, принятая на конференции Организации Объединённых Наций по окружающей среде и развитию в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро (Саммит Земли) [6], в которой получили продолжение и развитие основные принципы разработанные в Стокгольмской Декларации.

Российская Федерация как участник этих конференций и совещаний, по их итогу разработала и приняла ряд законов в этой сфере, в частности ФЗ «Об охране окружающей природной среды» (19 апреля 1991 г.), «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (19 апреля 1991 г.), ФЗ «О недрах» (19 февраля 1992 г.) и другие.

С тех пор правовая основа сотрудничества государств в сфере экологической безопасности постепенно развивалась, расширялась, усложнялась и совершенствовалась. В современном мире общее число международных пактов и конвенций в рассматриваемой сфере ежегодно растет, все больше стран с развитой экономикой присоединяются к международным программам в области охраны окружающей среды, осознавая, что их безопасность находится под угрозой в результате происходящих экологических кризисов в других странах.

В связи с этим на международном уровне сегодня речь идет о разработке концепции эко-

логической безопасности, которая предполагает изменение традиционных подходов к охране окружающей среды, она призвана создать условия для безопасного экологического развития всех государств. Главное в данной концепции – это предотвращение экологических катастроф как условие выживания человечества, т. е. здесь устанавливается прямая связь между охраной окружающей среды и безопасностью человечества. При этом государства обязаны осуществлять свою деятельность таким образом, чтобы исключить воздействие экологических стрессов на локальном, национальном, региональном и глобальном уровнях и не причинять ущерб как другим государствам, так и всему международному сообществу.

В основе концепции, нацеленной на изменение отношения мирового сообщества к окружающей среде, лежат совместные, согласованные действия государств направленные на защиту природы и обеспечение экологической безопасности. Основные принципы и методы этой защиты зафиксированы в документах, подписанных государствами-участниками международных соглашений. К ним, помимо уже обозначенных нами, относятся документы, принятые на Саммите тысячелетия в Нью-Йорке в 2000 г., Всемирном саммите по устойчивому развитию в Йоханнесбурге в 2002 г., которые являются стратегическим руководством для достижения целей устойчивого развития. Кроме того, следует упомянуть Договор об Антарктике 1959 г., Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) оружия и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 г., Конвенцию о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г., Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., Венскую конвенцию об охране озонового слоя 1985 г. и Монреальский протокол к ней 1987 г., Конвенцию о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации 1986 г., Конвенцию о биологическом разнообразии 1992 г., итоговый документ конференции «Рио+20» 2012 г., называющийся «Будущее, которого мы хотим» и мн. др.

Все обозначенные документы содержат важные концептуальные положения по обеспечению

экологической безопасности и сотрудничеству государств, которое в этой сфере заключается в двух основных составляющих, во-первых, в определении общих принципов борьбы с глобальной угрозой экологической безопасности, и, во-вторых, во взаимопомощи в решении конкретных возникших проблем экологического характера.

Подводя итог изложенному отметим, что понятие «экологическая безопасность» широко употребляется как в российском законодательстве, так и в международно-правовых документах, однако, отсутствие единого четкого толкования данного термина, порождает научные рассуждения и дискуссии. Правовыми средствами обеспечения экологической безопасности на международном уровне являются международные договоры, соглашения и иные международно-правовые документы, формирующие экологическое правовое пространство и содержащие общие

принципы и правовые нормы в области охраны окружающей среды. Подчеркнем, что эти нормы оказывают непосредственное влияние на формирование внутреннего законодательства России, в частности, при принятии отдельных законов и при формулировках отдельных статей, конкретизирующих общее положения, содержащиеся в международно-правовых документах.

Также отметим, что основы международно-правового регулирования экологической безопасности в комплексном виде пока не сформулированы, само понятие международной экологической безопасности в международно-правовых документах в основном лишь называется, но не раскрывается, а основные принципы и методы защиты окружающей среды разбросаны по многочисленным природоохранным нормам, в связи с чем просматривается необходимость их систематизации и кодификации.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Агафонов А.В. Международно-правовая охрана окружающей среды // Естественно-гуманитарные исследования, № 16 (2), 2017. С. 13–27 [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovaya-ohrana-okruzhayushey-sredy/viewer> (дата обращения 25.01.2022).
2. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bigenc.ru/military_science/text/2198796 (дата обращения 20.09.2021).
3. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/193430> (дата обращения 20.09.2021).
4. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/large-legal/articles/360/bezopasnost.htm> (дата обращения 20.09.2021).
5. Декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды 1972 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения 25.01.2022).
6. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию, принята на конференции Организации Объединённых Наций по окружающей среде и развитию в июне 1992 года в Рио-де-Жанейро [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения 25.01.2022).
7. Конвенция международной торговле видами дикой флоры и фауны от 3 марта 1973 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cites.shtml (дата обращения 25.01.2022).
8. Кукушкина А.В. Международно-правовые аспекты экологической безопасности на современном этапе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 218–225 [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-aspekty-ekologicheskoy-bezopasnosti-na-sovremennom-etape/viewer> (дата обращения 25.01.2022).
9. Курченко В.Д. Проблемы применения норм о преступлениях против экологической безопасности населения: дис... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 227с.
10. Модельный закон экологической безопасности // Принят на двадцать втором пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. [Электронный ресурс]: постановление № 22–18 от 15 ноября 2003 г. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения 25.01.2022).
11. Нестеренко Е.А. Защита окружающей среды и экологическая безопасность // Всеобъемлющая международная безопасность. М., 1990. С. 252.
12. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы Консультант+.

13. О принципах экологической безопасности в государствах Содружества // Рекомендательный законодательный акт, принятый Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств в Санкт-Петербурге 29 декабря 1992 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения 25.01.2022).

14. Тер-Акопов А.А. Безопасность человека. М., 1998. С. 181.

15. Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.вокабула.рф/словари/толковый-словарь-ожегова/безопасность> (дата обращения 11.06.2018).

16. Толковый словарь Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=2007> (дата обращения 20.09.2021).

17. Шишко А.А. Предупреждение трансграничного загрязнения (международно-правовые проблемы). Киев: Наукова думка, 1990. 98 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

НАДТОЧИЙ Юлия Викторовна – кандидат юридических наук доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, Контакты: п. Аякс, д. 10, о. Русский, г. Владивосток, Приморский край, 690922, E-mail: juliana.yuv@mail.ru. Тел.: 89025562559.

AUTHOR

NADTOCHIY Yulia V. – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Candidate of Law, Associate Professor, Contacts: Ajax, 10, Russian Island, Vladivostok, Primorsky Krai, 690922, E-mail: juliana.yuv@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: декабрь 2021 г.

УДК 347.457

Виталий Алексеевич Максимов

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Константин Геннадьевич Сварчевский

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

КАТЕГОРИЯ «КРЕДИТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»: ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ И СУЩНОСТИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию мнений представителей экономической теории и экономической социологии касательно категории «кредитные отношения». В целом соглашаясь с подходом ученых, которые рассматривают кредит как экономические отношения, и, считая их позицию обоснованной и практически полезной, учитывая возможность исследования кредита через анализ элементов структуры кредитных отношений и их взаимосвязей авторы высказывают и существенные замечания к последним. В статье авторы аргументируют свою точку зрения и делают вывод с учетом анализа мнений различных ученых, что, исследуя категорию «кредитные отношения» как социальную связь ученым нельзя опираться только на исследования доверия и ответственности участников кредитных отношений, а также исследовать взаимную заинтересованность участников кредитных отношений в установлении последних.

Ключевые слова: Кредит, доверие, экономическая категория, кредитные отношения, экономическая социология.

Vitaly A. Maksimov

Department of Civil Law of the North-Western Branch
of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation

Konstantin G. Svarchevsky

Department of Civil Law of the North-Western Branch
of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation

CATEGORY «CREDIT RELATIONS»: DEFINING CONTENT AND ESSENCE IN THE SOCIAL SCIENCES

Abstract. The article is devoted to the study of opinions of representatives of economic theory and economic sociology concerning the category «credit relations». In general, agreeing with the approach of scientists who consider credit as an economic relationship, and considering their position to be justified and practically useful, given the possibility of studying credit through an analysis of elements of the structure of credit relations and their relationships, the author also makes substantial comments to the latter. In the article, the author argues his point of view and concludes, taking into account the analysis of the opinions of various scientists, that by exploring the category of «credit relations» as a social connection scientists cannot rely only on research on the trust and responsibility of participants in credit relations, as well as to explore the mutual interest of participants in credit relations in establishing the latter.

Keywords: Credit, trust, economic category, credit relations, economic sociology

Категории экономической теории являются основой многих правовых категорий. Поэтому исследование экономических категорий – предпосылка для любого исследования соответствующих

гражданско-правовых категорий. В экономической теории под экономической категорией, как правило, понимают теоретические, абстрактные, логические понятия, которые в обобщенном

виде отражают основные, существенные, родовые признаки экономических процессов и явлений и определяющие характер научно-теоретического мышления эпохи (потребности, цены, прибыль, собственность, деньги, кредит и др.). Одной из древнейших экономических категорий является категория «кредит». Представители экономической теории рассматривают кредит как историческую категорию, возникновение и развитие которой связано с возникновением и развитием товарного производства и денежных отношений. При этом возникновение кредита связано прежде всего со сферой обмена [1]. И лишь позже потребность в кредите стала предопределяться не только потребностями обмена, но и таких сфер общественного воспроизводства, как производство и потребление, что, в свою очередь, обусловило возникновение первых банков.

Таким образом, существование кредита в условиях современной рыночной экономики обусловлено прежде всего существованием объективных экономических причин, к которым можно, в частности, отнести: частную собственность на средства производства, товарный характер общественного производства, общественное разделение труда; потребность в организации производства при отсутствии собственного капитала; потребность в реализации продукции (товаров, работ, услуг) при отсутствии средств у ее получателя; высвобождение средств в одной из отраслей общественного производства вследствие неравномерного кругооборота капитала и возникновения потребности в других отраслях общественного производства; несовпадение наличия необходимой суммы и срока кругооборота капитала отдельных субъектов хозяйствования и тому подобное.

Рассматривая кредит, нужно отметить, что он является самостоятельной экономической категорией, которая тесно взаимосвязана с другими экономическими категориями, прежде всего с экономической категорией «деньги» и «финансы». По мнению современных экономистов, кредит, деньги и финансы являются самостоятельными экономическими категориями, которые выражают различную специфическую суть, сферу использования и характер движения стоимости.

Анализируя экономическую категорию «кредит», экономисты признают, что по своей сущ-

ности и механизму воздействия на процесс общественного воспроизводства кредит является не просто древнейшей экономической категорией, а одной из самых сложных экономических категорий. Заметим, что по своей сложности категория «кредит» может уступать только категории «деньги».

Несмотря на большое количество научных исследований, вопрос по определению сути кредита в экономической литературе является до сих пор предметом оживленных научных дискуссий. Анализ теорий кредита дает основания говорить о том, что взгляды экономистов постоянно менялись как следствие противоречий между теоретическими представлениями о кредите и формам его проявлений на практике. Учитывая это можно согласиться с мнением академика И. А. Трахтенберга, который указывал, что «кредит должен исследоваться как явление, которое развивается диалектически и непрерывно» [2, с. 15–16].

Анализируя взгляды современных экономистов на кредит, можно прийти к выводу, что в экономической теории нет единого мнения относительно понимания этой экономической категории. Исследования представителей натуралистической, капиталобразующей и других теорий кредита дали возможность выявить содержание этой экономической категории. Как следствие большинство современных постсоветских экономистов понимает кредит как экономические отношения, а именно: кредит – как общественные отношения, возникающие между экономическими субъектами в связи с передачей друг другу во временное пользование свободных средств (стоимости) на принципах возвратности, платности и добровольности; или как экономические отношения между кредитором и заемщиком по поводу мобилизации и использования временно свободных средств или товаров на условиях возврата, а также срочности и платности [3; 4].

В целом соглашаясь с подходом ученых, которые рассматривают кредит как экономические отношения, и, считая их позицию обоснованной и практически полезной, учитывая возможность исследования кредита через анализ элементов структуры кредитных отношений и их взаимосвязей следует высказать и существенные замечания к последним:

а) большинство приведенных научных дефиниций характеризуют только денежный кредит, что является их существенным недостатком;

б) попытка отдельных ученых отнести к кредитным отношения по мобилизации ресурсов также является ошибочной ввиду того, что такая мобилизация непосредственно не касается движения кредита;

в) ни одна из приведённых дефиниций не учитывает то, что субъектный состав кредитных отношений (кредитор, заемщик) может быть более сложным (например, синдицированный/консорциумный кредит и прочее).

В отличие от указанного выше меньшинство современных экономистов остается на позиции, согласно которой кредит рассматривается как форма движения ссудного капитала [5, с. 187; 6, с. 32; 7, с. 6]. Под последним они понимают, как правило, не просто деньги, которые их владелец предоставляет на определенное время на возвратной основе за плату другому лицу, а денежный капитал, который передается предпринимателем – владельцем средств предпринимателю-заемщику во временное пользование за соответствующую плату с целью получения прибыли, основной функцией которого является денежное обслуживание субъектов рыночного хозяйствования, что обеспечивает стабильность их деятельности, ускоряет скорость оборота их капитала [8, с. 329; 9, с. 371]. Соответственно, кредит предоставляется заемщику для ведения хозяйства и получения прибыли. При этом денежный капитал рассматривается экономистами как обособленная форма промышленного капитала, от которого денежная форма капитала отделилась и приобрела самостоятельный вид общественного денежного капитала.

По нашему мнению, определение кредита как формы движения ссудного капитала, не отражает сущности кредита. В связи с этим к этому определению следует высказать следующие замечания:

а) оно сводит экономическую сущность кредита к сугубо денежным отношениям, игнорируя существование других форм кредита (например, товарного);

б) оно игнорирует факт значительного распространения кредитов, не имеющих формы движения капитала, поскольку направлены на потребление (потребительский кредит).

В связи с этим нельзя поддержать и правоведов [10, с. 175], которые разделяют указанные взгляды экономистов. Отметим, что позиция экономистов, которые рассматривают кредит как форму движения ссудного капитала, в экономической научной среде подвергается содержательной критике [11, с. 31].

В свою очередь отдельные экономисты как компромисс пытаются сблизить оба указанных подхода и рассматривают кредит как форму движения ссудного капитала, и как экономические отношения по поводу мобилизации свободных ресурсов на условиях платности и срочности [8, с. 329; 12].

Характеризуя наиболее распространенные взгляды современных отечественных экономистов на кредит, нельзя не обратить внимания и на позицию тех экономистов, которые отождествляют кредит со сделкой или с деньгами, товаром или иными ценностями.

Такие ученые, как правило, определяют кредит:

а) как ссуду в денежной или товарной форме, предоставляемой банком или юридическим (или физическим) лицом, кредитором другому лицу – заемщику [13, с. 362; 14, с. 342];

б) как деньги, товар или другие ценности, которые передаются от кредитора к заемщику на определенный срок на условиях возврата и, как правило, с уплатой заемщиком процентов за пользование кредитом [15, с. 320];

в) как обратное движение меновой стоимости при обязательном условии выплаты процента.

При рассмотрении этих дефиниций следует помнить, что в экономической науке термины «кредит», «заем», «ссуда» традиционно рассматриваются как синонимы. Поэтому не следует рассматривать термин «ссуда» в экономическом его понимании как соответственно названный договор, предусмотренный ГК РФ.

По нашему мнению, ученые, которые определяют кредит как сделку, характеризуют не столько экономические отношения, возникающие на его основании, сколько сосредотачивают свое внимание на чисто внешних и формальных признаках кредита, используя для его определения не экономические, а правовые понятия. В связи с этим следует помнить, что еще академик И.А. Трахтенберг, рассматривая отношения,

возникающие на основании договора ссуды, писал, «что не сама ссуда характеризует кредит как экономическую категорию..., а те производственные отношения, формой осуществления которых является сделка ссуды» [16, с. 374].

Аналогичная ситуация и с учеными, которые определяют кредит как деньги, товар, ценности или движение меновой стоимости, что свидетельствует о некотором упрощении подхода в определении этой экономической категории.

В теоретической плоскости не предоставляют ничего нового по отношению к вышеприведенным доводам и определение кредита, приводимые современными зарубежными экономистами (например, Л. Миллер и Д. Д. Ван-Хуз [17, с. 82], Е.Дж. Долан [18, с. 17]). На наш взгляд, это обусловлено тем, что категория «кредит» исследуется современными западными экономистами преимущественно лишь как финансовый инструмент, с помощью которого банками осуществляется эмиссия безналичных денег и соответственно «накачка экономики ликвидностью». Отсутствие современных и научно содержательных исследований кредита ярко подтверждает и факт отсутствия содержательных научных исследований по поводу возникновения таких новейших явлений в банковской сфере, как негативные процентные ставки по депозитам и кредитам. По теории классической политической экономии известно, что при перепроизводстве товаров происходит падение цен на товары, аналогичная ситуация и с деньгами, из-за перепроизводства которых происходит падение цен на деньги. Доказательством этого и является возникновение феномена отрицательных процентных ставок сначала по банковским депозитам, а затем и по кредитам. Указанное может вести современную банковскую систему в будущем к существенным изменениям, в результате чего кредитные операции могут перестать быть основным источником доходов банков. На указанную тенденцию указывали, еще французские исследователи К. Гавальда и Ж. Стуфле [19, с. 12–13].

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что взгляды на кредит современных отечественных и зарубежных экономистов являются дискуссионными и далекими от однообразия. При этом с точки зрения подавляющего большинства экономистов кредит рассматривается как эконо-

мические отношения, обеспечивающие перераспределение средств на началах возвратности, срочности и платности. То есть категории кредит и кредитные отношения рассматриваются как тождественные. В отличие от этого представители экономической науки, которые рассматривают кредит как форму движения ссудного капитала, сделку, деньги, товары и др. даже не выражая своей позиции по этому поводу, фактически прямо или косвенно обосновывают существование двух самостоятельных экономических категорий «кредит» и «кредитные отношения». Соответственно, как и по большинству других теоретических вопросов по названным категориям, в экономической науке нет единого мнения по данному вопросу.

Понятно, что общественные отношения, возникающие в связи с кредитом, исследуются не только экономической наукой, но и другими общественными науками, в частности, экономической социологией. Последняя определяется как междисциплинарная наука, которая интегрирует социологию и экономическую науку, исследуя закономерности экономической жизни через призму социологических категорий, поэтому большинство ученых склонны под последней понимать социологический подход в изучении экономических явлений. Понятно, что экономическая социология исследует те социальные отношения, которые связаны с процессами производства материальных благ, их обмена, распределения и потребления.

В итоге, мы согласны с мнением тех ученых, которые указывают, что под категорией «кредитные отношения» следует понимать:

а) разновидность социальных связей, которые охватывают все сферы жизнедеятельности общества, в основе механизма которых лежит процесс оказания различного рода благ на ограниченное время одними социальными субъектами другим с целью удовлетворения обоюдных потребностей всех участников этих отношений;

б) форму социального обмена;

в) социальные отношения, которые имеют обязывающий характер и построены с учетом доверия, времени, неопределенности, отсрочки, символической платности, социальной действительности, что в свою очередь достигается благодаря взаимному уважению, обязательности, честности,

порядочности, имиджу, чести и репутации субъектов кредитного процесса;

г) разновидность социально-доверительных отношений.

Таким образом, экономическая социология в отличие от экономической науки исследует прежде всего субъективные факторы, присущие кредитным отношениям, в частности, социальное доверие и взаимную заинтересованность участников кредитных отношений в их использовании. При этом, по нашему мнению, в процессе таких исследований большинство социологов абсолютизируют доверительный характер отношений в сфере кредитных отношений.

Социально-экономические отношения, по убеждению многих представителей экономической социологии, должны строиться, в частности, на такой ценности социальной жизни как «доверие». В современный период весомый вклад в разработку теории доверия сделали такие экономисты и философы как Л. фон Мизес, А. Маршал, К. Эрроу, Р. Г. Коуз, Ф. Фукуяма [20, с. 355–359; 21, с. 62; 22, с. 78–90; 23, с. 92–95; 24, с. 28].

Понятно, что возникновение кредитных отношений может требовать определенной степени доверия друг к другу от участников таких отношений. Наряду с тем ученым следует различать отношения, возникающие между физическими лицами на бытовом уровне (например, возникающие на основании договора займа, заключенного между родственниками или хорошо знакомыми между собой людьми) и кредитные отношения, возникающие между заемщиком и кредитором — финансовым учреждением.

В первом случае отношения кредита могут иметь в определенной степени доверительный характер, что на практике во многих случаях сопровождается предоставлением средств даже без надлежащего оформления отношений займа между сторонами и наличия обеспечения. В отличие от этого в случае, когда кредитором является финансовое учреждение, кредитор не может предоставлять кредит исключительно на основании доверия. Как указывал известный советский экономист З. С. Каценельбаум, «в современном хозяйстве соглашения, основанные на личном доверии, по сути соглашения не обеспеченные, встречаются крайне редко» [25].

Указанное обусловлено следующим:

а) представитель финансового учреждения, который обслуживает заемщика, как правило, лично не знаком с последним и получает информацию о нем из полученной от последнего кредитной заявки и анкеты заемщика, данные которых проверяются кредитором, с использованием разнообразных источников информации;

б) банки и другие кредиторы обязаны проверять кредитоспособность заемщиков;

в) законодательство ограничивает возможность предоставления финансовыми учреждениями бланковых кредитов (кредиты без обеспечения).

Таким образом, даже небанковские финансовые учреждения, предоставляющие так называемые «экспресс кредиты» (мелкие кредиты до зарплаты без обеспечения с минимальной проверкой личности заемщика и его кредитоспособности), предоставляют такие кредиты не на основании личного доверия к заемщику, а на основе учета существующих в таком случае кредитных рисков, которые в значительной мере нивелируются огромными процентными ставками по выданным кредитам, одной из задач которых является компенсация потерь кредитора от невозврата заемщиками значительного объема таких кредитов.

Как указывает А. И. Лаврушин, «доверие в кредите действительно имеет место, его нельзя игнорировать, оно имеет психологический, моральный аспект. Доверие имеет важный экономический смысл. Только тот субъект имеет возможность получить во временное пользование чужой капитал, который доказал свою кредитоспособность, умение вести хозяйство, кто завоевал доверие партнеров» [26, с. 49]. Поскольку доверие свойственно не только кредитным отношениям, но и многим другим экономическим и гражданским правоотношениям (например, отношениям ссуды, имущественного найма, отношений по выполнению работ и оказанию услуг), а также то, что не все кредитные отношения характеризуются наличием доверия, последнее не является специфическим свойством кредита, которое могло бы раскрывать его сущность как категории экономической социологии.

По нашему мнению, представители экономической социологии не учитывают того факта, что

деятельность банка или другого кредитодателя является предпринимательской деятельностью, а последняя имеет рисковый характер (абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ). Однако большинство социологов не уделяет должного внимания значению влияния рисков (анг. risk; фр. risque; от лат. resesum – скала или опасность) на возникновение и динамику кредитных отношений.

С учетом изложенного выводы многих представителей экономической социологии о сугубо доверительном характере кредитных отношений свидетельствуют о несколько одностороннем подходе ученых при исследовании таких отношений. Указанные выводы сомнительны и ввиду того, что сами по себе они не могут объяснить, каким образом получение кредита (за исключением мелкого потребительского кредита) может произойти только при условии существования отношений доверия между кредитором и заемщиком, при отсутствии признаков кредитоспособности заемщика и наличии обеспечения. Отметим, что некоторые виды кредита вообще не предусматривают обязательного наличия отношений доверия кредитора к заемщику. Примером этого является финансовый кредит ломбарда, при предоставлении которого человеческие качества заемщика – физического лица и состояние его кредитоспособности, как правило, не имеют принципиального значения (если сумма кредита и процентов по ним покрывается стоимостью предмета залога), но обязательно требуется предоставление обеспечения в форме залога. Как указывал по этому поводу известный немецкий экономист К. Х. Рау, «если кредит полностью обеспечен залогом, нет нужды в кредите, ... нет риска нет доверия» [27, с. 15].

По нашему мнению, если в начале возникновения кредита доверие действительно имело существенное значение для последнего, то с возникновением на кредитном рынке банков и других финансовых посредников, значение личного до-

верия кредитодателя к заемщику в значительной степени упало.

Что же до существующего уровня доверия в кредитных отношениях, то в этом вопросе в целом можно утверждать, что за последние годы понятие «доверие» полностью утратило свое реальное назначение. Оно перестало быть фундаментом для построения экономических, политических, социальных отношений, что приводит к кризисным результатам в деятельности всех сфер жизни. Поэтому по убеждению многих современных социологов кредитные отношения даже в плоскости социальных связей нельзя сводить лишь к доверию сторон кредитного договора, а следует рассматривать как взаимодействие доверия и ответственности [28, с. 9–10; 29, 29–30].

Считаем, что, исследуя категорию «кредитные отношения» как социальную связь ученым нельзя опираться только на исследования доверия и ответственности участников кредитных отношений, а также исследовать взаимную заинтересованность участников кредитных отношений в установлении последних. Без наличия последней, даже при наличии доверия и ответственности, не может возникнуть социальная связь в сфере экономики. Понятно, что исследовать действие указанных факторов и их влияние на возникновение и динамику социальных связей можно лишь при условии исследования их в комплексе, что позволит установить их взаимосвязи и влияние друг на друга.

Таким образом, в условиях дальнейшего развития в экономике Российской Федерации денежно-кредитных отношений, исследование представителями экономической теории и экономической социологии категории «кредитные отношения» является актуальным и необходимым, поскольку они должны обеспечить правильное теоретическое понимание этой категории, что, в свою очередь, может быть с пользой использовано представителями других общественных наук, в том числе науки гражданского права.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. Москва: Юрист, 2004. URL: http://adhdportal.com/book_1257_chapter_20_5.1._Obshhaja_kharakteristika_dogovorov_dannoj_gruppy.html (дата обращения: 14.02.2020)
2. Трахтенберг И. А. Современный кредит и его организация. 1-е изд. Москва: Изд-во Коммунистической академии, 1929. Ч. I: Теория кредита, с. 15–16
3. Белотелова Н. П., Белотелова Ж. С. Деньги. Кредит. Банки: учебник для вузов. 4-е изд. Москва:

Изд.-торг. корпорация «Дашков и К^о», 2013. URL: <http://finance-credit.news/kredit-banki-dengi/suschnost-kredita-ego-struktura-57255.html> (дата обращения: 01.02.2020);

4. Кравцова Г. И. Деньги, кредит, банки. Минск: БГЭУ, 2002. URL: <http://www.finkredit.com/banks1.html> (дата обращения: 02.03.2020).

5. Финансы, денежное обращение и кредит: учебник / под ред. Н. Ф. Самсонова. Москва: ИНФРА-М., 2001, с. 187;

6. Финансы, денежное обращение и кредит: учебник / под ред. В. К. Сенчагова, А. И. Архипова. Москва: Проспект, 1999, с. 32;

7. Банковское дело / под ред. В. И. Колесникова и Л. П. Кроливецкой. Москва: Финансы и статистика, 1996, с. 6;

8. Финансы. Денежное обращение. Кредит: учебник для вузов / под ред. Л. А. Дробзиной. Москва: Финансы «ЮНИТИ», 1997, с. 329;

9. Курс экономической теории / под общ. ред. М. Н. Чепурина и Е. А. Киселевой. Киров: Вятка, 1994, с. 371.

10. Тосунян Г. А., Викулин А. Ю., Экмалян А. М. Банковское право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под общ. ред. Б. Н. Топорнина. Москва: Юрист, 2003, с. 175.

11. Ямпольский М. М. О трактовках кредита. Деньги и кредит. 1999. № 4. С. 31;

12. Куручбекова А. Б. Развитие кредитных отношений в условиях трансформации экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Бишкек, 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/razvitie-kreditnykh-otnoshenii-v-usloviyakh-transformatsii-ekonomiki> (дата обращения: 09.03.2020)

13. Финансы. Денежное обращение. Кредит: учебник для вузов / под ред. Г. Б. Поляка. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2002, с. 362;

14. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н. И. Химичевой. Москва: БЕК, 1996, с. 342.

15. Словарь по обществознанию: учеб. пособие для абитуриентов вузов / Ю. Ю. Петрунин, М. И. Панов, Л. Б. Логунова и др. 3-е изд. Москва: КДУ, 2006, с. 320.

16. Трахтенберг И. А. Денежное обращение и кредит при капитализме. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1962, с. 374.

17. Миллер Р. Л., Ван-Хуз Д. Д. Современные деньги и банковское дело / пер. с англ. 3-е изд. Москва: ИНФРА-М, 2000, с. 82.

18. Долан Э. Дж., Кэмпбелл К. Д., Кэмпбелл Р. Дж. Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика / пер. с англ. В. Лукашевича и др.; под общ. ред. В. Лукашевича. Москва: Туран, 1996, с. 17.

19. Гавальда К., Стуфле Ж. Банковское право: учреждения – счета – операции – услуги / пер. с фр.; послесл. П. Промпта. Москва: Финстатинформ, 1996, с. 12–13.

20. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. Москва: ОАО «НПО «Экономика», 2000, с. 355–359;

21. Маршалл А. Принципы экономической науки: в 3 т. Москва: Прогресс, 1993. Т. 1, с. 62;

22. Эрроу К. Экономическая трансформация: темпы и масштабы. Реформы глазами американских и российских ученых. Москва: Рос. экон. журнал, Фонд «За экономическую грамотность», 1996, с. 78–80;

23. Коуз Р. Г. Проблема социальных издержек. Фирма, рынок и право. Москва: Дело, 1993, с. 92–95;

24. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Москва: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004, с. 28.

25. Каценельбаум З. С. Учение о деньгах и кредите. 4-е изд., стереотип. Москва: Экон. жизнь, 1928. Ч. II: Кредит и кредитные учреждения. URL: <http://jurisprudent.site/dengi-kredit-banki-book/sposob-obespecheniya-lichnoe-doverie-pismennoe-45433.html> (дата обращения: 23.01.2020)

26. Лаврушин О. В. О доверии в кредитных отношениях. Деньги и кредит. 2015. № 9, с. 49.

27. Топовер И. В. О природе и свойствах кредита: атрибуты кредитного отношения. Финансы и кредит. 2006. № 28 (232), с. 15.

28. Алешин С. В. Взаимосвязь доверия и ответственности. Наука и современность. 2010. Вып. 1–3, с. 9–10;

29. Мачеринскене И. М., Минкунте-Генриксон Р. В., Симанавичене Ж. Й. Социальный капитал организации: методология исследования. Социологические исследования. 2006. № 3, с. 29–30.

30. Желонкин, С. С. Развитие договоров в сфере банковской и иной финансовой деятельности в рамках реализации концепции развития гражданского законодательства / С. С. Желонкин // Юрист-Правоведъ. – 2021. – № 4(99). – С. 47–51.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

МАКСИМОВ Виталий Алексеевич – кандидат юридических наук доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия. Контакты: Александровский парк, д. 5, г. Санкт-Петербург, Россия 197046, E-mail: maximovva@mail.ru Тел.: 88126556455.

СВАРЧЕВСКИЙ Константин Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия. Контакты: Александровский парк, д. 5, г. Санкт-Петербург, Россия 197046, E-mail: svarchewsky@yandex.ru. Тел.: 88126556455.

AUTHORS

MAKSIMOV Vitaly A. – Associate Professor of the Department of Civil Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Contacts: Alexandrovsky Park, 5, St. Petersburg, Russia 197046

SVARCHEVSKY Konstantin G. – Head of the Department of Civil Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Law, Associate Professor; Contacts: Alexandrovsky Park, 5, St. Petersburg, Russia 197046.

Дата поступления статьи в редакцию: декабрь 2021 г.

Раздел 2. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

УДК 342.7

Владимир Анатольевич Винокуров

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ЧЕЛОВЕКА, ЕГО ЛИЧНАЯ И ВРАЧЕБНАЯ ТАЙНА: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем, связанных с реализацией человеком и гражданином прав и свобод в части соблюдения личной и врачебной тайны, использования персональных данных при оказании медицинских услуг. Рассмотрены причины, которые могут предусматривать возможность ограничивать право человека и гражданина на его личную и врачебную тайну, в том числе связанные с распространением инфекционных заболеваний.

В статье осуществлено соотношение используемых в законодательстве понятий «личная тайна», «врачебная тайна», «персональные данные», выявлены проблемы, связанные с сохранением сведений, составляющих эти тайны и данные. Проанализирован тезис Пленума Верховного Суда Российской Федерации, противоречащий федеральному закону.

По результатам анализа законодательства, мнений ученых и специалистов сформулированы выводы и выработаны предложения, которые возможно использовать при подготовке соответствующих изменений в федеральные законы.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; права и свободы человека и гражданина; личная тайна; врачебная тайна; персональные данные; инфекционное заболевание; медицинские услуги; медицинская организация.

Vladimir A. Vinokurov

St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation

PERSONAL DATA OF A PERSON, HIS PERSONAL AND MEDICAL SECRETS: CORRELATION PROBLEMS WHEN PROVIDING MEDICAL SERVICES

Abstract. The article is devoted to the consideration of problems related to the realization of human and citizen rights and freedoms in terms of personal and medical confidentiality, the use of personal data in the provision of medical services. The reasons that may provide for the possibility of restricting the right of a person and a citizen to his personal and medical secrecy, including those related to the spread of infectious diseases, are considered.

The article deals with the correlation of the concepts of «personal secret», «medical secrets», «personal data» used in the legislation, the problems associated with the preservation of the information constituting these secrets and data are identified. The thesis of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, contrary to federal law, is analyzed.

Based on the results of the analysis of legislation, opinions of scientists and specialists, conclusions have been formulated and proposals have been developed that can be used in the preparation of appropriate amendments to federal laws.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation; human and civil rights and freedoms; personal secrecy; medical secrecy; personal data; infectious disease; medical services; medical organization.

Конституция Российской Федерации*, устанавливая в главе 2 основные права и свободы человека и гражданина в России, определила, что «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну...», что «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» (часть 1 статьи 23, часть 1 статьи 24). Данные постулаты являются базой для разработки и принятия федеральных законов, иных правовых актов, а также для их исполнения.

В Перечне сведений конфиденциального характера, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 года № 188, сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, а также сведения, связанные с профессиональной деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами, куда, в частности, включена и врачебная тайна, относятся к сведениям конфиденциального характера (пункты 1 и 4).

Вопросы соблюдения врачебной тайны регулируются статьей 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», по которому эту тайну составляют «сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении».

Федеральный закон «О персональных данных», предусматривая своей целью «обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну», оперирует персональными данными, определяя их как любую информацию, относящуюся к физическому лицу (статьи 2 и 3).

Таким образом, в российском законодательстве по рассматриваемому в статье вопросу

используются понятия: «частная жизнь», «личная тайна», «сведения конфиденциального характера» и «врачебная тайна», но при этом в нормативных правовых актах не содержится однозначных определений указанным понятиям. Лишь упомянутый Перечень сведений конфиденциального характера является своеобразным связующим звеном между частной жизнью гражданина и врачебной тайной.

Конституционный Суд Российской Федерации посчитал, что «в понятие “частная жизнь” включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер» [1].

Вопросы научного толкования понятий «частная жизнь» и «личная тайна» подробно рассматриваются в уголовном праве при анализе преступления, предусмотренного статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации, именуемой «Нарушение неприкосновенности частной жизни». Как полагают авторы одного из комментариев к Уголовному кодексу Российской Федерации, поясняя нормы статьи 137, «понятие личной или семейной тайны должно трактоваться исходя из представления потерпевшего. Любой факт из биографии лица, которое оно не хочет разглашать, должен признаваться его тайной. Это может касаться состояния его здоровья, знакомств, семейных или личных отношений, материального положения, наличия банковских вкладов, политических взглядов, партийной принадлежности, отношения к религии. Сведения могут относиться и к профессиональной тайне – медицинской, адвокатской, тайны исповеди, тайны вкладов и т. п.» [2, с. 220]. Исходя из представленного выше понимания перечисленных понятий, Б.Н. Кадников делает вывод, что «частная жизнь человека – это совокупность его тайн и таких сфер жизни, неприкосновенность и охрана которых гарантирована Конституцией Российской Федерации и другими федеральными законами и для ознакомления с которыми требуется согласие их обладателя либо иные законные основания» [3, с. 41].

* Конституция Российской Федерации далее также именуется Основным Законом государства.

По мнению И.Л. Петрухина, «личная тайна – это такая тайна, которая имеет отношение к конкретному человеку. Сведения личного характера могут сохраняться как от посторонних, так и от близких лиц. К ним можно отнести отдельные факты биографии человека, сведения о его здоровье, имущественном положении, связях, привычках, взглядах, встречах, сведения об интимной жизни, склонностях и т. п.» [4, с. 104]. Солидарен с ним и В.А. Новиков, который пришел к выводу о том, что «личная тайна – это сведения, касающиеся только одного лица и сохраняемые им в режиме секретности от других лиц, за исключением сведений, характеризующих публичную, служебную деятельность этого человека»; при этом к личной тайне автор данного определения полагает возможным отнести, в том числе сведения о заболеваниях, включая социально опасные [5, с. 44].

Подтверждая связь между личной и врачебной тайнами, судья Конституционного Суда Российской Федерации Н.В. Витрук в особом мнении по делу о толковании положений статей 91 и 92 (часть 2) Конституции Российской Федерации о досрочном прекращении полномочий Президента Российской Федерации в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2000 года № 12-П) сформулировал недвусмысленный вывод о том, что к личной тайне относится тайна сведений о состоянии здоровья человека.

Таким образом, позиция законодателя, а также мнения ученых позволяют сделать однозначный вывод о том, что врачебная тайна является частью тайны личной. В этой связи нелишним будет напомнить, что наличие или отсутствие у физического лица любых прививок также относится к личной и врачебной тайне, что информация о прививке может быть потребована при согласии гражданина, а без его согласия – только в случаях, установленных законом.

В этой связи нельзя не упомянуть о норме пункта 2 части 4 статьи 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации», допускающей предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина, в том числе «при угрозе распространения инфекционных заболеваний,

массовых отравлений и поражений». С апреля 2020 года обстановка, сложившаяся в результате распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, относится к чрезвычайной ситуации (статья 1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»). Уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, созданный для осуществления государственного управления и координации деятельности федеральных органов исполнительной власти в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций (МЧС России), не принимал решения, объявляющего распространение новой коронавирусной инфекции чрезвычайной ситуацией. Карантин как ограничительное мероприятие, предусмотренное Федеральным законом «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации не вводился; предписание территориального органа, осуществляющего государственный санитарно-эпидемиологический надзор, на основании которого должен устанавливаться карантин, не издавалось.

В результате имеется несколько федеральных законов, не согласованных между собой и не определяющих конкретных ограничений прав и свобод человека и гражданина, которые возможно использовать соответствующим государственным органом и должностным лицом при возникновении ситуации, когда распространяется заболевание, представляющее опасность для окружающих.

В соответствии с частью 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Опираясь на данную норму Основного Закона государства, Федеральным законом «О персональных данных» введены ограничения прав и свобод, с перечисления которых начата данная статья. Так, данный Федеральный закон разрешает обработку персональных данных, касающихся, в том числе состояния здоровья, без согласия субъекта персональных данных, если «обработка

персональных данных осуществляется в медико-профилактических целях, в целях установления медицинского диагноза, оказания медицинских и медико-социальных услуг при условии, что обработка персональных данных осуществляется лицом, профессионально занимающимся медицинской деятельностью и обязанным в соответствии с законодательством Российской Федерации сохранять врачебную тайну» (пункт 3 части 2 статьи 9; пункт 4 части 2 статьи 10). По всей видимости, основанием для подобного ограничения послужила необходимость защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц.

В этом случае физическое лицо как субъект персональных данных, даже имея право отозвать согласие на обработку данных, реализовать это право не может, поскольку медицинская организация (при соблюдении ею врачебной тайны) продолжает их обработку в медицинских целях. Одновременно возникает вопрос о целесообразности получения информированного добровольного согласия от субъекта персональных данных, который становится пациентом. Поскольку в результате обращения в медицинскую организацию и получения медицинской помощи персональные данные, внесенные в медицинскую учетную документацию, не исключаются медицинской организацией из обработки, то они фактически не могут быть отозваны субъектом персональных данных. Медицинские организации при рассмотрении обращений субъектов персональных данных, которые желают отозвать свое согласие на обработку персональных данных, вынуждены отказывать в удовлетворении поступившего заявления со ссылкой на упомянутые выше нормы законов. На наш взгляд, отказ в обработке персональных данных, связанных с оказанием медицинской помощи, обоснован не только юридически, но и фактически: медицинская организация понесла расходы, оказывая медицинские услуги конкретному физическому лицу, то есть затратила лекарственные средства и препараты, медицинские изделия, оплатила труд врачей и другого медицинского персонала.

Поскольку по Конституции Российской Федерации признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства (статья 3), а ограничения прав и свобод допускаются как исключение из общего

правила (статья 55), то соблюдение прав и свобод неоспоримо важнее, чем их ограничение.

Поэтому в целях соблюдения прав и свобод граждан, которые посчитали невозможным обработку их персональных данных медицинской организацией, следует законодательно предусмотреть алгоритм действий медицинской организацией, оказавшей такому лицу медицинскую помощь. Например, предусмотреть обработку персональных данных в медицинских целях без указания фамилии, имени, отчества, даты и места рождения, данных представленных документов, обозначив пациента только литерами. Но при этом гражданин, запретивший обработку персональных данных, должен понимать, что после его запрета, он не сможет использовать данные медицинской организации для решения других возникающих в его жизни вопросов (например, при оформлении пенсии по инвалидности, для получения пособия, налогового вычета и т. п.).

Ограничение прав и свобод человека и гражданина в части соблюдения врачебной тайны как личной тайны физического лица допускается и Федеральным законом «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации», который обязывает медицинские организации предоставлять сведения, составляющие врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя, в частности, по запросам: а) органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством; б) органов прокуратуры в связи с осуществлением ими прокурорского надзора; в) органа уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением уголовного наказания и осуществлением контроля за поведением условно осужденного, осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, и лица, освобожденного условно-досрочно, а также в связи с исполнением осужденным обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию (пункт 3 части 4 статьи 13).

Рассматривая жалобы граждан различных государств, в том числе россиян, на нарушение их прав, связанных с обнародованием сведений личного характера, составляющих врачебную тайну, возникающим в связи с использованием выше-названных (в других государствах – аналогичных) норм, Европейский суд по правам человека счел

возможным раскрытие врачебной тайны, поскольку целью запросов правоохранительных органов является предотвращение преступлений и защита прав и свобод других лиц [6]. Европейский суд по правам человека посчитал, что «интересы пациентов и населения в целом по охране конфиденциальности медицинских сведений могут уступить по своей значимости интересам по расследованию и наказанию преступлений, а также по обеспечению гласности судебного разбирательства, если доказано, что такие интересы имеют более серьезное значение» [7].

Принимая во внимание нормы федеральных законов, позицию Европейского суда по правам человека, следует согласиться с тем, что врачебная тайна перестает быть тайной (полностью или частично), если речь заходит о преступлении. При этом названный Федеральный закон содержит довольно четкие формулировки, которые дают основание медицинской организации предоставить правоохранительным органам информацию, относящуюся к врачебной тайне.

На практике медицинские организации повсеместно сталкиваются с проблемой, когда расследование не начато, а орган дознания, дознаватель или следователь запрашивает данные по конкретному пациенту, несмотря на то, что еще только рассматривает сообщение о преступлении. Формально-юридически пока уголовное дело не возбуждено, предоставлять данные по запросам правоохранительных органов, относящиеся к врачебной тайне, без согласия лица, в отношении которого эти сведения запрашиваются, не допускается.

Но, как оказалось, на практике это не совсем так. Анализируя вопрос о практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий Пленум Верховного Суда Российской Федерации предложил судам учитывать, что «при отсутствии согласия гражданина или его законного представителя отдельные сведения, составляющие врачебную тайну (например, о факте обращения гражданина за медицинской, в том числе психиатрической, помощью, нахождении на медицинском учете), могут быть представлены медицинской организацией без судебного решения по запросу следователя или дознавателя в связи с проведением проверки сообщения о преступлении...» (пункт 9).

Таким образом, несмотря на прямой законодательный запрет, Верховный Суд Российской Федерации позволил предоставлять данные, составляющие врачебную тайну, по сути, по запросу любого органа, должностного лица, проводящего проверку сообщения о преступлении, при отсутствии оснований, установленных Федеральным законом «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации». Не основанная на законе позиция Верховного Суда Российской Федерации вызывает озабоченность, поскольку на уровне высшей судебной инстанции страны происходит официальное попревание прав и свобод человека и гражданина, касающееся соблюдения личной тайны, расширяются рамки ограничений, право на установление которых имеет только федеральный законодатель.

Решить проблему запроса данных, составляющих врачебную тайну, при осуществлении проверки сообщения о преступлении, можно решить простым и вполне законным путем. Для этого необходимо внести соответствующее дополнение в указанный выше Федеральный закон. Однако, следует учитывать, что если по результатам рассмотрения сообщения о преступлении будет принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, то материалы проверки, содержащие врачебную тайну, следует относить к сведениям, составляющим тайну следствия, поскольку статьей 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации данные предварительного расследования (предварительного следствия или дознания) не подлежат разглашению.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы и сформулировать некоторые предложения:

1) врачебная тайна – часть личной тайны, поэтому должна защищаться государством на уровне с личной тайной;

2) врачебная тайна может быть нарушена, но только с согласия ее владельца или в однозначно оговоренных федеральным законом случаях;

3) поскольку персональные данные, входящие в состав врачебной тайны, в настоящее время юридически не могут быть отозваны их владельцем, необходима разработка механизма, позволяющего реализовать данное право субъектом персональных данных, в том числе с иными возможными для этого субъекта ограничениями;

4) вполне обоснованная необходимость предоставлять дознавателю, следователю, прокурору сведения, составляющие врачебную тайну, до возбуждения уголовного дела, должна быть законодательно урегулирована;

5) поскольку права и свободы человека и гражданина в России могут быть ограничены при определенных Конституцией Российской Федерации условиях только федеральным законом, необходимо предусмотреть в федеральном законе конкретный перечень прав и свобод человека и гражданина, каковые можно было бы ограничивать в случаях распространения заболевания (включая инфекционные), представляющего опасность для окружающих;

6) необходимо отменить абзац второй пункта 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 года № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)», законодательно предусмотрев следующий правовой механизм:

во-первых, необходимо предоставить право Генеральному прокурору Российской Федерации направлять в высший судебный орган страны представления об устранении нарушений Конституции Российской Федерации постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации и, при необходимости, обращаться

в Конституционный Суд Российской Федерации для проверки конституционности данных постановлений, что потребует дополнения пункта 3 статьи 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» абзацем вторым следующего содержания:

«В случае несоответствия постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации Конституции Российской Федерации и законам Российской Федерации Генеральный прокурор Российской Федерации информирует об этом Президента Российской Федерации, а также вносит представление в Верховный Суд Российской Федерации или направляет запрос в Конституционный Суд Российской Федерации»;

во-вторых, задействовать высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации, для чего следует включить в статью 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» новый пункт 5³ следующего содержания:

«5³) по запросу Генерального прокурора Российской Федерации проверяет конституционность постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации».

Предложенные меры, на наш взгляд, позволят соблюдать и сохранять положенный в основу конституционного строя принцип, по которому Российская Федерация является правовым государством.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 1253 О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е издание, переработанное и дополненное / отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. – М.: Проспект, 2008. – 326 с.
3. Кадников Б.Н. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: научно-практическое пособие – М.: ИД «Юриспруденция», 2011. – 136 с.
4. Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть) – М.: Институт государства и права РАН, 1998. – 232 с.
5. Новиков В. Понятие частной жизни и уголовно-правовая охрана ее неприкосновенности // Уголовное право. 2011. № 1. С. 43–49.
6. Постановление Европейского суда права человека от 25 февраля 1997 года по делу «Z. против Финляндии» // официальный сайт ЕСПЧ [Электронный ресурс] // URL: <https://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/z-protiv-finlyandii-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения 22 декабря 2021 года)
7. Постановление Европейского суда права человека от 6 июня 2013 года по делу «Авилкина и другие против Российской Федерации» // официальный сайт ЕСПЧ [Электронный ресурс] // URL: <https://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/avilkina-i-drugie-protiv-rossii-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения 22 декабря 2021 года).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ВИНОКУРОВ Владимир Анатольевич – доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России; . Контакты: Московский пр., 149, Санкт-Петербург, Россия, 196105. E-mail: pravo.kaf_tigr@mail.ru. Тел. 8 (812) 369-96-37.

AUTHOR

VINOKUROV Vladimir A. – Professor of the Department of Theory and History of State and Law St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia; Doctor of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. Contacts: 149 Moskovsky Ave., Saint Petersburg, Russia, 196105.

Дата поступления статьи в редакцию: декабрь 2021 г.

УДК 343.359.3

Валерий Викторович Петров

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

**КВАЛИФИКАЦИЯ И ДОКАЗЫВАНИЕ
ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.
ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА.
КОНТРАБАНДА КАК ЯВЛЕНИЕ**

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы, возникающие при квалификации преступлений в сфере таможенного дела, проанализированы положения, изложенные в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза применительно к незаконному перемещению товаров, предметов и транспортных средств через таможенную границу либо через Государственную границу Российской Федерации. Проведен анализ некоторых положений вышеупомянутого нормативного акта, а так же Закона РФ от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей», Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», в том числе, и вопросы, возникающие в практическом применении законодательства в сфере таможенного дела. Рассмотрены некоторые аспекты контрабанды как явления.

Ключевые слова: таможенное дело, контрабанда, таможенная граница, Государственная граница, незаконное перемещение товаров, предметов, УК РФ, УПК РФ, Таможенный кодекс, ЕАЭС.

Valery V. Petrov

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

**QUALIFICATION AND PROOF
OF CERTAIN TYPES OF ECONOMIC CRIMES.
CRIMES IN THE FIELD OF CUSTOMS. SMUGGLING AS A PHENOMENON**

Abstract. This article discusses the problems that arise when classifying crimes in the field of customs Affairs, analyzes the provisions set out in the Customs code of the Eurasian economic Union in relation to the illegal movement of goods, items and vehicles across the customs border or across the State border of the Russian Federation. The analysis of some provisions of the above-mentioned normative act, as well as the Law of the Russian Federation from 15.04.1993 N 4804-1 «on export and import of cultural values», the Federal law from 10.12.2003 № 173-FZ «on currency regulation and currency control», the Federal law from 22.11.1995 № 171-FZ «on state regulation of production and turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products and on restriction of consumption (drinking) of alcoholic products», including issues arising in practical application legislation in the field of customs Affairs. Some aspects of smuggling as a phenomenon are considered.

Keywords: customs, smuggling, customs border, State border, illegal movement of goods, items, criminal code of the Russian Federation, code of criminal procedure of the Russian Federation, Customs code, EEU.

Упоминание об экономической преступности содержится еще в Русской Правде (XII в.), где согласно ст. 116 «ответственность за действия холо-

па, занимающегося торговлей или финансовыми операциями от своего имени, возлагалась на его господина, если покупатель или иное лицо, уча-

ствовавшее в сделке, не знало о заключении сделки с холопом. В противном случае всю имущественную ответственность нес сам покупатель». [1] Противодействие экономической преступности является одним из приоритетных направлений современной уголовной политики [15, с. 40].

Современный Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [2] (далее УК РФ) содержит главу под названием «Преступления в сфере экономики», где среди нескольких разделов отдельным блоком выступают преступления в сфере таможенного дела. Упомянутые преступления достаточно специфичны, поскольку некоторые понятия сформулированы в международных нормативно-правовых актах и для данной категории преступлений характерно их совершение в результате внешнеэкономической деятельности.

Договором о Евразийском экономическом союзе, подписанным в Астане 29.05.2014 года, [3] учрежден Евразийский экономический союз (далее – Союз) [16, с. 107–108]. В целях обеспечения единого таможенного регулирования в Союзе 11.04.2017 в Москве подписан «Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза» которым принят Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) [4].

Таможенный кодекс Евразийского экономического союза в п. 25 ст. 2 дает понятие незаконного перемещения товаров через таможенную границу Союза как перемещение товаров вне мест, где осуществляется перемещение или в то время, когда пункты пропуска не работают. Еще одним признаком незаконного перемещения товаров является их сокрытие от таможенного контроля, недостоверное декларирование или недекларирование, а также использование документов, содержащих недостоверные сведения о товарах либо использование поддельных документов, что и составляет объективную сторону преступления.

Рассматривая способы незаконного перемещения товаров через границу, можно выделить несколько из них, имеющих широкое распространение. Например, сокрытие товаров или предметов от таможенного контроля является способом совершения контрабанды.

Недекларирование как способ говорит сам за себя, то есть неисполнение обязанности деклари-

рования товара или его части. Лицо, в чьи обязанности входит декларирование товара указывает недостоверные сведения о товаре или о его части.

Для совершения таможенной процедуры необходимы определенные сведения, на основании которых таможенные органы принимают решение о выпуске товаров, помещении их под соответствующую таможенную процедуру, разрешают вопросы о взимании таможенных платежей, наличии запретов и ограничений на определенные товары.

При квалификации преступлений в сфере таможенного дела особое внимание следует уделять моменту окончания совершения преступления, который определен в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» [5] (далее – Пленум). В случае пересечения товарами таможенной границы в местах, где отсутствуют пункты пропуска или в то время, когда эти пункты не работают, состав контрабанды окончен в момент пересечения таможенной границы.

В случае предоставления должностным лицам таможенной службы документов, разрешающих вывоз или ввоз товаров, состав преступления окончен с момента предоставления документов должностным лицам.

Указанные способы совершения контрабанды предполагают как действие, в случае перемещения товаров, так и преступное бездействие, когда лицо, осуществляющее незаконное перемещение товаров, не предоставляет должностным лицам таможенных органов необходимые сведения в отношении этих товаров.

Состав контрабанды окончен в момент совершения общественно опасного деяния и не зависит от наступления общественно опасных последствий и поэтому считается формальным.

Виды контрабанды зависят от наименования товаров, предметов, денежных средств, которые незаконно перемещаются, так же от степени общественной опасности противоправных действий (бездействий).

Квалификация некоторых видов контрабанды зависит от стоимости товаров, которые незаконно перемещаются и при определении последней, учитываются цены, регулируемые государством, а также рыночная стоимость. В случае незаконного перемещения товаров для личного пользования

следует исходить из таможенной стоимости, которая определяется статьей 38 ТК ЕАЭС.

При рассмотрении вопроса о наличии состава преступления следует исключать из стоимости незаконно перемещенных товаров ту часть стоимости, которая разрешена к перемещению без декларирования или была задекларирована и эти положения указаны в примечаниях к соответствующим статьям УК РФ.

В зависимости от степени общественной опасности деяния в сфере таможенного дела могут быть квалифицированы как административные правонарушения, за что предусматривается ответственность согласно главе 16 КоАП от 30.12.2001 № 195-ФЗ [6].

Субъект контрабанды – любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 20 УК РФ).

Контрабанда может осуществляться физическими лицами (общий субъект), а также должностными лицами и представителями органов власти (специальный субъект).

Рассматриваемые преступления характеризуются умышленной виной, причем только в форме прямого умысла и для установления вины лица необходимо определить осознание им ряда факторов, прежде всего незаконности действий, направленных на перемещение предметов преступления, того, что объекты преступления относятся к особой категории, указанной в соответствующих статьях УК РФ, установить желание совершить эти действия.

Рассматривая способы совершения контрабанды, следует остановиться на недостоверном декларировании или использовании подложных документов. Состав преступления будет иметь место в случае предоставления должностным лицам таможенных органов подложных документов или недостоверных деклараций и перемещение должно находиться в причинной связи с решением должностных лиц таможенных органов о пропуске товаров через границу. То есть умысел лица должен быть направлен на незаконное перемещение товаров или предметов с использованием подложных документов, либо с недостоверным декларированием.

Мотивы преступления предполагают отношение человека, его побуждения к совершаемому деянию, и контрабанда не является исключением.

В процессе квалификации следует непременно устанавливать из каких интересов и потребностей исходил человек, принимая решение о незаконном перемещении отдельных предметов через границу.

Если лицо, имея умысел на совершение контрабанды, осуществляет незаконное перемещение каких-либо товаров или предметов через таможенную границу или государственную границу, в зависимости от ситуации, используя для этого другое лицо, которое не знало о намерении злоумышленника незаконно переместить предметы, то это лицо следует привлекать к ответственности по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за контрабанду, как лицо, совершившее преступление. В отношении лица, которое не осознавало, что оно совершило контрабанду, уголовное преследование не осуществляется.

При незаконном перемещении товаров либо предметов при помощи почтовых отправлений ответственность за исполнение несет лицо, сделавшее заказ, оплатившее перемещение, предоставившее свои данные, в частности адрес.

Рассматривая конкретные составы преступлений, предусматривающих ответственность за контрабанду и влияющих на экономическое благополучие и экономическую безопасность стран Союза, следует отметить контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, ответственность за которые предусмотрена ст. 200.1 УК РФ.

Пункт 7 части 1 статьи 260 ТК ЕАЭС устанавливает необходимость декларирования наличных денежных средств, дорожных чеков, если общая сумма при единовременном ввозе на таможенную территорию Союза или вывозе превышает сумму, эквивалентную 10 тысячам долларов США по курсу валют, действующему на день подачи таможенному органу пассажирской таможенной декларации.

Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [7] в подпункте «а» пункта 1 и подпункте «а» пункта 2 статьи 1 дает понятия денежных средств, в пункте 8 статьи 2 ТК ЕАЭС дано понятие денежных инструментов.

Крупный и особо крупный размеры при квалификации по рассматриваемой статье определя-

ются согласно Примечанию 1 и 2, а состав преступления образуется в том числе и в соответствии с Примечанием 3.

С учетом описных положений можно сделать вывод, что физическое лицо без таможенного декларирования может переместить наличные денежные средства или денежные инструменты на сумму 10 000 долларов США или менее оной. При незаконном перемещении сумма должна составлять более 30 000 долларов США, а контрабанда денежных средств или денежных инструментов на сумму более 60 000 долларов США образует состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 200.1 УК РФ.

Пунктом 4 примечания определена возможность освобождения от уголовной ответственности в случае добровольной сдачи незаконно перемещаемых денежных средств, но в случае их обнаружения при таможенных процедурах признак добровольности отсутствует и лицо будет нести уголовную ответственность.

Значительную роль в экономической составляющей стран Союза играет оборот алкогольной и табачной продукции. Контрабанда данных предметов образует состав преступления, предусмотренный ст. 200.2. УК РФ.

Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [8] в статье 2 дает некоторые понятия, в том числе понятие спиртосодержащей продукции (п. 3), алкогольной продукции (п. 7).

Понятие табачных изделий содержит ГОСТ Р 52463–2005 «Национальный стандарт Российской Федерации. Табак и табачные изделия». Термины и определения, утвержденные Приказом Ростехрегулирования от 29 декабря 2005 г. № 481-Ст. [9]

Наличие состава контрабанды алкогольной и табачной продукции определяется количеством товара, и уголовная ответственность наступает, когда будет перемещен товар на сумму свыше двухсот пятьдесят тысяч рублей.

По общим правилам стоимость товаров определяется в соответствии со статьей 38 ТК ЕАЭС, возможно так же применение государственных регулируемых цен, если таковые установлены,

однако следует учитывать положения примечания 3 к статье 200.1, примечания 2 к статье 200.2 УК РФ.

Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 г. № 107 [10] определены стоимостные, весовые и количественные нормы, в пределах которых товары для личного пользования могут быть ввезены на таможенную территорию Евразийского экономического Союза без уплаты таможенных пошлин.

В нормах об ответственности за контрабанду используются понятия, определяемые таможенным законодательством, что позволяет считать данную норму бланкетной.

К преступлениям в сфере таможенного дела относится и невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей, ответственность за данное преступление предусмотрена статьей 190 УК РФ.

В статье 5 Закона РФ от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» [11] (далее – Закон) дано понятие культурных ценностей. Под вывозом культурных ценностей понимается их перемещение из РФ в иностранные государства, не являющиеся государствами членами Союза. Ввоз – это, соответственно, обратный процесс.

Временный вывоз культурных ценностей предполагает их перемещение из РФ с обязательством обратного ввоза, а временный ввоз соответственно обратный вывоз культурных ценностей в установленный срок.

Состав преступления окончен после того, как истечет срок возврата ценностей.

К преступлениям в сфере таможенного дела, создающим угрозу внутриэкономической деятельности, относится и уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организаций или физических лиц, что предусмотрено ст. 194 УК РФ.

Виды таможенных платежей установлены в ст. 46 ТК ЕАЭС. Исходя из диспозиции ст. 194 УК РФ, уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организаций или физических лиц, образует состав преступления только в случае, если оно совершено в купном размере, который указан в примечании к данной статье и превышает сумму два миллиона рублей, особо крупный размер превышает сумму шесть миллионов

рублей. Данные суммы могут складываться из неуплаты как одного, так и нескольких видов платежей, но это допустимо, если у лица, не исполняющего соответствующую обязанность, присутствовал единый умысел на совершение противоправных действий, и имело место продолжаемое преступление.

ТК ЕАЭС не содержит исчерпывающего перечня лиц, у которых может возникнуть обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов, однако указывает на декларантов, которые являются плательщиками и определение которых содержится в п. 1 ст. 2 ТК ЕАЭС.

Выявлены ряд способов уклонения от уплаты таможенных пошлин, налогов, среди которых можно отметить занижение реальной стоимости товаров. Прежде всего этот способ направлен на снижение налогооблагаемой базы и как следствие снижение общего размера таможенных пошлин. Налогооблагаемая база, может быть, так же занижена и указанием недостоверной информации о перемещенных товарах или предметах.

Соккрытие перемещаемого через таможенную границу груза так же рассматривается как один из способов уклонения от уплаты, поскольку в данном случае снижается общий размер таможенных пошлин.

В случае если вывоз или ввоз товаров осуществляется из Российской Федерации в страну, которая не является членом Союза, то таможенная граница и государственная граница совпадают и нормы ТК ЕАЭС равно действуют в обоих случаях.

Рассматривая преступления в сфере таможенного дела как экономические преступления необходимо понимать, что все они направлены на ограничение беспошлинного оборота товаров или предметов между государствами, поскольку пошлины или таможенные платежи перечисляются в соответствующий бюджет и являются составляющей доходной части бюджета стран Союза.

Особая опасность данной категории дел заключается в их латентности. Регистрируются только выявленные преступления, когда обнаружен факт контрабанды и установлено лицо, совершившее данные противоправные деяния. Сколько преступлений совершено на самом деле и какие суммы вовлечены в незаконный оборот и, соответственно, не попадают в бюджет, неизвестно.

Можно сколько угодно приводить методики определения уровня латентной преступности, в том числе и научно обоснованные, истинная картина все рано будет неясна.

Сложность в выявлении преступлений в сфере таможенного дела состоит в том, что они не совершаются случайно. Каждому преступлению предшествует определенная подготовка. Это и создание тайников, оформление документов, приискание соучастников. Все эти действия в результате направлены на извлечение незаконной прибыли, размеры которой неизвестны.

Чтобы представить себе объем денежных средств, вовлеченных в контрабанду, и работу в этом направлении ФТС России, обратимся к некоторым цифрам, опубликованным на сайте ФТС [12]. Так в 2020 году по данным таможенной службы возбуждено 1993 уголовных дел (за первое полугодие 2021 года возбуждено 1149 уголовных дел).

Что же касается возвращения денежных средств в бюджет государства, то цифры не столь значительны. По результатам таможенного контроля после выпуска товаров и иным основаниям возвращено в казну более 17,7 млрд рублей, взыскано в федеральный бюджет свыше 8,8 млрд рублей.

Продолжается незаконное перемещение через границу наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и сильнодействующих веществ. Так за 2020 год в ходе контроля транспортных средств и грузов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий выявлено 1594 факта незаконного перемещения, из незаконного оборота изъято 9178,41 кг. наркотических средств, (за первое полугодие 2021 года изъято из оборота 3650,9 кг. наркотических средств). Стоимость изъятых таможенными органами наркотических средств в 2020 году, превышает 680 млн рублей.

В рамках международного сотрудничества проведено 14 международных операций по пресечению пересылки наркотических средств в почтовых отправлениях, две международных операции с Республикой Беларусь.

Как явление контрабанда охватывает различные сферы внутри- и внешнеэкономической деятельности, контрабандные схемы на миллионы и миллиарды рублей не проходят без участия

должностных лиц практически всех силовых ведомств, и с учетом приведенных цифр можно судить о реальном финансовом потоке при совершении экономических преступлений, в частности контрабанды, на уровне должностных лиц, которые отнюдь не ради альтруизма в ней участвуют.

Что же влияет на решение высокопоставленного чиновника принять решение о предании интересов службы и встать на преступный путь? Может быть, внутренние проблемы в ведомстве, в таможенной службе?

ФТС оказывает значительное влияние на экономику страны. Значительная часть доходной части федерального бюджета пополняется таможенной службой. Согласно данным самой ФТС только за 2020 год по материалам подразделений по противодействию коррупции возбуждено 266 уголовных дел, из них по преступлениям коррупционной направленности – 148 уголовных дел (67 – в отношении 49 должностных лиц таможенных органов и 81 – в отношении 82 взяточдателей). Приводятся примеры привлечения к ответственности сотрудников ФТС за получение взяток. Суммы полученных денежных средств в разных случаях составляют около 500 000 рублей, нередко более 800 000 рублей. Сами суммы говорят о масштабах денежных потоков, вовлеченных в контрабандные схемы.

Оптимистичное интервью интернет-изданию «Ведомости» дал руководитель управления по противодействию коррупции ФТС Дмитрий Мурашов [13], в котором рассказал о работе возглавляемого им управления, привел некоторые цифры. Так в 2018 году по материалам управления было возбуждено 173 коррупционных уголовных дела, в 2019 году – 282 дела, а в 2020 году – 148 дел [13]. По его словам, например, в Южном таможенном управлении пресечена попытка склонить сотрудника антикоррупционной службы к должностным преступлениям. Сотруднику было предложено не замечать определенную деятельность на одном из таможенных постов, пытались вручить ему наличные денежные средства в сумме около 500 000 руб., было предложено выплачивать такую же сумму ежемесячно. Сотрудник подразделения по борьбе с коррупцией сообщил о поступившем предложении, и все дальнейшие действия контролировались соответствующими

органами. В настоящее время мероприятия по этому делу продолжаются, выявляется источник происхождения денег и причастные к этому событию люди.

Но, как представляется, не все так радужно в таможенном ведомстве. Информационное агентство ТАСС [14] сообщает об аресте и.о. начальника службы по противодействию коррупции Северо-Западного таможенного управления ФТС РФ Максима Розсыпало. Постановлением Дорогомиловского районного суда города Москвы от 16 августа 2021 года ему избрана соответствующая мера пресечения.

По сообщению СК РФ Розсыпало М.А. подозревается в получении взятки в особо крупном размере, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 УК РФ. Следствие поясняет, что исполняющий обязанности начальника службы по противодействию коррупции вступил в преступный сговор, направленный на систематическое получение взяток, с другими должностными лицами.

Совершение противоправных действий по созданию по сути преступной группы для получения взяток руководителем управления, которое призвано бороться с коррупцией в таможенных органах, как нельзя наглядно говорит о положении вещей в самой ФТС. Относительное спокойствие в озвучивании результатов деятельности управления его руководителем при последующем задержании руководителя службы по противодействию коррупции наводит на определенные мысли об объективности оценки ситуации.

Контрабанда, как явление, предполагает прежде всего наличие экономической составляющей при совершении преступлений данной категории. Но, предполагая совершить преступление, злоумышленник надеется на благоприятный исход дела, и подстраховываясь, начинает искать возможных соучастников или помощников среди должностных лиц ФТС.

Очевидно, что отсутствие контроля позволяет вовлекать сотрудников таможенной службы, в том числе и самых высокопоставленных, в преступные схемы. Внушительные суммы, которые преступники получают от незаконной деятельности, становятся важнее чем долг и совесть. Видимо фраза героя фильма «Белое солнце пустыни» режиссёра Владимира Мотыля

таможенника Павла Верещагина «Ты ведь меня знаешь, Абдулла, я мзду не беру. Мне за державу обидно» становится все менее актуальной в таможенной службе.

Впрочем, и сами инициаторы преступных схем не страдают от недостатка средств, и можно только предполагать, каким образом нажиты их состояния, при длительном функционировании незаконных каналов контрабанды.

Вышеизложенное обуславливает необходимость борьбы с экономическими преступлениями, в том числе с контрабандой, акцентируя внимание на работу таможенной службы, деятельность правоохранительных органов. С учетом непростого экономического положения страны предлагаем определить данное направление противодействия преступности приоритетным.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Русская Правда // Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература. 1984. С. 27–80.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации № 25 от 17 июня 1996 года, ст. 2954.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014). [Электронный ресурс]. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=391447&dst=100001&date=12.09.2021>. (Дата обращения: 12.09.2021).
4. «Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза» (Подписан в г. Москве 11.04.2017). [Электронный ресурс]. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=215314&dst=100001&date=15.02.2021&demo=2> (Дата обращения: 12.09.2021).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 N 12 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о контрабанде». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=355132&dst=100001#193smiSG5jOpJPxU>. (Дата обращения: 12.09.2021)
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации № 1 от 7 января 2002 года, ст. 1.
7. Федеральный закон от 10.12.2003 N 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства Российской Федерации № 50 от 15 декабря 2003 года, ст. 4859.
8. Федеральный закон от 22.11.1995 N 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=371778-4&req=doc&md=A79D939A608FECB3C2DDEB77864F48FD&base=LAW&n=389343&stat=srcfld%3D134%26src%3D100000001%26fld%3D134%26code%3D65535%26page%3Dinfo%26p%3D0%26base%3DLAW%26doc%3D371778#ZWYsmiSAnCUMABFJ1>. (Дата обращения: 12.09.2021)
9. «ГОСТ Р 52463–2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Табак и табачные изделия. Термины и определения» (утв. и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 29.12.2005 N 481-ст). [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200043099>. (Дата обращения: 12.09.2021)
10. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20.12.2017 N 107 (ред. от 28.05.2019, с изм. от 29.04.2020). [Электронный ресурс]. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=325985&dst=100001&date=15.02.2021&demo=2>. (Дата обращения: 12.09.2021)
11. Закон РФ от 15.04.1993 N 4804–1 (ред. от 08.12.2020) «О вывозе и ввозе культурных ценностей». [Электронный ресурс]. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=370351&dst=100003&date=15.02.2021&demo=2>. (Дата обращения: 12.09.2021)
12. Официальный сайт Федеральной таможенной службы. Результаты правоохранительной деятельности подразделений Федеральной таможенной службы [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-glavnogo-upravleniya-po-bor-be-s-kontrabandoj/document/263689>. (Дата обращения: 12.09.2021).
13. Интернет-издание «Ведомости». Статья Руководитель управления по противодействию коррупции ФТС о взятках на таможне. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/society/characters/2021/04/11/865463-murishhev-o-vzyatkah>. (Дата обращения: 12.09.2021).
14. Интернет-издание ТАСС. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/proisshestviya/12322255>. (Дата обращения: 12.09.2021).
15. Крайнова Н.А., Романова Л.И. Некоторые современные тенденции уголовной политики России в сфере противодействия преступности // Ученые записки юридического факультета. 2021. № 3. С. 39–43.
16. Ермолович Г.П. Договор о Евразийском экономическом союзе и его правовая характеристика // Ученые записки юридического факультета. 2015. № 38 (48). С. 107–112.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ПЕТРОВ Валерий Викторович – старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса Санкт-Петербургского государственного экономического университета, судья, пребывающий в отставке. Контакты: 7-я Красноармейская ул., д. 6/8, г. Санкт-Петербург, 190005 E-mail: 95044@bk.ru, тел.: 8 (812) 458-97-18.

AUTHOR

Petrov Valery V. – chief lecturer of the Department of criminal law and criminal process of Saint Petersburg University of Economics the judge staying in resignation. Contacts: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 6 / 8, Saint Petersburg, Russia, 190005.

Дата поступления статьи в редакцию: декабрь 2021 г.

УДК 342

Наталья Александровна Рагозина

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ольга Андреевна Ключевская

Муниципальное учреждение «Социально-досуговый центр “Перекресток”»
г. Волгоград, Российская Федерация

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Аннотация. Молодёжная политика, физическая культура и спорт – являются тесно взаимосвязанными сферами, существование проблем в которых препятствует гармоничному развитию общества. Оперативное реагирование государства на возникающие запросы со стороны молодёжной среды позволят разрешить ряд вопросов, связанных со стремлением к достижению единой цели государственной политики в области спорта – оздоровление нации. Практико-ориентированный подход в реализации комплекса ГТО, воспитание и пропаганда ценностей здорового образа жизни должны быть нормой жизни для обучающейся молодежи.

Ключевые слова: молодежная политика, спорт, физическая культура, оздоровление, нация, единение.

Natalia A. Ragozina

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

Olga A. Klyuchevskaya

Municipal Social and Leisure Center “Perekrestok”,
Volgograd, Российская Федерация

CURRENT PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE YOUTH POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SPHERE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT

Abstract. Youth policy, physical culture and sports are closely interrelated areas, the existence of problems in which hinders the harmonious development of society. The prompt response of the state to emerging requests from the youth environment will allow resolving a number of issues related to the desire to achieve the single goal of state policy in the field of sports – the improvement of the nation. A practice-oriented approach to the implementation of the TRP complex, education and promotion of the values of a healthy lifestyle should be the norm for young students.

Keywords: youth policy, sports, physical culture, health improvement, nation, unity.

Одной из прогрессирующих областей развития законодательства России является сфера молодёжной политики в сфере физической культуры и спорта. Для формирования и становления сильного государства, способного противостоять внешним негативным воздействиям, необходим базис, которым является здоровая и развитая нация. Данные характеристики заложены не случайно, так как развитие физической культуры

и спорта имеет особое значение, предопределяющее качество жизни российского народа. [6]

Рассматриваемые в данной научной статье понятия «физическая культура» и «спорт», в содержание которых включаем не только нормативный комплекс программ, направленных на восполнение и увеличение здоровья молодого поколения, могут характеризовать особый современный социальный институт общества,

функционирование которого непосредственно направлено на формирование и укрепление здоровья нации в результате осуществления комплекса административных мер оздоровительного характера. Из вышеприведенных утверждений можно сформулировать вывод, что развитие физической культуры и спорта является одним из основных социальных ресурсов в сфере социального-экономического развития общества. Несовершенство правового обеспечения молодёжной политики, низкий уровень вовлеченности молодёжи в занятие спортом и общественной деятельностью – все это является препятствием на пути развития государства в целом, острым правовым вопросом, в связи с процессами глобализации, проникающими в общественные отношения.

Обращаясь к Федеральному закону № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» (далее 489-ФЗ) [2], мы можем проследить, что молодёжью в понимании законодателя являются лица в возрасте от 14 до 35 лет включительно. Согласно данным всероссийской переписи населения, численность молодёжи достигла 39,1 миллионов человек, что является существенным рычагом в управлении и внедрении инициатив в обществе. Молодёжная политика в общем представляет деятельность государства, провозглашающую такие цели, как: создание правовых, экономических и организационных условий, а также гарантий для качественного формирования личности молодого гражданина и деятельности молодёжных объединений и движений, что подтверждает особое место в системе стратегических направлений государственной политики. Именно такая социальная группа, как молодёжь, является базисом развития, будущим страны, и в зависимости от того, насколько оперативно будут разрешаться вопросы регулирования рассматриваемой области, настолько будет эффективна и принимаема со стороны общества реализуемая государственная молодёжная политика. Физическая культура и спорт – две неразрывные сферы, взаимосвязь которых позволяет обеспечивать устойчивое и гармоничное развитие молодёжи, показатели здоровья которой, с учетом сложившейся ситуации распространения коронавирусной инфекции, различных форм табакосодер-

жащих и наркотических веществ, являются чрезвычайно важными.

Предлагаем рассмотреть такую группу, как студенческое сообщество, являющееся наиболее многочисленным. Физическая культура выступает не только как учебная дисциплина, но и как важнейшая составляющая полноценного развития личности. Являясь компонентом общей культуры, именно физическая культура способна продемонстрировать национальный культурный код населения. Начиная с первых международных соревнований, молодёжь СССР демонстрировала силу духа, упорство в труде и волю к победе – все это формируется посредством физической культуры и спорта. Проведенные в современное время такие спортивные мероприятия как XXVII Всемирная летняя универсиада 2013 года в г. Казани, XXII Олимпийские зимние игры, XI Паралимпийские зимние игры 2014 года в г. Сочи, XXIX Всемирная зимняя универсиада 2019 года в г. Красноярске – явились мощным стимулом в развитии студенческого спорта. Но это большой спорт, он является институтом, требующим максимального сосредоточения усилий именно в этой деятельности, поэтому целесообразней в рамках нашего научного анализа рассмотреть общее оздоровление нации, а именно: массовое вовлечение в занятие физической культурой и спортом молодёжи (студенчества).

С какими трудностями в области молодёжной политики можно столкнуться при разрешении данного вопроса? В рамках работы высших учебных заведений в структуре управления существует такой орган, как Совет обучающихся, в виде представительного координирующего органа административного коллектива, а также форму молодежного студенческого самоуправления. Инновационным методом в работе данного органа является социальное проектирование, представляющее собой продуманное улучшение социальной ситуации, позволяющее создавать и эффективно реализовывать социально-ориентированные проектные идеи и замыслы. Проведя социологический опрос (см. диаграмму 1) среди студентов, которые не вовлечены в занятия физической культурой и спортом, мы выяснили, что респонденты сталкиваются с такими причинами, как личностный фактор, выраженный в пассивности либо наличии страха, навязанная модель

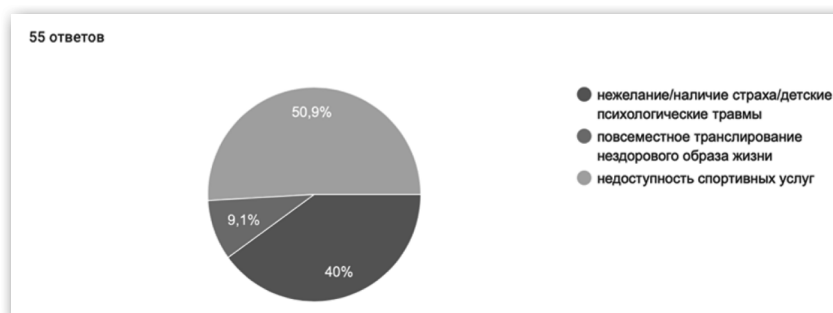

Диаграмма 1

поведения в обществе в виде разнообразных проявлений нездорового образа жизни, так и с внешними обстоятельствами в виде недоступности посещения качественных спортивных площадок. Для преодоления данной проблемы необходимо предоставить свободу самовыражения для студентов в виде работы в проектных мастерских для разработки максимально доступного варианта организации спортивного досуга и физического оздоровительного укрепления личности. [5]

Молодежная политика наиболее активно получает свое развитие в пространстве (физическом и духовно-академическом) высших учебных заведений, именно поэтому следует нормативно закрепить наличие социального проекта в методах организации спортивной деятельности со студентами, позволяющий наблюдать положительный эффект на всех этапах обучения и воспитания.

Не менее актуальным вопросом является востребованность комплекса ГТО среди современной молодежи. Установленные нормативы позволяют наиболее глубоко оценить физическую подготовку граждан. Но негативным моментом является тот факт, что сдачу ГТО рассматривают только как возможность получения дополнительных баллов к сумме Единого Государственного Экзамена. Тем самым в молодежной среде уже сформировано определенное отношение к сдаваемым нормативам, кардинально отличающееся от стратегических идей и направлений проекта ГТО.

Для того, чтобы преодолеть данную проблему, необходимо проводить систематическую работу с молодежью, а именно: информационные акции, организуемые Советом Обучающихся и иными структурными подразделениями, в компетенцию которых входит внеучебная работа со студентами,

в рамках которых можно познакомиться с историей и стратегической миссией ГТО и, в целом, представить ответ на главный вопрос – почему важно готовиться и систематически сдавать нормативы? Здесь можно отметить, что система ГТО может выступать механизмом самоконтроля человека и элементом спортивного драйва, самомотивации. Правда, в этом есть и философский аспект – один восточный мудрец сказал друзьям, сетующим на снижение своих спортивных показателей: «А у меня все в порядке – во дворе у меня лежит большой камень; я его по молодости не мог сдвинуть и сейчас не могу».

Для большинства молодежи, не вовлеченного в занятия физической культурой и спортом, комплекс нормативов представляется как невыполнимое испытание, но это объяснимо сформированными стереотипами и страхом перед возможной неудачей. Постепенное погружение в область ГТО позволит воспитать у студентов уверенность в своих силах и целеустремленность, сформировать позитивное отношение к физической культуре и спорту.

Упомянув ранее такой метод, как социальное проектирование, можно также отметить, что данный метод имеет широкую практику применения. Так, в рамках работы Фонда Президентских Грантов в 2021 году материальную поддержку в размере 414 284 тысяч получила Автономная Некоммерческая организация центра развития спорта и патриотизма «Будь в команде», основной целью проекта которого является поддержка и пропаганда практик здорового образа жизни и сохранения здоровья молодежи посредством занятий Workout, ставшим особенно актуальным направлением в период пандемии в связи с ограничениями посещения спортивных секций и фитнес клубов. Но с учетом того, что грантовые

конкурсы существуют в большинстве с 2016–2017 года, до сих пор остается актуальным распространение практик социального проектирования в том числе среди молодёжи.

Пропаганда здорового образа жизни, безусловно, начинается с изменений сознания человека. На формирование жизненной позиции и выстраивание приоритетов влияют не только окружение (непосредственная жизненная среда), но и социальная реклама. Молодёжь наиболее подвержена влиянию стереотипов поведения, навязанных извне: различные каналы TV, социальные сети и подряд выпускающиеся киносерии просто насаждают бездуховность, нездоровый гедонизм, погоню за материальными благами «любой ценой», где физическая культура и спорт часто обретают извращенный образ, что прямо не совместимо с ценностями, провозглашенными истинным институтом физической культуры и спорта: здоровье, долголетие, позитивные взгляды на жизнь, духовное и физическое развитие. «СМИ – четвертая власть» – наиболее полное отражение роли рекламы в социуме. В Федеральном законе № 38-ФЗ «О рекламе» п. 8 ст. 7 [3] не допускается реклама табака, табачной продукции, табачных изделий, никотинсодержащей продукции, курительных принадлежностей, в том числе трубок, сигаретной бумаги, зажигалок, а также устройств для потребления никотинсодержащей продукции, кальянов. В соответствии с КоАП РФ, за нарушение запрета рекламы табака налагается административный штраф на граждан в размере от 3 до 4 тысяч рублей, на должностных лиц – 10–25 тысяч рублей; на юридических лиц – 150–600 тысяч рублей. [1] Но при наличии данных норм все равно на просторах социальных сетей мы можем

наблюдать распространение информации о современных «безвредных» электронных приспособлений для курения. Именно поэтому необходимо в рамках работы сообществ молодёжных объединений публиковать социальную рекламу-протест, направленную на формирование негативного отношения к анти-здоровым элементам поведения. Данная деятельность позволит объединить инициативную молодёжь, в частности, основой могут являться студенты, проходящие учебу по спортивным направлениям подготовки, специалисты по работе с молодёжью, знающие специфику профилактической работы, а также волонтеры, способные помочь своим сверстникам преодолеть проблемы зависимости и вовлечь их в занятие физической культурой и спортом, а также, в дальнейшем, спортивным волонтерством, являющимся прогрессивным направлением в области молодёжной политики.

В завершении анализа хотелось бы отметить, что федеральное законодательство России в рассматриваемой сфере достаточно прогрессивное. Проработанные стратегии развития молодёжной политики, физической культуры и спорта отвечают запросам общества. На данный момент актуальным направлением развития является оценка качественных показателей вовлечения населения в спорт, по которым ныне не организован сбор статистической информации, мониторинга интересов молодёжи, как основной целевой группы, на деятельность которой и направлена стратегия развития до 2035 года. [4] Необходимо продолжать выстраивать «мост доверия» между молодёжным сообществом и структурами управления, власти, поскольку только в совместной работе можно добиться единых целей оздоровления нации.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Кодекс об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. Федерального закона от 03.06.2009 № 112-ФЗ) // Собрание Законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1) – Ст. 1.
2. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ» № 1 (ч. 1), 04.01.2021, ст. 28.
3. Федеральный закон от 13 марта 2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (с изм. вступ. в силу с 25.08.2021) //

«Собрание законодательства РФ» № 12, 20.03.2006, ст. 1232.

4. Распоряжение Правительства РФ от 03 июня 2019 № 1188-р «Об утверждении Стратегии развития спортивной индустрии до 2035 года» // «Собрание законодательства РФ» N 24, 17.06.2019, ст. 3111.

5. Ключевская О.А., Рагозина Н.А., Сытник Г.В. «Социальное проектирование как административный метод вовлечения в занятия физической культурой

и спортом» // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции молодых исследователей с международным участием, посвященной 125-летию Национального государственного Университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта. 2021 – ч. 1. – С. 185–189.

6. Ключевская О.А. «Совершенствование правового регулирования в сфере молодёжной политики, физической культуры, спорта и туризма» // Сборник статей и тезисов докладов Всероссийской научно-практической конференции «Место и роль физической культуры в современном мире. 2021. – С. 159–165.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

РАГОЗИНА Наталья Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права СПбГЭУ. Контакты: 7-я Красноармейская ул. д. 6/8, г. Санкт-Петербург, 190005. E-mail: ragozina777@bk.ru. Тел.: 8(911) 0888190.

КЛЮЧЕВСКАЯ Ольга Андреевна – специалист по работе с молодёжью МУ СДЦ «Перекресток», Контакты: пр-т им. Маршала Г.К. Жукова, д. 85. г. Волгоград, 400094. E-mail: olga22klyuchevskaya@yandex.ru. Тел.: 8(917)8405641.

AUTHORS

RAGOZINA Natalia A. – candidate of Legal Sciences, associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative law of St. Petersburg State University of Economics. Contacts: 7th Krasnoarmeyskaya st. 6/8, St. Petersburg, Russia, 190005.

KLYUCHEVSKAYA Olga A. – specialist in youth work Municipal Social and Leisure Center “Perekrestok”. Contacts: Ave Marshal G.K. Zhukov, h. 85. Russia, 400094.

Дата поступления статьи в редакцию: декабрь 2021 г.

УДК 342

*Аслан Пахливанович Назаров*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

О СОВРЕМЕННЫХ ТРЕНДАХ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕХОДА К «ЗЕЛеной» ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В статье будут рассмотрены роль и значение правового воздействия на экономические процессы на примере перехода к «зеленой» экономике, а также проанализированы положения нормативных правовых актов, работы экспертов, отражены поручения органам исполнительной власти, позиции бизнес – сообщества. Вопросы изменения климата и негативных последствий таких изменений лежат не только в плоскости правозащитных организаций и органов по охране окружающей среды, но, безусловно представляют собой актуальный предмет нормативного регулирования.

Воплощение и реализация глобальных процессов в сфере экономики невозможно без правового оформления, подразумевающее определение и закрепление направлений осуществления процессов, подходов (сценариев), целей и задач таких процессов.

Не все участники хозяйственной деятельности выражают готовность к структурным изменениям, переориентации своей предпринимательской (коммерческой, промышленной, финансовой и т. д.) деятельности, так как текущее состояние экономики для такой категории субъектов является «комфортным» в силу извлечения прибыли в краткосрочной или среднесрочной перспективах без внедрения инновационных технологий и эффективных управленческих решений.

Таким образом, обязывающий характер правовых норм способствуют качественному переходу в отдельной отрасли производства или в экономике страны в целом.

Основная цель – определить и описать современный тренд правового воздействия, его значение и роль.

Ключевые слова: экономика, «зеленая» экономика, декарбонизация, энергопереход, правовые средства воздействия.

Aslan P. Nazarov

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

ABOUT MODERN TRENDS OF LEGAL IMPACT ON ECONOMIC PROCESSES ON THE EXAMPLE OF TRANSITION TOWARDS A «GREEN» ECONOMY

Abstract. The article will consider the role and significance of legal impact on economic processes on the example of the transition to a «green» economy, as well as analyze the provisions of regulatory legal acts, the work of experts, reflect the instructions to executive authorities, the positions of the business community. The issues of climate change and the negative consequences of such changes lie not only in the plane of human rights organizations and environmental protection bodies, but, of course, represent an actual subject of regulatory regulation. Implementation and implementation of global processes in the field of economics it is impossible without legal formalization, implying the definition and consolidation of the directions of implementation of processes, approaches (scenarios), goals and objectives of such processes.

Not all participants in economic activity express readiness for structural changes, reorientation of their entrepreneurial (commercial, industrial, financial, etc.) activities, since the current state of the economy for such a category of subjects is «comfortable» due to profit-making in the short or medium term without the introduction of innovative technologies and effective management decisions. Thus, the binding nature of legal norms contribute to a qualitative transition in a particular branch of production or in the economy of the country as a whole.

The main goal is to identify and describe the current trend of legal influence, its significance and role.

Keywords: economics, «green» economy, decarbonization, energy transition, legal means of influence.

Одним из актуальных вопросов, обсуждаемых в медийном, политическом пространствах, включенным в повестку дня в бизнес-сообществах в различных странах, является трансформация экономических процессов, переход к «зеленой» экономике.

Необходимость к такому переходу вызвана изменениями климата и его негативными последствиями, которые создают реальную угрозу для социально – экономического развития большинства стран мира, соответственно, для уровня жизни людей в таких государствах. Ежегодные экономические потери от стихийных бедствий и экстремальных погодных явлений составляют миллиарды долларов США [2]. К числу последствий изменений климата можно отнести появление новых болезней.

Разработка, оперативное внедрение мер по адаптации климатическим изменениям представляется эффективным шагом для минимизации ущерба от указанных экологических процессов со стороны государства при участии компаний.

Кроме того, по прогнозам Всемирного банка к 2050 году изменения климата в случае, если ничего не предпринимать, вынудят 143 миллиона человек покинуть места своего постоянного проживания в регионах Латинская Америка (17 млн чел.), Южная Азия (40 млн чел.), Африки южнее Сахары (86 млн чел.) [12]. При этом, можно предположить, что усиленная миграция будет также внутри стран или в рамках одного политико-территориального пространства (например, Евросоюз, ЕвразЭС).

Переход к «зеленой» экономике выражается в реализации мер по декарбонизации (энергопереходу). В качестве примера воплощения экологических инициатив можно привести «Зеленый курс» европейских стран.

«Зелёный курс» или «Зеленая сделка» (The European Green Deal), утвержденная Европейским союзом в 2019 г. – всеобъемлющий план действий в сфере декарбонизации, впервые увидевший свет в декабре 2019 года. На его реализацию в течение десяти лет планируется потратить по меньшей мере 1 триллион евро. Главными задачами Курса

являются обеспечение нулевых нетто-выбросов и утечек парниковых газов к 2050 году, снижение эмиссии парниковых газов как минимум на 55% уже к 2030 году [3, с. 7].

По прогнозам экспертов, в ближайшее десятилетие «Зеленая сделка» в наибольшей степени отразится на импорте угля, а после 2030 г. – нефти и газа. Ожидаемое сокращение импорта угля до 2030 г. составит 71–77%, нефти – на 23–25%, природного газа – на 13–19% по сравнению с 2015 г. [12]. После 2030 г. планируется почти полностью отказаться от использования угля и более существенно снизить ввоз в ЕС нефти и газа на 78–79% и 58–67% соответственно по сравнению с 2015 г. [13].

Кроме того, страны «большой двадцатки» по итогам конференции (состоявшейся 13.11.2021 в Глазго) выразили готовность прекратить финансирование зарубежных проектов по добыче угля.

Также, более 130 государств, включая Россию, Бразилию и Канаду, высказались в пользу принятия эффективных мер по противодействию исчезновения лесов к 2030 году. Договоренность охватывает около 85% мировых лесов, для ее реализации предполагается мобилизовать 19 млрд долларов из государственных и частных источников [3, с. 8].

Без разработки правовых средств и их дальнейшего применения невозможно представить функционирование механизмов декарбонизации (энергоперехода).

Так, в основу перехода к «зеленой» экономике легло Парижское соглашение от 12 декабря 2015 г. (далее – Соглашение), в соответствии с которым страны-участницы взяли на себя обязательства по сокращению выбросов парниковых газов и взаимодействию по вопросам адаптации к последствиям изменения климата.

К числу правовых средств достижения установленной таким соглашением цели можно отнести:

- удержания прироста глобальной средней температуры намного ниже 2 °С сверх доиндустриальных уровней и приложения усилий в целях ограничения роста температуры до 1,5 °С;
- развитие при низком уровне выбросов парниковых газов таким образом, который не ставит под угрозу производство продовольствия;

– приведения финансовых потоков в соответствие с траекторией в направлении развития, характеризующегося низким уровнем выбросов и сопротивляемостью к изменению климата [5].

Европейским союзом (ЕС) в качестве логического и правового продолжения Соглашения разработана и принята стратегия в области климата и энергетики до 2030 года (2030 Climate and Energy policy framework), в рамках которой определена цель по декарбонизации как минимум на 40% от уровня 1990 года к 2030 году. Актом под названием «Чистая планета для всех» (A Clean Planet for all), предусмотрено, что экономика ЕС должна стать «нейтральной» за счет полного энергоперехода, исключая выбросы парниковых газов, к 2050 году.

Российская Федерация не может остаться в стороне от перехода к «зеленой» экономике.

Так, Россия приняла Соглашение с «оговорками», что подтверждается постановлением Правительства Российской Федерации от 21.09.2019 № 1228 «О принятии Парижского соглашения».

Кроме того, создана нормативная база по вопросу ограничения выбросов парниковых газов (важный этап декарбонизации), а именно разработан и принят Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» (далее – Федеральный закон № 296-ФЗ).

Целью указанного федерального закона является создание условий для сбалансированного и устойчивого развития экономики России при сокращении уровня выбросов парниковых газов.

По мнению Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), модель углеродного регулирования, заложенная в Федеральном законе № 296-ФЗ, представляет сбалансированной и решающей основные задачи. В её основе лежит реализация и использование результатов климатических проектов, что может быть достаточным для декарбонизации большинства отраслей российской экономики [11].

Логичным продолжением правовой цепочки после принятия Соглашения является Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2020 № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» (далее также – Указ).

Так, согласно Указу высшему органу исполнительной власти Российской Федерации поручено:

– обеспечить к 2030 году сокращение выбросов парниковых газов до 70% относительно уровня 1990 года с учетом максимально возможной поглощающей способности лесов и иных экосистем и при условии устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития Российской Федерации;

– разработать и утвердить Стратегию социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года и утвердить ее;

– обеспечить создание условий для реализации мер по сокращению и предотвращению выбросов парниковых газов, а также по увеличению поглощения таких газов.

Исполнение указанного нормативного правового акта влечет за собой конъюнктурные изменения в экономике, переориентацию на «зеленый» курс.

Кроме того, необходимость сокращения в период с 2021 по 2050 г. накопленного объема чистой эмиссии парниковых газов в Российской Федерации до более низких значений по сравнению с показателями Европейского союза была озвучена в качестве важнейшей задачи в ежегодном послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию России (далее также – Послание) [9].

Соответственно, фактически речь идет о начальном этапе правового закрепления формирующегося «зеленого» курса в экономике страны. В подтверждении указанного довода можно привести Стратегию социального-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, утвержденная распоряжением Правительства России от 29.10.2021 № 3042-р (далее также – Стратегия).

Стратегия предусматривает два различных сценария (подхода) адаптации российской экономики к глобальному энергопереходу (декарбонизации): инерционный и интенсивный (целевой). Инерционный сценарий предусматривает сохранение текущей экономической модели, соответственно, увеличение (с текущего уровня 2021 года) выбросов парниковых газов к 2030 году на 8%, к 2050 году – на 25%, что исключает возможность выполнения Указа, Послания.

По прогнозам Минэкономразвития России, реализация инерционного сценария сопряжена

с такими рисками как снижение бюджетных доходов в результате сокращения энергетического экспорта, отставание в технологическом развитии, деградация экспортно-сырьевой модели развития, отставание в разработке и внедрении инновационных технологий (в том числе, отвечающих запросам «зеленой экономики») в области энергосбережения, снижение объема инвестиций, отток капитала, медленный рост располагаемых доходов населения [8].

Основная задача интенсивного (целевого) подхода является обеспечение глобальной конкурентоспособности и устойчивого экономического роста Российской Федерации в условиях мирового энергоперехода. Такой подход предусматривает интеграцию механизмов декарбонизации с экономическими возможностями страны по переходу на «зеленые» технологии.

Согласно Стратегии, реализация целевого (интенсивного) сценария приведет в 2050 году к сокращению выбросов парниковых газов на 60% по сравнению с уровнем 2019 года и на 80% по сравнению с уровнем 1990 года.

Кроме того, к ожидаемым результатам воплощения целевого (интенсивного) подхода можно отнести:

- 1) высокий уровень технологического развития и конкурентоспособности российской экономики;
- 2) появление и развитие новых отраслей промышленности (в том числе водородной энергетики и электротранспорта), формирование новых высокопроизводительных рабочих мест;
- 3) повышение инвестиционной привлекательности российских предприятий и экономики, высокий уровень роста инвестиций;
- 4) сохранение высокого уровня занятости населения;
- 5) рост располагаемых доходов населения;
- 6) улучшение качества окружающей среды и экологического благополучия населения;
- 7) внедрение принципов экономики замкнутого цикла;
- 8) снижение углеродоемкости экономики более чем в 2 раза и достижение уровня ведущих стран.

Также хотелось бы отметить, что в целях реализации утвержденной Стратегии и обеспечения «углеродной нейтральности» России не позднее 2060 года Президентом Российской Федерации

даны поручения: Правительству России разработать и утвердить план мероприятий («дорожную карту») по снижению уровня углеродоемкости российской экономики в срок до 01.03.2022, а также совместно с ПАО «Газпром» при участии МИДа России проработать вопросы о возможности экспорта в страны Евросоюза водорода в составе метано-водородной смеси на базе действующих трубопроводных систем и признании такого водорода соответствующим требованиям Европейского союза со сроком исполнения до 01.06.2022.

Кроме того, согласно утверждению заместителя министра промышленности и торговли Российской Федерации – Морозова Александра Николаевича, Правительства Российской Федерации ожидает от автопрома локализации производства электро- и водородных автомобилей в краткосрочной перспективе, кроме того, в течение первого полугодия 2022 года запланировано заключение первых специальных инвестиционных контрактов на локализации таких производств [4]. В качестве эксперимента запускается углеродное регулирование в Сахалинской области, предусматривающее отработку механизмов квотирования и платы за невыполнение квот [11].

В дополнении и во исполнении Стратегии бизнес – сообщество предлагается использование принципа нейтральности углеродного регулирования по отношению к расходам населения и бизнеса, исключающий возможность дополнительного увеличения фискальной нагрузки на регулируемые организации [11].

По результатам анализа можно сделать вывод о том, что суть, направление и осуществление экономических процессов определяются нормативно-правовой базой. В отсутствие правового регулирования не представляется возможным упорядочивание экономических процессов, переход к инновационным структурным изменениям, соответственно, конкурентоспособность экономики страны, раскрытие внутригосударственного экономического потенциала. Такие негативные факторы способствуют деградации социально-экономических условий, снижению уровня благосостояния граждан.

При этом, для достижения позитивных результатов представляется целесообразным привлечение бизнес-сообщества к участию в разработке проектов правовых актов (в качестве юридических

средств воздействия), что позволяет обеспечить учет интересов субъектов коммерческой (хозяйственной) деятельности как на стадии правотворчества, так и на стадии правоприменения. Указанное взаимодействие способствует «комфортному» воплощению положений принятых актов.

Значимость современного тренда правового воздействия на экономические процессы будет только увеличиваться по вопросам существенных конъюнктурных изменений в экономике. Не всегда бизнес выражает готовность к «новой» технологической переориентации производства, такие процессы неразрывно связаны с расходами и убытками на первоначальных этапах, а существующие условия организации производства рассматрива-

ются как «комфортные». В данном случае, только благодаря средствам правового воздействия возможно запустить процессы перехода.

В качестве подтверждения приведенных доводов можно лишь частично коснуться пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Мировое сообщество переживает нелегкие времена, связанные с преодолением угрозы, вызванной такой пандемией [1, с. 112]. В период пандемии различными странами принимались, в первую очередь, административно-правовые меры, направленные на поддержание экономических процессов в условиях всеобщих ограничений. Воздействие таких правовых средств было существенным, определяющим и значимым.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Крайнова Н.А. Современные глобальные риски и их влияние на уголовную политику в сфере ресоциализации осужденных // Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы. Сборник материалов III научно-практической конференции с международным участием юридического факультета СПбГЭУ – 2020. С. 112–118.
2. Merriman M., Robertsson H. Can business sustain itself without being environmentally sustainable? // EY, 21.10.2020. URL: https://www.ey.com/en_mz/unlocking-ambitions-of-private-businesses-and-their-owners/can-business-sustain-itself-without-being-environmentally-sustainable.
3. Белов Д., Котова А., Кузнецов Е., Мильке К., Муджумдар А., Шадрин А. Глобальная зеленая трансформация: как изменится мир? // Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай» – 2021. Режим электронного доступа: URL: <https://www.ru.valdaiclub.com>.
4. Газета «Коммерсантъ» № 218. 2021 г. 1 декабря.
5. Парижское соглашение от 12.12.2015 // Бюллетень международных договоров, № 4, апрель 2020 года Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 06.11.2019, № 0001201911060026
6. Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // СЗ РФ. 2021 год. № 27 (часть I) ст. 5124.
7. Указ Президента РФ от 04.11.2020 № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» // URL: <http://pravo.gov.ru>.
8. Распоряжение Правительства России от 29.10.2021 № 3042-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» // URL: <http://pravo.gov.ru>.
9. URL: <https://www.kremlin.ru>.
10. URL: <https://www.economy.gov.ru>.
11. URL: <https://www.rspp.ru>.
12. URL: <https://www.worldbank.org>.
13. URL: <https://european-union.europa.eu/>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

НАЗАРОВ Аслан Пахливанович – ассистент кафедры конституционного и административного права СПбГЭУ. Контакты: 7-я Красноармейская ул. д.6/8, г. Санкт-Петербург, 190005. E-mail: apnazar@yandex.ru. Тел.: 8(812)4589765.

AUTHOR

Nazarov Aslan P. – assistant Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law St. Petersburg State University of Economics Contacts: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 6/8, St. Petersburg, Russia, 190005.

Дата поступления статьи в редакцию: декабрь 2021 г.

УДК 342.56

Елена Александровна Агеева

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОСТАВА ВЕРХОВНОГО СУДА США И РОЛЬ ЛИЧНОСТНОГО ФАКТОРА В ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИИ

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть некоторые вопросы формирования судебного корпуса высшей судебной инстанции США и роль в ее функционировании личностного фактора. Цель исследования была достигнута на основе анализа требований к формированию Верховного суда США, а также его некоторых решений. Методологическая основа представлена сравнительно-правовым и историко-правовым методами, которые позволили изложить взгляды автора. Рассмотрены особенности формирования и кадрового состава Верховного суда США. Выделено влияние идеологических взглядов, профессионального опыта, лидерских и иных качеств судей.

Ключевые слова: Верховный суд США, председатель Верховного суда США, назначение судей Верховного суда США.

Elena A. Ageeva

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

THE PECULIARITIES OF THE US SUPREME COURT COMPOSITION AND THE ROLE OF THE PERSONALITY FACTOR IN ITS FUNCTIONING

Abstract. The purpose of the study was to consider some issues of the formation of the judicial corps of the highest court of the United States and the role of the personal factor in its functioning. The purpose of the study was achieved on the basis of the analysis of the requirements for the formation of the US Supreme Court, as well as some of its decisions. The methodological basis is represented by the comparative-legal and historical-legal methods, which allowed to present the author's views. The peculiarities of formation and staffing of the US Supreme Court are considered. The influence of ideological views, professional experience, leadership and other qualities of judges is highlighted.

Keywords: U.S. Supreme Court, Chief Justice of the U.S. Supreme Court, appointments of U.S. Supreme Court justices.

История высшей судебной инстанции США свидетельствует о разных этапах в ее деятельности, в период которых выносились «судьбоносные решения», а Суд зарабатывал «не малый авторитет» [1, с. 66], выступая в качестве центральной власти для фундаментальных структурных изменений [2, р. 554]. Кадровый состав Верховного суда США играет большую роль в его деятельности. Начиная с требований к формированию суда, он реализует себя в целой группе составляющих: идеологическом спектре судебного состава, профессиональном опыте судей, лидерских и профессиональных качествах пред-

седателя суда, социально-психологическом климате судебного коллектива [3, с. 112]. В истории Верховного суда США были судебские составы как идеологически однородные, так и гетерогенные, а иногда даже – очень сильно поляризованные, что, как показывает история, иногда затрудняет работу судебного учреждения [4, с. 112].

Немногие политические назначения столь же важны, как назначения в Верховный суд США. В отличие, например, от дипломатических представителей, судьи в США служат пожизненно. К настоящему времени – это часто означает нахождение в должности несколько десятилетий.

Можно прогнозировать, что благодаря увеличению продолжительности жизни, судьи, назначенные в последующем, будут заседать в Верховном суде более трех десятилетий (для сравнения в прошлые времена этот срок составлял 16 лет). В ныне действующем составе Верховного суда США К. Томас находится на должности 30 лет, а судья С. Брайер – 27. Сама же Конституция США определяет, что судьи, находясь на должности (Верховного суда, так и нижестоящих федеральных судов) «пока ведут себя безупречно» (ст. III) [5].

Таким образом, технически судья может быть уволен, если он больше не соответствует части пункта о «безупречном поведении», но в остальном срок его полномочий не ограничен. Практически это значит, что судьи имеют свое место пожизненно, если Конгресс не объявит им импичмент и не сместит их. В РФ изменения законодательства в части наделения Совета Федерации полномочиями отстранять от должностей судей встретило критику исследователей и рассматривается как «право вмешиваться в организацию деятельности судейского сообщества Российской Федерации» [6].

В истории США только 15 федеральных судей (на 2019 г.) подвергались импичменту Конгрессом – все судьи судов низшей инстанции, и только восемь были отстранены от должности, хотя некоторые ушли в отставку до их неизбежного отстранения. Единственным судьей Верховного суда, которого Конгресс пытался подвергнуть импичменту, был С. Чейз (назначенный Дж. Вашингтоном в 1796 г.) Суть обвинений, в том числе, включала использование партийных предпочтений вместо беспристрастного отношения к своей профессиональной деятельности. Однако Чейз был оправдан по всем пунктам предъявленного обвинения в Сенате и продолжал служить судьей Верховного суда до своей смерти в 1811 г. Смысл предоставления судьям должности на всю оставшуюся жизнь (или, что чаще характерно для последнего времени, пока не уйдут в отставку) состоит в том, чтобы оградить высший суд страны от ситуации аналогичной случаю с Чейзом. Пожизненное назначение предназначено для обеспечения того, чтобы судьи были изолированы от политического давления, и чтобы суд мог действовать как действительно независимая ветвь власти. Таким образом, судью нельзя уволить,

если он принимает непопулярные решения (и примеров тому много). В теории это должно способствовать деятельности в соответствии с законом, а не политикой.

Каждому президенту США важно, чтобы в Верховном суде были его политические и идеологические союзники. На это возлагал надежды Р. Рейган предлагая в 1981 г. в состав высшей судебной инстанции Сандру Дей О'Коннор, которая вошла в состав суда, как первая женщина, назначенная на данную должность, проявив себя не так, как рассчитывал глава государства. В частности, ее голос стал решающим в деле *Planned Parenthood v. Casey*, 1992 г., которое является достаточно значимым, подтвердившим право на аборт, ранее установленное в деле *Roe v. Wade* 1973 г., несмотря на все старания республиканцев добиться обратного.

Новые судьи назначаются в Суд редко из-за отсутствия вакантных мест и за период нахождения у власти Президента за 4 года они могут не возникнуть. Дж. Вашингтон, учреждавший первый состав Суда, выдвинул десять человек, Ф.Д. Рузвельт занимавший должность главы государства четыре раза – девять, Д. Трамп – три. Конгресс не пользовался конституционным правом на изменение численности состава судей с 1869 г.: в самом начале было 6 судей, по мере территориальных изменений государства, в 1807 г. – стало 7, в 1837 г – 9, в 1863 г. – 10, в 1866 г. – 9, в 1867 г.8, с 1869 г. – 9.

Долгое время до 1835 г. состав Суда был достаточно консервативен: судьями высшей судебной инстанции были только мужчины, как правило протестантской веры. Первым католиком в составе Суда стал Роджер Брук Тони, имя которого, упоминают в связи с авторством решения Дреда Скотта (1857), вызвавшее больше количество разногласий в национальной политике и подорвало престиж Верховного суда. Позже – в 1916 г. в Суд пришел судья иудейского вероисповедания – Л. Брэндайс, а 1967 г. состав Суда был назначен афроамериканец Тэргуд Маршалл, который стал исключением из скромных ожиданий темнокожих американцев в начале XX века [7, с. 168]. До этого на протяжении 1940-х и 50-х годов Маршалл рекомендовал себя как один из лучших юристов страны, выиграв 29 из 32 дел, которые рассматривались в Верховном суде. Среди них были дела,

в которых Суд объявил неконституционным исключение южного штата афроамериканских избирателей из первичных выборов (*Smith v. Allwright* (1944)), судебное обеспечение соблюдения расовых «ограничительных соглашений» в жилищном секторе (*Shelley v. Kraemer* (1948)), а также «отдельные, но равные» условия для афроамериканских специалистов и аспирантов в государственных университетах (*Sweatt v. Painter* и *McLaurin v. Oklahoma State Regents* – оба 1950 года). В 1991 г. подводя итог своей работе на должности верховного судьи Маршалл сказал о себе: «Он сделал все, что мог, с тем, что у него было» (*He did what he could with what he had*) [8].

Назначение судей Верховного суда США, является сложным политизированным процессом, которому в США придается большое значение. В то время как пожизненные назначения – давняя традиция в США, такой подход не является нормой в других странах. Во многих демократиях мира судьи имеют обязательный пенсионный возраст, если не строгие ограничения срока полномочий для судей различных судебных инстанций. Учитывая тот факт, что Конституция США, устанавливающая требования к нахождению на должности судей Верховного и иных судов, является «жесткой», изменений в данной сфере в ближайшее время не произойдет.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Агеева Е.А. Судебная власть в государственном механизме США // Известия высших учебных заведений. 2018. № 2(46). С. 60–66.
2. Guinier L. *Courting the People: Demosprudence and the Law / Politics Divide* // Boston University Law Review. – 2009. – 89. – P. 554.
3. Саломатин А.Ю. Верховный суд США: Судебная правовая политика от Дж. Джея до Дж. Робертса: монография. – Москва: ИЦ РИОР : Инфра-М, 2013. С.112.
4. Агеева Е.А. Роль личностного фактора в деятельности Верховного суда США (по материалам 1940–1960-х гг.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 1(49). – С. 12–21.
5. Конституция США 1787 г. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: В 2 т. / Отв. ред. Н.А. Крашенинникова. Том 2: М., 2003.
6. Дзьоник В.Р. Роль конституционной поправки в сфере урегулирования вопроса судостроительства в Российской Федерации // Ученые записки юридического факультета. – 2021. – № 1. – С. 11–13.
7. Агеева Е.А. Порядок формирования и субъективный фактор в деятельности Верховного Суда США // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 12. С.168–171.
8. Williams Juan. *Thurgood Marshall: American Revolutionary*. N. Y.: Three Rivers Press. 1998.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

АГЕЕВА Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Контакты: ул. 7-я Красноармейская, д.6/8, Санкт-Петербург, Россия, 190005. E-mail: elenaageeva2013@mail.ru. Тел.: 8 (812) 458-97-17.

AUTHOR

AGEEVA Elena A. – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law Saint Petersburg State University of Economics, PhD in Law, Contacts: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 6/8, Saint Petersburg, Russia, 190005.

Дата поступления статьи в редакцию: декабрь 2021 г.

УДК 349.2

*Светлана Владимировна Максина*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ РАБОТНИКОВ
ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ИХ К ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Аннотация: в статье отмечается, что Трудовой кодекс РФ, несмотря на длительность своего существования, до настоящего времени в отдельных своих положениях, касающихся дисциплинарной ответственности, содержит определенные внутренние противоречия, требующие своего устранения. Предлагается расширить перечень дисциплинарных взысканий, предусмотренный трудовым законодательством. Обращается внимание на самостоятельный характер системы премирования в каждой отдельной организации, регулируемый соответствующими локальными нормативными актами, и возможность возникновения злоупотреблений правом со стороны работодателя в данной сфере. Раскрываются отдельные вопросы защиты трудовых прав работника в судебном порядке. Указываются проблемы применения дисциплинарной ответственности. Отражается необходимость пристального внимания со стороны законодателя к выявленным в процессе правоприменительной практики противоречиям. Предлагаются пути решения некоторых затронутых в статье проблемных вопросов. Констатируется необходимость внесения изменений в действующее законодательство в целях защиты прав работников и роста эффективности их труда.

Ключевые слова: Дисциплинарная ответственность, дисциплинарное взыскание, лишение премии, злоупотребление правом, защита трудовых прав

Svetlana V. Maksina

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

**INDIVIDUAL PROBLEMS OF PROTECTING THE RIGHTS OF EMPLOYEES
WHEN BRINGING THEM TO DISCIPLINARY RESPONSIBILITY**

Abstract: The article notes that the Labor Code of the Russian Federation, despite the duration of its existence, to date, in some of its provisions concerning disciplinary responsibility, contains certain internal contradictions that require their elimination. It is proposed to expand the list of disciplinary penalties provided for by labor legislation. Attention is drawn to the independent nature of the bonus system in each individual organization, regulated by relevant local regulations, and the possibility of abuse of the right by the employer in this area. Certain issues of protection of labor rights of an employee in court are disclosed. The problems of applying disciplinary responsibility are indicated. It reflects the need for close attention on the part of the legislator to the contradictions identified in the process of law enforcement practice. The ways of solving some of the problematic issues raised in the article are proposed. It is stated that there is a need to amend the current legislation in order to protect the rights of employees and increase the efficiency of their work.

Keywords: Disciplinary responsibility, disciplinary punishment, deprivation of bonuses, abuse of rights, protection of labor rights.

Конституция Российской Федерации в ст. 37 содержит положения, касающиеся основных прав граждан в сфере труда, в том числе на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации, а также право на индивидуальные и кол-

лективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения [1].

Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ) [2] в качестве целей трудового

законодательства называет установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда, защиту прав и интересов работников и работодателей (ст. 1).

Однако данный нормативный правовой акт, несмотря на длительность своего существования, до настоящего времени в отдельных своих положениях содержит определенные внутренние противоречия, требующие своего устранения. Указанные противоречия, в основном, выявляются в процессе правоприменительной практики и требуют пристального внимания со стороны законодателя, так как защита прав работников будет содействовать, в том числе, и росту эффективности их труда.

В качестве видов дисциплинарных взысканий в ныне действующей редакции ст. 192 ТК РФ отражены замечание, выговор и увольнение по соответствующему основанию. Полагаем, что на практике уже давно созрела необходимость выделения объективных критериев определения случаев применения в отношении работника, совершившего дисциплинарный проступок, в качестве взысканий замечания и выговора, так как основания для применения увольнения законодателем четко определены.

Также требует более жесткой правовой регламентации и уточнения норма, предусмотренная в п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, согласно которой трудовой договор может быть расторгнут работодателем в случае неоднократного неисполнения работником без уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание. В исследуемой норме законодателем не конкретизировано, какое именно дисциплинарное взыскание должно иметь место и, таким образом, практически стерто различие между замечанием и выговором.

На практике объявлению выговора, в качестве дисциплинарного взыскания, как правило, должно предшествовать применение к работнику замечания. Также, в основном, работодатели, используя в качестве основания для увольнения наличие у работника действующего дисциплинарного взыскания, стараются объективно подтвердить факт систематичности нарушения трудовых обязанностей со стороны работника и чаще всего увольнению предшествует применение к работнику дисципли-

нарных взысканий в виде двух выговоров за неоднократное совершение дисциплинарных проступков. На наш взгляд, соблюдение именно такого порядка очередности применяемых к работнику мер дисциплинарного характера будет способствовать защите прав работника от возможных злоупотреблений со стороны работодателя.

В современных реалиях требует изменения и сам перечень основных дисциплинарных взысканий, отраженный в ст. 192 ТК РФ. В закреплении на законодательном уровне, на наш взгляд, нуждается такой новый вид дисциплинарного взыскания как лишение премии (депремирование). На практике работодатели, злоупотребляя своими правами, достаточно часто наряду с применением законодательно закрепленных в ТК РФ в качестве видов дисциплинарных взысканий замечания или выговора, дополнительно лишают работника, совершившего дисциплинарный проступок, частично или в полном объеме различного рода стимулирующих выплат. Такие выплаты могут носить изначально как постоянный (ежемесячные, квартальные, годовые), так и временный характер.

Внесение предлагаемых изменений позволит более жестко конкретизировать положение трудового законодательства, отраженное в ч. 5 ст. 193 ТК РФ о том, что за каждый дисциплинарный проступок может быть применено только одно дисциплинарное взыскание и будет содействовать большему балансу прав в рассматриваемой сфере в отношениях, складывающихся между работником и работодателем.

В настоящее время в трудовом законодательстве не закреплён порядок оформления лишения или снижения премии, о чем указывается в письме Минтруда России от 14 марта 2018 г. № 14-1/ООГ-1874 [3]. В каждой отдельной организации система премирования носит самостоятельный характер и регулируется соответствующими локальными нормативными актами. Фактически это дает возможность работодателю в издаваемом приказе о премировании не отражать сведения об основаниях лишения премии или снижения ее размера для конкретного работника.

В силу статьи 129 ТК РФ заработная плата (оплата труда работника) – вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные выплаты

(доплаты и надбавки компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, работу в особых климатических условиях и на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, и иные выплаты компенсационного характера) и стимулирующие выплаты (доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты). Таким образом, система оплаты труда включает в себя в том числе и премию.

В большинстве организаций заработная плата в настоящее время в основном и состоит из нескольких составляющих, часть из которых носит постоянный характер (тарифная часть, должностной оклад и т. п.), а другая часть включает в себя отдельные премиальные или стимулирующие выплаты, отраженные в локальных нормативных актах. При этом получение таких выплат связано с достижением определенных результатов в работе, часто физически не достижимых работником, а иногда выполнением тех обязанностей, которые организационно не относятся к его трудовым функциям. Таким образом, на практике складывается ситуация, когда работник может терять часть своего заработка без объяснения причин этого и объективного документального подтверждения невыполнения «нормативов». У него также отсутствует возможность обжалования действий работодателя в этой части, так как трудовое законодательство такого права в настоящее время не предоставляет.

Фактически у работодателя появляется исключительное право произвольно принимать решения о лишении работника соответствующей премии (вознаграждения) или снижении ее размеров, так как на законодательном уровне четких критериев их выплат не установлено. Требовать защиты своих прав на получение оплаты труда в полном объеме в судебном порядке работник также не сможет. Сложившаяся ситуация может приводить к злоупотреблениям со стороны руко-

водителей организаций, начальников отдельных структурных подразделений, подающих сведения о необходимости премирования или депремирования отдельных работников по итогам работы за отчетный период, например, в случаях возникновения между ними личных неприязненных отношений или появления корыстных мотивов (получение «откатов» с работников).

Учитывая вышеизложенное, внесение депремирования в качестве дисциплинарного взыскания в ТК РФ позволит работнику обжаловать его наложение в судебном порядке и требовать его обоснования со стороны работодателя.

Определенные вопросы на практике вызывают положения ст. 193 ТК РФ, касающиеся порядка составления работодателем акта об отказе работника в заверении своей подписью факта ознакомления с адресованными ему соответствующими уведомлениями. Такие акты составляются подчиненными работодателю лицами, находящимися от него в служебной зависимости, и не всегда, соответственно, носят объективный и достоверный характер. Полагаем, что необходимо законодательно урегулировать получение работником от работодателя уведомления о представлении объяснения в письменном виде о совершенном дисциплинарном проступке, ввести обязательность присутствия самого работника или его представителя в случае фиксации факта отказа от предоставления объяснения и в последующем в случае фиксации отказа от ознакомления с приказом (распоряжением) о применении в отношении него дисциплинарного взыскания.

Указанные предложения о внесении изменений в действующее законодательство носят рекомендательный характер, однако будут способствовать стабилизации трудовых отношений, их открытости, исключению предпосылок к совершению злоупотреблений правом со стороны работодателей, повысят уровень правовой защищенности и гарантий трудовых прав работников.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 04.07.2020. № 144.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 22.11.2021). // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1. часть 1. ст. 3.

3. Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 14.03.2018 № 14-1/ООГ-1874 Об оформлении лишения премии или уменьшения ее размера и о выплате премии работнику при увольнении. [Электронный документ]. – URL: <https://base.garant.ru/72001220/> (дата обращения 10.12.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

МАКСИНА Светлана Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Контакты: ул. 7-я Красноармейская, д. 6/8, Санкт-Петербург, Россия, 190005, E-mail: nachso@mail.ru. Тел.: (812) 458-97-17.

AUTHOR

MAKSINA Svetlana V. – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law Saint Petersburg State University of Economics, Candidate of Law, Associate Professor. Contacts: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 6/8, Saint Petersburg, Russia, 190005.

Дата поступления статьи в редакцию: декабрь 2021 г.

УДК 342.9

*Станислав Анатольевич Смелов*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация**ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА
ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ
И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИХ ЧИСЛЕННОСТИ**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы оптимизации численности государственных служащих в связи с определением особенностей их труда в сравнении с иными работниками, выполняющими функции от имени государства. Также в работе рассматриваются различные подходы к служебной деятельности. Госслужба является особым видом профессиональной трудовой деятельности, обусловленной непосредственной связью с государством и поэтому сопровождаемой дополнительными ограничениями, повышенной ответственностью и компенсирующими гарантиями.

Ключевые слова: государственная служба, аппарат государственного управления, служебные и трудовые отношения, оптимизация численности государственных служащих.

Stanislav A. Smelov

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

**FEATURES OF REGULATING THE WORK OF CIVIL SERVANTS
AND DETERMINING THEIR NUMBER**

Abstract. The article deals with the optimization of the number of civil servants in connection with the determination of the characteristics of their work in comparison with other employees who perform functions on behalf of the state. The paper also discusses various approaches to official activity. The civil service is a special type of professional labor activity, due to its direct connection with the state and therefore accompanied by additional restrictions, increased responsibility and compensating guarantees.

Keywords: civil service, state administration apparatus, service and labor relations, optimization of the number of civil servants.

Государственная служба (аппарат государственного управления) как социально-правовой институт традиционно рассматривается в качестве необходимого признака государства, его неотъемлемого атрибута. В числе основных (существенных) признаков государственной службы отмечают ее профессиональный характер и направленность на обеспечение реализации (исполнения) целей, задач и функций государства, «формирование властно-управленческих взаимоотношений между государством и обществом, государственным органом и подлежащими его ведению управляемыми объектами» [2, с. 364].

В Трудовом кодексе РФ (ч. 7 ст. 11) установлено правило о субсидиарном применении трудового законодательства в отношении государ-

ственных и муниципальных служащих. Корреспондирующие нормы содержатся в Федеральном законе от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ст. 73) и Федеральном законе от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ч. 2 ст. 3).

В этой связи в ряде публикаций делаются выводы о том, что служебная деятельность фактически представляет собой особый вид труда [7, с. 192–201; 9, с. 32]. Подчеркивается «универсальная роль трудового права в любых отношениях несамостоятельного труда» [1, с. 14]. Как отмечает Т.В. Иванкина, «поскольку служебные отношения являются по своему существу трудовыми, трудовое право выступает основой их регулирования. Специальное законодательство

о служебных отношениях гражданских служащих – лишь часть норм трудового права, чрезвычайно важная, имеющая публичный аспект, но все же часть» [4, с. 160]. По мнению А.А. Сергеева, «в погоне за научной новизной не следует торопиться с категорическими выводами о том, что то или иное отношение в силу его публично-правовой природы не может подпадать под регулирование трудового права» [11, с. 27].

В противоположность данной точке зрения, в других исследованиях отстаивается позиция о преимущественно административно-правовом (публично-правовом) статусе госслужбы [13, с. 847–856; 6, с. 100], обосновывается необходимость принятия «кодифицированного акта, регулирующего все служебное законодательство в целом» [14, с. 30].

В качестве одного из аргументов сторонники данного подхода приводят довод о неравном характере отношений сторон – госслужащего и его нанимателя, в отличие от сторон в трудовых отношениях – работника и работодателя. В то же время данный довод на практике не представляется достаточно убедительным. В основе заключения служебного контракта и трудового договора лежит свободное волеизъявление гражданина, желающего вступить в служебные или трудовые отношения. Отличие заключается в том, что заключению служебного контракта предшествует более сложная процедура, связанная с проведением конкурса, предоставлением дополнительных документов, необходимостью соответствия специальным требованиям и т. д.

В обоих случаях гражданин обязуется лично за плату выполнять трудовую функцию (должностные обязанности) и соблюдать правила внутреннего трудового распорядка (служебный распорядок) (ст. 56 ТК РФ, ст. 23 Закона № 79-ФЗ).

Само по себе исполнение работником (служащим) трудовых (служебных) обязанностей, закрепленных надлежащим образом, не может рассматриваться как проявление какого-либо неравенства.

В то же время необходимо отметить известную условность позиции о том, что отношения работника и работодателя в полной мере основаны на принципе равенства. Безусловно, трудовое право сделало огромный шаг вперед в развитии данного принципа и в установлении гарантий

работника. Однако фактически работник, даже обладая этими гарантиями, находится в более уязвимом и подчиненном положении. Расторжение трудового договора, особенно по инициативе работодателя (в том числе фактической – при расторжении «по заявлению работника»), как правило, является более болезненным для работника. При подборе персонала, в большинстве случаев, работодатель «диктует» условия труда, а работник присоединяется к ним.

Отметим также тот факт, что некоторые (преимущественно крупные работодатели) вводят для работников правила, запреты и ограничения, сопоставимые с некоторыми запретами и ограничениями для госслужащих (например, требование о соблюдении дресс-кода (Апелляционное определение Московского городского суда от 10.07.2018 по делу № 33–30134/2018 [см. также: 3, с. 71–80]; ограничение на занятие иной деятельностью (Апелляционное определение Пермского краевого суда от 14.07.2014 по делу № 33–5889)).

В этой связи приходится признать, что полное юридическое отделение правового статуса граждан, находящихся на госслужбе, от иных лиц, осуществляющих трудовую деятельность, и его вывод в сферу административного регулирования представляется в некоторой степени искусственным. Более того, такой подход может сформировать неверное понимание о противопоставлении указанных категорий.

Безусловно, необходимо подчеркивать, что госслужба является особым видом профессиональной трудовой деятельности, обусловленной непосредственной связью с государством и поэтому сопровождаемой дополнительными ограничениями, повышенной ответственностью и компенсирующими гарантиями. В свою очередь, данные ограничения носят не только правовой, но и не в меньшей степени морально-этический характер, не замыкаясь рамками служебного времени (например, не совершать поступки, порочащие честь и достоинство служащего: см., например, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.02.2018 по делу № 18-КГ17–232).

Косвенным подтверждением сохраняющейся связи с трудовым правом служит также терминология, содержащаяся в Законах № 79-ФЗ

и № 25-ФЗ. Несмотря на стремление законодателя подчеркнуть особый статус службы путем введения понятий «служебный контракт» вместо «трудовой договор», «наниматель» вместо «работодатель», «служебное время» вместо «рабочее время», «служебная дисциплина» вместо «дисциплина труда» и т. д., ряд понятий трудового права остался не тронутым – «оплата труда», «трудовая книжка», «дисциплинарное взыскание» и т. д.

Поэтому и углубленное изучение в вузах дисциплины «Государственная и муниципальная служба» логично осуществлять после освоения обучающимися административного и трудового права.

Если исследовать госслужбу как особый вид труда, вопрос об определении оптимальной численности служащих может рассматриваться с учетом следующих рассуждений.

Вопрос о сокращении и оптимизации численности аппарата государственного управления не является новым и не теряет актуальности в различные исторические периоды (см., например: Постановление Совмина СССР от 19.07.1984 № 764 «О мерах по совершенствованию, удешевлению и сокращению численности аппарата управления»). На современном этапе продолжают поиски оптимальных моделей государственных структур и соответствующего им кадрового наполнения (см., например [8]), в том числе и в связи с опытом организации работы в условиях пандемии. Пристальное внимание уделяется вопросам снижения административного давления на бизнес, в том числе в контексте снижения расходов на содержание штата служащих без ухудшения качества работы [10, 28].

Безусловно, правовой статус государственно-служащего, включая его права и обязанности, не может рассматриваться в отрыве от правового статуса соответствующего государственного органа, его задач, функций и полномочий [см. подробнее 12, с. 3–7], а также от функциональной и организационной структуры государственного управления, целей и задач государства в целом.

Однако законодатель, закрепляя функции и полномочия за государственным органом, не фиксирует требование о том, что их реализация должна осуществляться исключительно государственными служащими, хотя в большинстве случаев это по умолчанию и предполагается.

При этом реализация полномочий (отдельных действий в рамках полномочий) может быть делегирована госорганом на уровень подведомственного государственного учреждения и выполняться работниками последнего (например, согласно п. 8 Административного регламента МВД России по предоставлению государственной услуги по выдаче заключения МВД России на конструктивно сходные с оружием изделия ..., утв. приказом МВД России от 28.06.2018 № 407, государственная услуга предоставляется МВД России. Непосредственное предоставление государственной услуги осуществляется федеральным государственным казенным учреждением «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации»). На этих работников, соответственно, не распространяется правовой режим, предусмотренный для госслужащих, включая запреты и ограничения.

В законодательстве, как правило, не закреплены критерии деятельности, которую от имени государства могли бы осуществлять только госслужащие. В некоторых работах в качестве такого условия предлагается «непосредственное осуществление властных, управленческих полномочий». [5, с. 20]. Однако на практике такое ограничение не соблюдается. В частности, в КоАП (ст. 28.3) предусмотрено право должностных лиц государственных учреждений составлять протоколы об административных правонарушениях.

Таким образом, вопрос о критериях распределения управленческой нагрузки между государственными органами и подведомственными им государственными учреждениями и, соответственно, об определении численности госслужащих и работников учреждений требует специальной проработки. В основу таких критериев могут быть положены уровень коррупционного риска исполняемых полномочий, их властный характер, возможность распределения значимых ресурсов, допуск к особым сведениям, повышенный уровень моральных требований и т. д. Отсутствие таких критериев приводит к стиранию отличий труда госслужащих от иных работников, реализующих функции государства, возможности произвольного варьирования их численности и финансирования.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Абалдуев В.А. О межотраслевом характере государственной политики в сфере труда и роли трудового права в ее реализации // Трудовое право в России и за рубежом. 2012. № 4. С. 12–15.
2. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: курс лекций / Г.В. Атаманчук. 4-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2009. 579 с.
3. Бреднева В. Споры по правилам корпоративной культуры // Трудовое право. 2017. № 1. С. 71–80.
4. Иванкина Т.В. Особенности источников, регулирующих служебные отношения гражданских служащих // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 151–164.
5. Кирова Т.А. Соотношение понятий «медицинский работник» и «публичный служащий» // Медицинское право. 2018. № 1. С. 19–23.
6. Козбаненко В.А. Иные виды государственной службы – правоохранительная служба: закон и доктрина // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 92–101.
7. Коробченко В.В., Сафонов В.А. Правовая природа служебных споров в сфере гражданской службы // Lex russica. 2016. № 10. С. 192–201.
8. Методические рекомендации по нормированию численности и формированию организационно-штатной структуры типовых подразделений федеральных органов исполнительной власти // <https://mintrud.gov.ru/uploads/imperavi/ru-RU/.pdf>.
9. Миннигулова Д.Б. Совершенствование административно-правового регулирования статуса государственных гражданских служащих в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. № 6. С. 30–32.
10. Новиков А.Б., Назаров А.П. Снижение административного давления на бизнес. Баланс интересов // Ученые записки юридического факультета. 2021. 2. С. 27–30.
11. Сергеев А.А. О трудовых правах выборных лиц местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 13. С. 24–27.
12. Смелов С.А. К вопросу о функциях и полномочиях федеральных органов исполнительной власти // Кодекс info. 2005. № 3–4. С. 3–7.
13. Хабибулина О.В. Правовой режим государственной службы // Lex russica. 2013. № 8. С. 847–856.
14. Чаннов С.Е. Муниципальная служба в контексте служебного и трудового права: публичность или квазипубличность // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 18. С. 24–30.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

СМЕЛОВ Станислав Анатольевич – кандидат юридических наук доцент кафедры конституционного и административного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Контакты: ул. Лени Голикова, д. 50, кв. 126, Санкт-Петербург, 198255. E-mail: smestan@yandex.ru; тел.: +7 (931) 311-68-01.

AUTHOR

SMELOV Stanislav A. – Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of St. Petersburg State University of Economics, PhD in Law. Contacts: Leni Golikova str., 50, sq. 126, St. Petersburg, Russia, 198255.

Дата поступления статьи в редакцию: декабрь 2021 г.

УДК 4414

Виктория Романовна БелоусоваСанкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НЕЗАВИСИМОСТИ
АРБИТРАЖНЫХ УПРАВЛЯЮЩИХ**

Аннотация. В данной статье рассмотрен статус арбитражного управляющего, проведен анализ некоторых положений Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Рассмотрены положения законодательства с точки зрения установления статуса арбитражного управляющего и фактическую роль арбитражного управляющего в части обеспечения достижения целей, предусмотренных процедурами, применяемыми в деле о банкротстве должника.

Цель работы – обратить внимание на противоречивость статуса арбитражного управляющего как центральной фигуры в деле о банкротстве.

На основе проведенного исследования автором рассмотрены правовое регулирование деятельности арбитражного управляющего в разрезе прав и обязанностей, установленных ему законодательством о банкротстве, уязвимость положения при взаимодействии с лицами, участвующими в деле о банкротстве, а также правоприменительный спор касательно заявленной тематики.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, дело о банкротстве, кредиторы, оспаривание сделок должника, права и обязанности.

Viktoriya R. Belousova

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

SOME INDEPENDENCE ISSUES ARBITRATION MANAGERS

Abstract. This article examines the status of an insolvency administrator, analyzes some of the provisions of Federal Law No. 127-FZ of 26.10.2002 «On Insolvency (Bankruptcy)».

The article considers the provisions of the legislation in terms of establishing the status of the bankruptcy manager and the actual role of the bankruptcy manager in terms of ensuring the achievement of the goals stipulated by the procedures applied in the bankruptcy case to the debtor.

The purpose of this work is to draw attention to the contradictory status of the insolvency administrator as a central figure in the bankruptcy case.

On the basis of the study, the author considered the legal regulation of the activities of the insolvency administrator in the context of the rights and obligations vested in him by the bankruptcy legislation, the vulnerability of the position when interacting with persons participating in the bankruptcy case, as well as law enforcement disputes regarding the stated topic.

Keywords: bankruptcy administrator, bankruptcy proceedings, creditors, challenging the debtor's transactions, rights and obligations.

Статьей 20.3 Федерального закона 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) регламентированы права и обязанности арбитражного управляющего в деле о банкротстве относительно заявленной тематики актуальным является образующийся впоследствии статус управляющего.

Исходя из смысла указанной статьи, арбитражный управляющий обязан совершать действия добросовестно, независимо и разумно в интересах лиц, участвующих в деле, и общества.

В результате наделения соответствующей самостоятельности арбитражному управляющему

представляется вся суть дела о банкротстве, в связи с чем уже на ранней стадии имеется понимание и оценка рисков совершения действий (бездействия) в контексте тех или иных возможностей. Таковыми являются принятие мер по пополнению конкурсной массы должника, например, посредством оспаривания сделок должника.

С целью избежать риски взыскания вследствие мер принудительного взыскания и, учитывая обстоятельства дела, должник-налогоплательщик имеет возможность принять меры по сокрытию, отчуждению, уничтожению денежных средств, имущества и пр. до возбуждения производства по делу о банкротстве, а также в период проведения процедур банкротства.

В свою очередь, законодатель поддержал восстановление нарушенных прав кредиторов, включив в Закон о банкротстве Главу III.1 «Оспаривание сделок должника».

Таким образом, критическим и основополагающим в данном случае для лиц, участвующих в деле, является длительность цикла от «совершения шагов» налогоплательщиком по уходу от ответственности до момента принятия арбитражным управляющим мер по обжалованию сделок, также возможен интервал фактического окончания мероприятий службы судебных приставов, в среднем – до одного года – полутора лет.

Несмотря на потенциальное право лица, чьи права нарушены в результате вышеперечисленных действий, обжаловать сделки в рамках действующего гражданского законодательства, тема необходимости принятия арбитражным управляющим допустимых законодателем мер по пополнению конкурсной массы для не столкновения сторон в рамках арбитражного дела по рассмотрению разногласий относительно неправомерности бездействия и затягивания процедуры банкротства насущна.

Процесс обжалования сделок по выводу активов возлагают на участвующих в деле лиц риск увеличения длительности процедуры банкротства. Более того, с учетом концепции благонадежного приобретателя имеется риск утраты возможности взыскания за счет выведенного имущества в принципе.

В частности, действующим законодательством предусмотрено право арбитражного управляющего подать заявление об оспаривании сделки должника по своей инициативе с учетом особенностей срока давности в рамках банкротства.

Также законодательством арбитражному управляющему предоставляется право обращения в компетентные органы о наличии сомнений относительно законности деятельности должника и иных лиц в соответствии с положениями Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) и Уголовного кодекса Российской Федерации.

Так, особого внимания заслуживает Определение Верховного суда Российской Федерации от 16.11.2020 по делу № А05–11092/2019 [1].

В профессиональной среде данный случай назван практикообразующим спором в связи со следующим.

Орган по контролю (надзору) в сфере саморегулируемых организаций обратился в арбитражный суд в рамках административного судопроизводства ввиду выявленного в деле о банкротстве гражданина нарушения – бездействие арбитражного управляющего, выразившееся в не обращении в арбитражный суд с оспариванием сделок должника.

«Классическая по иерархии тройка судов» за исключением кассационной инстанции установила нарушение, высший суд поддержал первые два уровня судов.

В свою очередь, Федеральная налоговая служба России (далее – ФНС) воспользовалась своим правом на обращение в суд, а в контексте внутреннего тематического регламента фактически исполнила обязанность, что привело к положительному результату – признанию сделок недействительными.

Нельзя не отметить, что выплата вознаграждения предусматривается только в адрес арбитражного управляющего, ФНС, в свою очередь, за исключением неисполненных обязательств должника-налогоплательщика перед бюджетом на тот момент не имела в действительности ничего.

Факт погашения задолженности перед уполномоченным органом в данном случае не име-

ет определяющего значения, так как бездействие арбитражного управляющего процесс действительно необратимый и затягивающий ход дела.

Кроме того, признание арбитражным судом действий (бездействия) арбитражного управляющего неправомерными является основанием для привлечения к административной ответственности в порядке ст. 14.13 КоАП РФ, в некоторых случаях – к уголовной.

Законом о банкротстве установлена презумпция компетентности арбитражного управляющего, в том числе в области знаний юриспруденции. В то же время не стоит забывать о полномочиях суда как арбитра в деле.

В связи с изложенным, возникает вопрос, скорее, риторический: следовало ли в рассматриваемом случае арбитражному управляющему направить столь необходимые ходатайства в порядке отдельной главы Закона о банкротстве?

Доверяя суду высшей инстанции и исследованным материалам дела, ответ с большей вероятностью положительный.

Более того, невозможно игнорировать тот факт, что арбитражный управляющий в порядке действующего законодательства не имел препятствий обратиться к кредиторам с соответствующими обращениями, инициировать собрание кредиторов и предложить вопросы на повестку дня собрания кредиторов с целью устранения сомнений.

Вышеперечисленные действия (бездействие) арбитражного управляющего нарушили права кредиторов, среди которых ФНС, несомненно, являющаяся крупнейшим кредитором и априори независимым лицом во всех арбитражных делах.

Тем не менее, наличие данного государственного органа в качестве стороны в деле не гарантирует следования букве закона иными лицами.

В дополнение, недопустимо игнорировать право лиц обратиться в арбитражный суд с жалобой на действия (бездействие) арбитражного управляющего, одновременно с чем порождаются сомнения относительно следующего: не является ли указанный способ единственным рычагом

воздействия, призывом к добросовестности и разумности; не станет ли соответствующее обращение в некотором роде массовым; не доказывает ли изложенное о формальном соблюдении арбитражным управляющим своих обязанностей; имеется ли заинтересованность арбитражного управляющего в чем-либо.

АО «Интерфакс» [2] опубликованы сведения в том числе об итогах процедур банкротства по состоянию за 2021 год. Доля удовлетворенных заявлений о признании сделок должника недействительными, поданных в арбитражный суд, составляет 6411 к 14 143 рассмотренным заявлениям. Количество удовлетворенных жалоб на действия (бездействие) арбитражных управляющих – 1174 к 6528 рассмотренным арбитражным судом жалобам.

Таким образом, нельзя не отметить важность обращения с заявлениями об оспаривании сделок, имеющими достаточно высокую результативность удовлетворения, а в порядке выявленных нарушений в действиях арбитражных управляющих – крайне низкий уровень результативности удовлетворения направленных жалоб.

В свою очередь, подобного рода затягивания процедур банкротства и незащищенность финансового положения как кредитора в том числе спровоцировали проявление ФНС законодательной инициативы о внесении в ст. 101 Налогового кодекса Российской Федерации дополнений в части наделения залоговым статусом задолженности перед бюджетом в рамках проведения выездной налоговой проверки.

На текущий момент в большей части единственным действенным ограничителем деятельности являются моральные качества арбитражного управляющего, образующие его степень добросовестности и разумности, а также уровень компетентности.

Таким образом, невозможно не отметить нарастающую проблематику определения границ независимости арбитражного управляющего, так как базирование кредиторов на этических категориях недопустимо, рискованно и неподконтрольно.

В связи с чем, приоритетным становится вопрос о необходимости компромисса прав арбитражного управляющего и ответственности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Определение Верховного суда Российской Федерации от 16.11.2020 № 307-ЭС20–11632. [Электронный документ]. – URL: <https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/pdf> (дата обращения 22.01.2022 г.).
2. Результаты процедур в делах о банкротстве за 2021 год. «Федресурс». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fedresurs.ru>. (дата обращения 22.01.2022 г.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

БЕЛОУСОВА Виктория Романовна – ассистент кафедры финансового права СПбГЭУ, старший государственный налоговый инспектор отдела обеспечения процедур банкротства Управления ФНС России по Санкт-Петербургу. Контакты: 7-я Красноармейская ул. д. 6/8, г. Санкт-Петербург, Россия, 190005, E-mail: v89213914832@mail.ru. Тел.: 88124589719.

AUTHOR

BELOUSOVA Viktoria R. – Assistant of the Financial Law Department of St. Petersburg State University of Economics Senior State Tax Inspector of the Bankruptcy Procedures Support Department Department of the Federal Tax Service of Russia in St. Petersburg. Contacts: 7-I Krasnoarmeyskaya str., 6/8. St. Petersburg, Russia, 190005.

Дата поступления статьи в редакцию: декабрь 2021 г.

УДК 343.535

Алексей Константинович Субачев
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Российская Федерация

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО И ЕГО ПОДКУП: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О КРИМИНАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Далеко не все функции, выполняемые арбитражными управляющими в тех или иных процедурах несостоятельности (банкротства), можно отнести к организационно-распорядительным или административно-хозяйственным, что, однако, не мешает правоприменителю время от времени признавать их управленческими при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности на основании ст. ст. 201, 204 УК РФ. В настоящей статье анализируются соответствующие правоприменительные акты, выявляются причины квалификационных ошибок, а также формулируются предложения общего характера, призванные привести уголовный закон в соответствие с практикой его применения.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), арбитражный управляющий, временный управляющий, административный управляющий, финансовый управляющий, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп.

Aleksey K. Subachev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

MISAPPLICATION OF POWERS OF AN ARBITRATION MANAGER AND HIS BRIBERY: STATEMENT OF A QUESTION OF CRIMINALIZATION

Abstract. Not all functions performed by arbitration managers in certain insolvency (bankruptcy) procedures can be attributed to organizational, regulatory, administrative or economic ones, which, however, does not prevent the law enforcer from time to time from recognizing them as managerial when resolving the issue of criminal liability based on articles 201, 204 of the Criminal Code of the Russian Federation. This article analyzes the relevant law enforcement acts, identifies the causes of qualification mistakes and formulates general propositions designed to bring the criminal law in line with the practice of its application.

Keywords: insolvency (bankruptcy), arbitration managers, administrative manager, interim manager, financial manager, misapplication of powers, commercial bribery.

Выступая профессиональными участниками антикризисных отношений, арбитражные управляющие наделены рядом присущих только им полномочий, способствующих максимально эффективному проведению процедур несостоятельности. И иногда соответствующие полномочия реализуются не в интересах должника, кредиторов и общества, что ставит вопрос о возможности привлечения антикризисных менеджеров либо за злоупотребление предоставленными им полномочиями, либо за коммерческий подкуп. При этом корректность постановки озвученного вопроса

во многом зависит от процедуры, применяемой в деле о банкротстве, ведь арбитражный управляющий выступает в роли исполнительного органа должника лишь в некоторых из процедур несостоятельности. В свою очередь и без внимания явные отклонения от принципов деятельности управляющего оставить трудно. Изложенное и определяет актуальность настоящей статьи, в рамках которой планируется на основе материалов судебной практики решение задач соотношения полномочий арбитражного управляющего и лица, выполняющего управленческие функции

в коммерческой или иной организации, формулирования предложений по устранению пробельности уголовного закона.

Субъектами преступлений, предусмотренных ст. ст. 201, 204, 204² УК РФ, выступают лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, то есть функции единоличного исполнительного органа либо члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, или лица, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях (примечание 1 к ст. 201 УК РФ). Руководствуясь принципом единообразия используемой в уголовном законе терминологии, обратимся к разъяснениям содержания озвученных полномочий, сформулированным высшей судебной инстанцией страны применительно к должностным преступлениям. Так, организационно-распорядительными функциями следует считать полномочия лица, связанные с руководством трудовым коллективом, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией трудового распорядка, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т. п. Рассматриваемые функции включают в себя полномочия по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия.

Со своей стороны как административно-хозяйственные функции надлежит рассматривать полномочия лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организации и ее подразделений, а также по совершению иных однородных действий (пп. 4, 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [4] (далее по тексту – Постановление Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19)).

Учитывая, что арбитражные управляющие утверждаются судебными актами арбитражных судов (п. 1 ст. 65, п. 1 ст. 83, п. 1 ст. 96, п. 1 ст. 127, п. 2 ст. 213.9 Федерального закона от 26 октября

2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [5] (далее по тексту – Закон о банкротстве)), свои функции они осуществляют по специальному полномочию (абз. 1 п. 6 Постановления Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19 [4]). Однако каждый ли из известных видов арбитражных управляющих наделяется организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями? Применительно к финансовому управляющему ответ на поставленный вопрос трудностей не вызывает: назначаемый для проведения процедур несостоятельности физических лиц (абз. 29 ст. 2 Закона о банкротстве [5]), соответствующих полномочий он иметь не может. Столь очевидный тезис, тем не менее, был опровергнут приговором Свердловского районного суда г. Белгорода от 24.05.2018 по делу № 1-113/2018, которым экс-финансовый управляющий осужден за коммерческий подкуп. В качестве организационно-распорядительных функций финансового управляющего в судебном акте приведены: созыв собрания кредиторов, обращение в арбитражный суд с заявлениями и ходатайствами, получение вознаграждения, запрос сведений о должнике и принадлежащем ему имуществе. Кроме того, описательно-мотивировочная часть приговора содержит сведения и о других полномочиях финансового управляющего, которыми последний наделен в процедуре реализации имущества гражданина (защита имущества, анализ финансового состояния должника, ведение реестра требований кредиторов и т. д.). Далее в приговоре обращено внимание на то, что финансовый управляющий «... обладал организационно-распорядительными функциями в отношении имущества должника...». Сам же «подкуп» был получен за бездействие, выразившееся в необжаловании решения антимонопольного органа, признавшего жалобу на результаты проведенных финансовым управляющим торгов обоснованной. Это в свою очередь должно было обеспечить заключение договора купли-продажи реализуемого имущества с лицом, подкупившим управляющего.

Несколько сложнее обстоят дела с уголовно-правовой оценкой деяний арбитражных управляющих, совершенных в процедурах наблюдения и финансового оздоровления, в ходе проведения которых управляющий, в отличие от внешнего

управления и конкурсного производства (абз. 2 п. 1 ст. 94, абз. 1 п. 2 ст. 126 Закона о банкротстве [5]), не наделяется полномочиями по руководству деятельностью должника. Функции таких лиц в названных процедурах носят либо характер процессуальных (заявление возражений относительно требований кредиторов, предъявление заявлений о признании сделок должника недействительными и др.), либо контрольных (контроль за своевременным исполнением текущих требований, требований кредиторов, участие в инвентаризации имущества, согласование сделок и др.), либо процедурных в широком смысле этого слова (созыв и проведение собрания кредиторов, ведение реестра требований кредиторов и др.). Практике, конечно, известны случаи злоупотреблений полномочиями (в том числе должностными), отдельными этапами совершения которых как раз-таки и выступали процессуальные действия: признание иска (см. например: Приговор Фрунзенского районного суда города Саратова от 29.06.2016 по делу № 1–2/2016 (1–146/2015);, ч. 2 ст. 201 УК РФ; апелляционный приговор Верховного суда Республики Марий Эл от 06.08.2021 по делу № 22–600/2021, ч. 1 ст. 285 УК РФ) или отказ от него (см. например: Приговор Соликамского городского суда Пермского края от 12.04.2021 по делу № 1–29/2021 (1–526/2020), ч. 1 ст. 285 УК РФ; Приговор Михайловского районного суда Волгоградской области от 15.02.2021 по делу № 1–12/2021, ч. 2 ст. 285 УК РФ). В то же время нельзя не отметить, что свои процессуальные полномочия временный и административный управляющие реализуют от своего имени (см. например: абз. 2 п. 1 ст. 66, абз. 7 п. 4 ст. 83 Закона о банкротстве [5]), в то время как управленцы действуют от имени возглавляемой ими организации. Равно и в специальной литературе отмечено, что организационно-распорядительные функции состоят в «...представлении юридического лица в правовых отношениях с ... органами государственной власти...» [1, с. 12, 183]. Помимо того, что в процедурах наблюдения и финансового оздоровления управляющие не только не наделяются управленческими полномочиями, не выступают они и в качестве служащих (работников) должников, а ведь именно общественные отношения по обеспечению интересов службы в коммерческих и иных организациях и выступа-

ют непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. ст. 201, 204 УК РФ. Несмотря на то, что временный и административный управляющие действуют по специальному полномочию, каких-либо правоотношений, кроме как конкурсных, между ними и должниками не складывается, что также выступает препятствием для квалификации содеянного ими как злоупотребления полномочиями или коммерческого подкупа.

Тем не менее, в среде ученых-криминалистов существует и прямо противоположная точка зрения: рассматриваемые виды арбитражных управляющих выполняют административно-хозяйственные и контрольные функции, в связи с чем могут быть признаны, в частности, субъектами коммерческому подкупу, ведь по их инициативе сделки должника могут быть признаны «...ничтожными или недействительными», а временный управляющий «...осуществляет контроль за финансовой деятельностью организации и ее имуществом» [3, с. 128]. Представляется, что право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными оспоримых сделок либо применении последствий недействительности ничтожных сделок едва ли обосновывает приведенную позицию, ведь юридически значимые последствия подобного рода действий наступают в результате вынесения определения судом, который оценивает обоснованность заявленных требований. Равно и контроль за финансовой деятельностью носит опосредованный правосудием характер: у управляющего есть лишь процессуальные полномочия по обращению в суд с заявлениями и ходатайствами, прямо или косвенно направленными на обеспечение сохранности имущества должника. Подобного рода полномочия затруднительно относить к категории управленческих, а ведь именно управленцы выступают субъектом рассматриваемых преступлений. Кроме того, временные и административные управляющие не имеют отношения и к исполнительным органам должника, как того требует примечание 1 к ст. 201 УК РФ.

Несмотря на приведенные нами доводы, в судебной практике встречаются дела, по которым арбитражных управляющих, проводящих процедуру наблюдения, признают лицами, выполняющим управленческие функции в коммерческой

или иной организации. В одном из таких дел временный управляющий должником принял предмет «коммерческого подкупа» за подготовку и подачу в арбитражный суд, рассматривавший дело о банкротстве должника, заявления об исключении требования кредитора из реестра требований кредиторов должника, и подачу в последующем заявления о прекращении производства по делу о банкротстве (см. приговор Свердловского районного суда г. Перми от 11.10.2012 по делу № 1-676/2012). В рамках другого дела установлен факт получения временным управляющим денежных средств за подготовку заключения о наличии (отсутствии) оснований для оспаривания сделок, в которое не будет включена информация о наличии признаков оспоримости у одной из сделок, совершенной должником (см. приговор Симонковского районного суда г. Москвы от 08.04.2019 по делу № 01-0010/2019 (01-0324/2018)). Отвергнув довод защиты о том, что временный управляющий не выполняет управленческие функции в коммерческих и иных организациях, суд первой инстанции в качестве организационно-распорядительных и административно-хозяйственных выделил полномочия по проведению анализа финансового состояния должника, выявлению признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, оспоримых сделок, истребованию необходимой для этого документации у руководителя должника, оспариванию сделок должника. Соглашаясь с тем, что в процедуре наблюдения руководитель должника не утрачивает своих полномочий, рассматривавший дело суд, тем не менее, посчитал, что необходимость уведомления временного управляющего о некоторых совершаемых должником сделках или получения согласия на их совершение говорит о том, что управляющий все же наделен управленческими функциями. Интересно при этом, что названное ограничение по совершению должником сделок едва ли как-то связано с бездействием, которое управляющий должен был совершить за вознаграждение.

Встречаются в практике и случаи осуждения за коммерческий подкуп временных управляющих, получивших вознаграждение за исполнение требования кредитора о проведении собрания кредиторов, «согласие» с кандидатурой конкурсного управляющего и отказ от участия в процедуре конкурсного производства (см., например,

приговор Центрального районного суда г. Барнаула от 08.09.2017 по делу № 1-170/2017).

Помимо прочего, нами был обнаружен пример осуждения временного управляющего за злоупотребление полномочиями, выразившееся в неисполнении обязанности по выявлению оспоримых сделок и принятии мер по восстановлению платежеспособности должника и продолжения его текущей деятельности. Кроме этого, управляющему вменено в вину бездействие, связанное с попустительством растрате имущества должника, совершенной его руководителем, в том числе в нереализации полномочия по обращению в арбитражный суд с ходатайством о запрете совершать должнику сделки, запрет на совершение которых не возникает по умолчанию в связи с введением процедуры наблюдения, нереализации полномочия по обращению в арбитражный суд с заявлением об отстранении руководителя от занимаемой должности, неисполнении обязанности по обращению с заявлениями о соответствующих преступлениях в правоохранительные органы (см. приговор Савеловского районного суда г. Москвы от 17.08.2020 по делу № 1-20/2020. Примечание: публикация судебного акта Московского городского суда, рассмотревшего апелляционную жалобу на приговор, запрещена на основании п. 5 ст. 15 Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»). В приведенном примере растрата на предприятии имела большой общественный резонанс (поскольку совершена при банкротстве АО «Авиационная компания «Трансаэро» на сумму, превышающую 1 млрд рублей [2]), что могло определенным образом сказаться на законности вынесенного судебного акта. Тем не менее мы полагаем возможным заявить, что в практике, хоть и слабо, но прослеживается тенденция признания арбитражного управляющего лицом, выполняющим организационно-распорядительные и (или) административно-хозяйственные функции, безотносительно содержания его полномочий, которыми он наделен в той или иной процедуре несостоятельности. И несмотря на то, что приведенные ошибки правоприменителей по большому счету носят характер единичных, нам представляется, что совершены они не случайно. Следственные и судебные органы видят общественную опасность «злоупотребления полно-

мочиями» и «коммерческого подкупа», совершаемых временными, административными и финансовыми управляющими. И хотя уголовная противоправность их действий (бездействия) в рассмотренных нами случаях отсутствует, не стоит ли прислушаться к практическим работникам и предусмотреть уголовную ответственность за подкуп арбитражных управляющих, а также за злоупотребление ими полномочиями? Да, в процедурах наблюдения и финансового оздоровления (а тем более – реструктуризации долгов гражданина и реализации имущества гражданина) арбитражные управляющие не выполняют управленческие функции в коммерческих или иных организациях, однако, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, названные лица наделены особым публично-правовым статусом, позволяющим относить их к категории должностных по смыслу КоАП РФ (Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 № 1552-О). При этом в отличие от управленцев, обязанных отстаивать законные интересы возглавляемых ими организаций, арбитражные управляющие призваны обеспечивать баланс интересов сразу трех сторон: должника, кредиторов и общества (п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве [5], принципы деятельности арбитражного управляющего). Более того, процедура несостоятельности – это не только состояние «войны» гражданско-правового сообщества кредиторов с руководителем должника и бенефициарами бизнеса, но и состояние конкуренции кредиторов между собой за распределение конкурсной массы. Как следствие, степень общественной опасности злоупотреблений со стороны арбитражных управляющих вряд ли можно охарактеризовать как меньшую, нежели совершаемых лицами, выполняющими управленческие функции.

Кроме того, ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ предусмотрен состав административного правонарушения, объективная сторона которого заключается в неисполнении обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности, и который сконструирован как формальный. Имея это в виду, а также имея в виду существование норм об уголовной ответственности управленцев, представляется логичным и формулирование норм об уголовной ответственности за злоупотребление арбитражными управляющими своими полномочиями и, как следствие, за их подкуп, если он

связан с осуществлением ими своих специальных (конкурсных, банкротных) полномочий. Состав злоупотребления арбитражными управляющими полномочиями следует сконструировать как материальный и в качестве общественно опасных последствий предусмотреть причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства. Для признания в деянии признаков состава преступления полномочия должны использоваться вопреки интересам должника, кредиторов и общества (принципы деятельности арбитражного управляющего, п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве [5]) и с целью извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам. Однако в отличие от преступлений, предусмотренных ст. ст. 201, 204 УК РФ, предлагаемые нормы следует разместить в главе 22 уголовного закона под номерами 195¹, 195², что объясняется принципиально другим групповым объектом преступного посягательства, в качестве которого выступают общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок проведения процедур несостоятельности, а также соблюдение прав кредиторов должника, его работников (бывших работников) и государства.

На основании изложенного, мы можем сделать следующие выводы:

- временный, административный и финансовый управляющие не могут быть признаны лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации;
- судебной практике, тем не менее, известны примеры осуждения временного и финансового управляющих за совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 201, 204 УК РФ;
- целесообразна постановка вопроса о дополнении уголовного закона специальными нормами об уголовной ответственности арбитражных управляющих за злоупотребление ими своими полномочиями и за их подкуп. При этом во избежание конкуренции уголовно-правовых норм, предполагаемыми составами должно охватываться злоупотребление полномочиями, которые не входят в круг функций управленца. Соответствующие нормы должны быть также применимы к внешнему и конкурсному управляющим.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Крылова А.А. Злоупотребление полномочия в коммерческих и иных организациях: проблемы уголовно-правовой квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 266 с.
2. Машкин С. Хищения в «Трансаэро» разобрали по всем статьям. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4372628>.
3. Миронова Г.М. Уголовная ответственность за мелкий коммерческий подкуп (ст. 204² УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2019. 208 с.
4. Постановление Пленума ВС РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень ВС РФ. 2009. № 12.
5. Ф3 от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

СУБАЧЕВ Алексей Константинович – кандидат юридических наук доцент кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета. Контакты: п. Аякс, д. 10, о. Русский, г. Владивосток, Россия, 690922. E-mail: subachev.ako@dvfu.ru. Тел. +7 (984) 142–93–32.

AUTHOR

SUBACHEV Aleksey K. – Associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Far Eastern Federal University, PhD in Law. Contacts: Ajax village, 10, Russian Island, Vladivostok, Primorsky Krai, 690922.

Дата поступления статьи в редакцию: декабрь 2021 г.

Раздел 3. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 343.851.3

*Надежда Александровна Крайнова*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*Наталья Валерьевна Радошинова*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ СУДЬБЫ Н.С. ГУМИЛЕВА И «ДЕЛА ТАГАНЦЕВА»

Аннотация. Ретроспективные исследования применения инструментов уголовной политики представляют несомненный научный интерес в связи с возможностью извлечения опыта, который может быть использован при выстраивании современных уголовно-политических конструктов. Российское уголовное законодательство, правоприменительная практика, политика противодействия преступности за период своего становления и развития прошли серьезный путь ошибок и удач, что позволяет, оценивая его, формировать действенные уголовно-политические решения, способствующие выработке оптимальных мер предупреждения преступлений.

В 2021 году Россия отмечала несколько круглых дат, имеющих в том числе и уголовно-правовое значение: это 135-летие со дня рождения великого русского поэта Н.С. Гумилева, 100-летие со времени Кронштадтского восстания и «Заговора Таганцева». Краткому исследованию причин возникновения Кронштадтского восстания и «Дела Таганцева», а также судьбам жертв этого дела, в частности, Н.С. Гумилева, посвящено настоящее исследование.

В работе анализируются причины восстания в Кронштадте, принятые государством в отношении участвовавших в нем лиц меры, являвшиеся примером реализации уголовной политики того времени. Вехи судьбы поэта Н.С. Гумилева выбраны в качестве объекта исследования в том числе и потому, что приметой того времени стало переплетение судеб известных творческих личностей, представителей интеллигенции, которые не смогли найти своего места в новой жизни или активно продвигали свое видение, с судьбами строителей новой государственности, применение мер уголовного воздействия в качестве инструмента политических решений, отказ от применения уголовного наказания и его замена на меры социальной защиты, что существенно меняло цели уголовного воздействия.

Ключевые слова: уголовная политика, «красный террор», интеллигенция, арест, мера социальной защиты, контрреволюция.

Nadezjda A. Krainova

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

Nadezjda A. Krainova

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

HISTORICAL ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE CRIMINAL POLICY ON THE EXAMPLE OF N.S. GUMILEV AND «THE CASES OF TAGANTSEV»

Abstract. Retrospective studies of the use of criminal policy instruments are of undoubted scientific interest due to the possibility of gaining experience that can be used in building modern criminal policy constructs. Russian criminal legislation, law enforcement practice, crime

counteraction policy during the period of its formation and development have gone through a serious path of mistakes and successes, which allows, evaluating it, to form effective criminal policy decisions that contribute to the development of optimal measures to prevent crimes.

In 2021, Russia celebrated several round dates, including those of criminal law significance: this is the 135th anniversary of the birth of the great Russian poet N.S. Gumilyov, 100th anniversary of the Kronstadt uprising and the Tagantsev Conspiracy. A brief study of the causes of the Kronstadt uprising and the “Tagantsev Case”, as well as the fate of the victims of this case, in particular, N.S. Gumilyov, the present study is devoted to.

The paper analyzes the causes of the uprising in Kronstadt, the measures taken by the state in relation to the persons participating in it, which were the tools of the criminal policy of that time. Milestones in the fate of the poet N.S. Gumilyov were chosen as an object of study, among other things, because the sign of that time was the interweaving of the fates of famous creative personalities, representatives of the intelligentsia who could not find their place in the new life or actively promoted their vision, with the fates of the “builders of the new statehood”, the application measures of criminal influence as an instrument of political decisions, the rejection of the application of criminal punishment and its replacement with measures of social protection, which significantly changed the goals of criminal influence.

Keywords: criminal policy, “red terror”, intelligentsia, arrest, measure of social protection, counter-revolution.

В 2021 году Россия отмечала несколько значимых дат, в число которых входили: 135-летие со дня рождения великого русского поэта Н.С. Гумилева, 100-летие Кронштадтского восстания и дела Таганцева, по которому был расстрелян и Н.С. Гумилев. Указанные события побудили авторов настоящей публикации обратиться к анализу тех исторических событий и попытаться исследовать, в той мере, в какой это возможно в рамках научной статьи, причины Кронштадтского восстания, изучить историю

Таганцевского заговора и судьбы людей, расстрелянных за участие в нем, в частности, судьбу расстрелянного поэта Н.С. Гумилева.

Интерес к персоне именно Н.С. Гумилева вызван, прежде всего тем, что после смерти А. Блока многие современники считали Н.С. Гумилева величайшим из живущих русских поэтов того времени [9, с. 140]. Только в 1986 году, через двадцать лет после смерти А.А. Ахматовой и через 65 лет после смерти поэта, в столетие со дня рождения о нем начали писать. Подробности трагической судьбы поэта описаны в литературном творчестве [12, с. 328–329], а первая биография Н.С. Гумилева появилась только в 2016 году, к 130-летию со дня его рождения [4].

Для того чтобы понять причины Кронштадтского восстания и дела Таганцева, вернемся в Петроград 1918 года. Считается, что «красный террор» был введен в ответ на покушение на убийство В.И. Ленина Фанни Каплан 30 августа 1918 года в Москве и убийство 29 августа 1918 года председателя ВЧК Петрограда М.С. Урицкого Л. Канегиссером, кстати, тоже подающим надежды поэтом. По одной из версий причиной, побудившей Л. Канегисера расправиться с шефом ВЧК являлся расстрел штабс-капитана Виленкина [12, с. 320], по другой – гибель Перельцевейга, близкого друга Л. Канегисера [11, с. 52]. В итоге Л. Канегисер был расстрелян. Из чего можно сделать вывод, что уже с 16 июня 1918 года рево-

Фото Н. Гумилева
в старших классах гимназии

люционные трибуналы не ограничивались никакими законами.

Декретом СНК Северной области от 19 августа 1918 года ЧК стало иметь право немедленно расстрелять в том числе «за контрреволюционную агитацию» [2, с. 290].

В связи с началом преследований эсеровской прессы в феврале 1919 г. были арестованы К. Петров-Водкин, Е. Замятин, А. Блок и др. Благодаря заступничеству М. Горького и А. Луначарского они были отпущены.

К концу 1920 г. и до 1923 г. в советской России количество концентрационных лагерей возросло от 84 до 315 [11, с. 532].

Гонения, разруха, безработица и голод вызвали массовый исход населения. Если политические репрессии касались выходцев из дворян и офицерства, то от голода страдали все, кто находился в Петрограде.

Если в первые дни февраля 1917 года в Петрограде были перебои с продуктами, то в первые годы становления советской власти к этому прибавились голод и холод. За это время население города сократилось с 2,5 млн до 720 тыс. [7, с. 45]. В основном жители занимались продажей и обменом личных вещей. Все люди ходили в обносках, не стесняясь своего нелепого вида [7, с. 45]. Хлеб в городе выдавался только по карточкам, а карточки населению выдавались только с учетом классового подхода: самый большой паек – пролетариям, самый маленький – бывшим эксплуататорам. Ну и одной из мер революционной защиты было лишение карточек, понятно, что это означало голодную смерть.

Следует отметить, что в первые годы советской власти частная торговля еще существовала. Ненормированными товарами, т. е. теми, которые продавались без карточек, торговали легально, а нормированными – из-под полы. Если в начале 1918 г. в Петрограде работало более 3000 частных предприятий общепита и более 5000 одних только продуктовых магазинов, то с осени 1918 г. началась их национализация. Сначала власть ограничила норму ввоза еды, а потом был запрещен ввоз еды в город. На платформах пассажиров встречали упомянутые выше отряды, которые их обыскивали и конфисковали еду. «Мешочником» считался всякий, кто привез в Петроград какую-либо еду, в том числе и для своей семьи, любую.

Причем еду могли как просто отобрать, так и расстрелять, это зависело только от настроения бойцов заградотрядов. Например, за попытку отправить из Залучья в Петроград картофель В.Н. Таганцев был под арестом некоторое время [13, с. 648]. Деньги в это период быстро обесценивались, и чаще всего проходил натуральный обмен на продукты [1, с. 22].

Если в декабре 1917 года каждый получал по карточке 200 грамм хлеба, то в апреле 1918 года норма снизилась до 50 граммов. Также из города были высланы священнослужители и более 100 тыс. бывших владельцев недвижимости, поскольку весь жилой фонд был национализирован [3, с. 94].

Парадоксально, но вопреки всему, культурная жизнь в Петрограде не приостанавливалась. Спасая от голода интеллигенцию, М. Горький в 1919 году организовал ДИСК – Дом Искусств, где жили и получали паек писатели, артисты и художники. Размещался ДИСК в бывшем доме Елисеева, на углу Мойки и Невского проспекта. Обитатели ДИСК-а получали паек в КУБУЧе (Комиссия улучшения быта ученых), который находился на Дворцовой набережной, 26 (современный Дом ученых). А. Ахматова в 1918–1922 годах переживала свой первый «клинический голод». В то время к ней зашла Лариса Рейснер и, ужаснувшись её внешнему виду, через несколько дней вернулась, принеся пакет продуктов и мешок с одеждой.

Социально-бытовая неустроенность первых лет существования советского государства вызывала негодование у всех слоев населения, что в числе многих причин послужило катализатором Петроградского восстания, которое начали рабочие в январе 1921 года, вынеся на своей конференции резолюцию о падении Советской власти. Волнения начинаются в крупных городах России. Сначала это было вызвано сокращением хлебного пайка, потом были сформулированы и политические требования.

27 февраля 1921 года командиры линкоров «Петропавловск» и «Севастополь» поддержали петроградских рабочих, а количество вооруженных восставших составляло приблизительно 25 тысяч человек [2, с. 464].

Утром 18 марта 1921 года войска Красной армии вошли в Кронштадт, их количество

составляло около 70 тыс. человек силами 7 армии под командованием М.Н. Тухачевского. Потерпевшие поражение повстанцы около 8 тыс. человек уходили по льду Финского залива в Финляндию, причем уходили организовано и с оружием.

2103 человека были расстреляны, 6,5 тыс. отправлены в северные лагеря, в тот период времени это Холмогорские и Пертоминские лагеря [14, с. 54], они по большей части погибли [2, с. 464]. Самое деятельное участие в расстрелах повстанцев принимал П.Е. Дыбенко [7, с. 79].

Таким образом, Кронштадтское восстание стало высшей точкой кризиса, проявившегося в неспособности молодой советской власти в первое время обеспечить бытовые нужды народа. [5, с. 15]. С этим не могли смириться и сами большевики. Некоторые представители ЧК решили обвинить интеллигенцию в том, что она подстрекала «красу и гордость революции» на восстание, для чего и был, по некоторым сведениям, сфабрикован заговор Таганцева. Именно Я.С. Агранов придумал название «Петроградская боевая организация». Провокатор Корвин-Круковский уговорил В.Н. Таганцева распространить листовки провокационного содержания [11, с. 141–142].

Аресты начались 25 мая. В.Н. Таганцева арестовали в Залучье 31 мая. 2 мая был допрошен и его отец, Н.С. Таганцев, который отказался называть знакомых сына [13, с. 649].

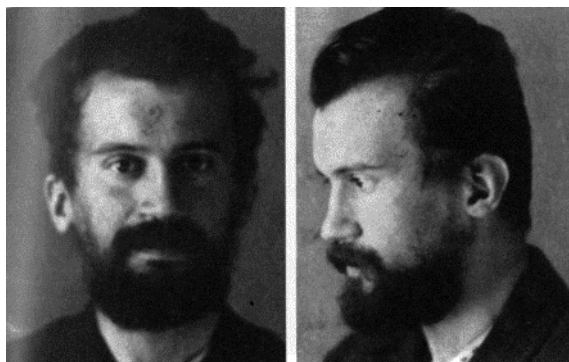
По материалам дела В.Н. Таганцев признал свое участие в борьбе против режима, но отказывался давать подробные показания. 21 июля он отверг предложение Я.С. Агранова назвать

участников организации в ответ на облегчение их участи. 22 июля он пытался повеситься в камере на скрученном полотенце. 22 июля принял предложение Агранова, но был обманут. Гарантии Я.С. Агранова В.Н. Таганцеву подтвердил специально прибывший из Москвы нарком финансов и член президиума ВЧК В.Р. Менжинский [4, с. 615].

В эмигрантской прессе начала 20-х годов писали, что после того, как В.Н. Таганцев написал подробный список адресов участников дела в ночь с 30 на 31 июля начались операции ЧК [4, с. 616].

Как отмечалось некоторыми исследователями, утром 31 июля весь город содрогнулся: передавали, что минувшей ночью невиданное множество крытых грузовиков и фургонов с чекистами разезжало по разным адресам в центре и в домах было схвачено одновременно несколько сотен человек. Один из знакомых Н.С. Гумилева, Ю. Юркун предупредил его, встретив на улице, что ему необходимо бежать, так как он слышал, что Гумилева хотят арестовать. Н.С. Гумилев отказался. Более того, после этой встречи в этот же день он встретился с Б.С. Сильверсманом, Г. Ивановым, Л. Берманом и получил их согласие на вступление под его началом в боевую группу, которая пострадала во время арестов. Ночью 1 июля Н.С. Гумилев был арестован.

В основу обвинения Н.С. Гумилева легли показания В.Н. Таганцева о том, что ему были переданы «для листовок и прочих надобностей печатную ленту (ленту для пишущей машинки) и денег советских двести тысяч» [4, с. 627]. Гумилев со-

Владимир Таганцев. Фото из следственного дела (1921 г.)

Николай Гумилев. Фото из следственного дела (1921 г.)

общил, что печатную ленту он вернул, а двести тысяч рублей взял на хранение. Это расценивалось как непосредственное участие в распределении помощи Антанты белогвардейским заговорщикам.

Какую покупную стоимость имели денежные средства в тот период времени? Приведем пример из петроградского дневника Н.С. Таганцева за 1920–1921 годы: «Днем была у меня Гаврилова ... купила на Андреевском рынке носки, заплатила 15 000 (вместо 60 копеек)». Становится ясным, что 200 тыс. рублей, которые инкриминировались Н.С. Гумилеву – сумма просто ничтожная.

Тем не менее, судьба поэта была предreshена, несмотря на попытки помощи со стороны А.М. Горького, М.Ф. Андреевой и А.В. Луначарского, и их обращение к В.И. Ленину на которое был получен отказ [4, с. 630].

1 сентября 1921 года «Петроградская правда» опубликовала первый «расстрельный» список по делу Таганцева. Первым в нем значился В.Н. Таганцев, седьмой – его жена, Надежда Феликсовна, далее другие деятели искусств, рабочие и служащие.

Под № 33 в списке: «Гумилев Николай Степанович, 35 лет, ... участник Петроградской боевой контрреволюционной организации, активно содействовал составлению прокламаций контрреволюционного содержания, ... получил от организации деньги на технические надобности» [4, с. 633].

Так за что же заплатились участники заговора? Доподлинно это осталось неизвестным. В рассекреченных томах дела перечислены такие факты: глава заговора В.Н. Таганцев к началу 1921 года создал организацию, которая якобы в ночь на 1 мая подожгла трибуны на Дворцовой площади, а 15 мая был поврежден взрывом (хотя до настоящего времени не известно, кто это совершил) памятник Володарскому.

Всего по делу арестованы 833 человека, из них 96 расстреляны, оставшиеся были приговорены к лишению свободы и высылке, а позже те, кто уцелел, были репрессированы в 30-е гг. [13, с. 650].

В настоящее время во многих литературных источниках можно прочитать об удивительном мужестве Н.С. Гумилева перед расстрелом, который проходил на краю Ржевского полигона около

Бернгардовки, например, «Гумилев ... не торопясь, стал в общий строй у ямы и громко произнес: «Здесь нет поэта Гумилева, здесь есть офицер Гумилев!» [4, с. 633]. В Казанском соборе через день после сообщения о расстреле отслужили службу по расстрелянным [3, с. 116].

После трагических событий дела Таганцева остался портрет Гумилева кисти Надежды Шведе, который некоторое время хранился у Иды Наппельбаум. Спустя четверть века за хранение этого портрета особое совещание КГБ СССР приговорило ее к десяти годам лишения свободы с отбыванием в исправительном учреждении строгого режима [16, с. 152].

В 1992 г. все арестованные и осужденные по делу Таганцева были реабилитированы. Такова судьба участников дела Таганцева.

Проведенное исследование демонстрирует активное использование государством мер уголовного воздействия в качестве инструмента для решения в том числе политических проблем. В первые годы существования советской власти, испытывавшей существенные проблемы в организации социально-бытового устройства населения, государственная власть применяла самые жесткие меры реагирования к недовольным, контрреволюционерам, в числе которых высылка и смертная казнь. Жертвами мер уголовной репрессии становились как реальные преступные элементы, так и просто инакомыслящие граждане, зачастую не преследующие каких-то определенных политических целей, а неосмотрительно высказавшихся или оказавшихся не в том месте и не в то время. Следует отметить, что нередко степень репрессивности применяемых мер воздействия была чрезмерной.

Меры уголовной репрессии являются чрезвычайными, максимально жесткими, и должны быть использованы очень аккуратно. Уголовная политика должна быть определенной, четко выстроенной и понятной для всех участников процесса [15, с. 40–41]. Игнорирование этого требования приводит к необдуманному и неоправданному уничтожению общества и государства самими собой изнутри. Уроки истории должны быть извлечены и способствовать выстраиванию оптимальной современной уголовной политики, избегающей чрезмерной жесткости и деспотизма.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева. М.: АСТ, 2013. 797 с.
2. Веллер М., Буровский А. Гражданская история безумной войны. М.: АСТ МОСКВА, 2006. 640с.
3. Вербловская И.С. Горькой любовью любимый. Петербург Анны Ахматовой. СПб.: Электрика, 2014. 308 с.
4. Зобнин Ю.В. Николай Гумилев. Слово и дело (Памяти Николая Гумилева. 130 лет великому Поэту). М.: Изд-во «Э»; Яуза, 2016. 640 с.
5. Конквест Р. Большой террор. М.: Ракстниекс, 1991. 414 с.
6. Мельгунов С.П. Красный террор в России (1918–1923). Чекистский Олимп. 2-е изд., дополненное. М.: Айрис-пресс, 2008. – 400 с.
7. Мухин А. Блокада Петрограда (как жили люди в бывшей столице империи во время военного коммунизма) // Ваш тайный советник. 2018. № 2 (февраль). С. 44–46.
8. Недошивин В.М. Прогулки по Серебряному веку: Санкт-Петербург. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2010. 507 с.
9. Рейнсфилд Д. Сталин и его подручные. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2017. 576 с.
10. Рыжаков А.С. Криминальный талант. По ком из писателей тюрьма плакала. М.: Эксмо, 2006. 352 с.
11. Пайпс Р. Русская революция. М.: РОССПЭН, 1994. 583 с.
12. Солженицын А.И. Архипелаг-Гулаг. М.: Советский писатель; Новый мир, 1989. Т. 1. 588 с.
13. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. Вместо послесловия. О Н.С. Таганцеве и его дневнике. В 2т. Т. 2. Тула: Автограф, 2001. 686 с.
14. Эпплбаум Э. ГУЛАГ. М.: АСТ; CORPUS, 2015. 688 с.
15. Крайнова Н.А., Романова Л.А. Некоторые современные тенденции уголовной политики России в сфере противодействия преступности // Ученые записки юридического факультета. 2021. № 3. С. 39–43.
16. Реуф В.М. Правовая политика российского государства по применению мер исправления осужденных в начале XX века // Ученые записки юридического факультета. 2015. № 38 (48). С. 151–156.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

КРАЙНОВА Надежда Александровна – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Контакты: ул. 7-я Красноармейская, д. 6/8, Санкт-Петербург, Россия, 190005 E-mail: kna1976@rambler.ru. Т. 8 (911) 113-66-55.

РАДОШНОВА Наталия Валерьевна – кандидат юридических наук доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Контакты: ул. 7-я Красноармейская, д. 6/8, Санкт-Петербург, Россия, 190005 E-mail: radoshnova@bk.ru. Т. 8 (921) 945-89-73.

AUTHORS

KRAINOVA Nadezjda A. – Decan of the law faculty of the St.-Petersburg State University of Economy, Candidate of jurisprudence, senior lecturer. Contacts: Street 7-I Krasnoarmeyskaya, St.-Petersburg, Russia, 190005.

RADOSHNOVA Natalia V. – Senior Lecturer of the criminal law and criminal procedure of the St.-Petersburg State University of Economy, Candidate of jurisprudence, Contacts: Street 7-I Krasnoarmeyskaya, St.-Petersburg, Russia, 190005.

Дата поступления статьи в редакцию: декабрь 2021 г.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Учёные записки юридического факультета» Санкт-Петербургского государственного экономического университета приглашает к сотрудничеству авторов научных работ – правоведов, юристов практиков, сотрудников органов государственной власти и местного самоуправления.

Присланные авторами статьи проходят обязательное рецензирование. Материалы аспирантов принимаются при наличии рекомендации научного руководителя.

Для публикации необходимо представить ответственному секретарю редакционной коллегии на электронном носителе. Правила оформления статьи размещены на официальном сайте СПбГЭУ [https:// unecon.ru/izdaniya](https://unecon.ru/izdaniya) в разделе «Журнал «Ученые записки юридического факультета»».

Редакция оставляет за собой право не рассматривать рукописи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями.

Контактная информация:

Почтовый адрес: 190005, г. Санкт-Петербург,
7-я Красноармейская ул., д. 6/8 Телефон: 8 (812) 458–97–65,

E-mail: zapiski@unecon.ru

Научное издание

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА**

В ы п у с к 4

Подписано в печать 28.12.2021. Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 10,75. Тираж 1600 экз. Заказ 66.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ